

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

С Казахстан Спектр

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2

2025

www.kisi.kz

**Ценности и идентичность: методологические подходы
и аксиологические интенции (казахстанский кейс)**

Елена Бурова
Гульнара Коянбаева
Алёна Адамиди

**Некоторые аспекты идеологического процесса
в Казахстане: национальная идентичность
и гражданское общество**

Денис Качеев
Ермек Токтаров
Тауекель Оспанов

**Становление и развитие местных советов
в Казахстане (1917–1991 гг.): статус и полномочия**

Бауржан Шериязданов
Тенгеш Каленова
Гульвира Иманбекова

**Роль маслихатов в системе местного самоуправления
на примере города Алматы**

Жулдыз Давлетбаева
Асия Аканова

Особенности социального оптимизма казахстанцев

Айгерим Жунусова

**Доступность жилья в агломерациях Казахстана: анализ
влияния на социальную мобильность и интеграцию**

Бибигуль Бюлегенова
Айганым Жанаткызы
Мария Зерва

**Повышение эффективности государственного
регулирувания в горно-металлургическом
комплексе Республики Казахстан**

Айгуль Кошербаева
Абзал Калибаев

**Оценка влияния мировых цен на продовольствие на
продовольственную инфляцию в Республике Казахстан**

Раушан Дуламбаева
Торгын Демешева

**Экосистемный и человекоцентричный подход
в управлении персоналом в призме
международных институтов развития:
рекомендации для Казахстана**

Алия Дауешова
Сауле Искендинова
Айгерим Амирова
Айдана Набагова

ISSN 1562-6318

9 771562 631162

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Елена Бурова Гульнара Коянбаева Алёна Адамиди	Ценности и идентичность: методологические подходы и аксиологические интенции (казахстанский кейс) 7
---	---

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Денис Качеев Ермек Токтаров Таукель Оспанов	Некоторые аспекты идеологического процесса в Казахстане: национальная идентичность и гражданское общество. 24
Бауржан Шериязданов Тенгеш Каленова Гульвира Иманбекова	Становление и развитие местных советов в Казахстане (1917–1991 гг.): статус и полномочия. 33
Жулдыз Давлетбаева Асия Аканова	Роль маслихатов в системе местного самоуправления на примере города Алматы. 51
Айгерим Жунусова	Особенности социального оптимизма казахстанцев 64
Бибигуль Бюлегенова Айганым Жанаткызы Мария Зерва	Доступность жилья в агломерациях Казахстана: анализ влияния на социальную мобильность и интеграцию 78

АКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Айгуль Кошербаева Абзал Калибаев	Повышение эффективности государственного регулирующего в горно-металлургическом комплексе Республики Казахстан 90
Раушан Дуламбаева Торгын Демешева	Оценка влияния мировых цен на продовольствие на продовольственную инфляцию в Республике Казахстан 117
Алия Дауешова Сауле Искендрова Айгерим Амирова Айдана Набатова	Экосистемный и человекоцентричный подход в управлении персоналом в призме международных институтов развития: рекомендации для Казахстана 132

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Асель Назарбетова**,
Руководитель Представительства КИСИ при
Президенте РК в г. Алматы

Верстка: Меруерт Әсіл
Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитши-
лик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и
массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство
№644. ISSN 1562-6318
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакцион-
ной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в.
Тираж:

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ПІКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Елена Бурова Гүлнар Коянбаева Алёна Адамиди	Құндылықтар және бірегейлік: әдіснамалық тәсілдер мен аксиологиялық ұстанымдар (Қазақстан жағдайы) 7
---	--

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Денис Качеев Ермек Тоқтаров Тәуекел Оспанов	Қазақстандағы идеологиялық үдерістің кейбір қырлары: ұлттық бірегейлік және азаматтық қоғам. 24
---	---

Бауыржан Шериязданов Теңгеш Қаленова Гүлвира Иманбекова	Қазақстандағы жергілікті кеңестердің құрылуы және қалыптасып дамуы (1917-1991 жж.): мәртебесі мен өкілеттілігі 33
---	---

Жұлдыз Даулетбаева Әсия Ақанова	Алматы қаласының мысалында жергілікті өзін-өзі басқару жүйесіндегі мәслихаттардың рөлі 51
------------------------------------	---

Әйгерім Жүнісова	Қазақстандықтардың әлеуметтік оптимизмінің ерекшеліктері 64
------------------	--

Бибігүл Бөлегенова Айғаным Жанатқызы Мария Зерва	Қазақстан агломерацияларындағы тұрғын үйге қолжетімділік: әлеуметтік мобильділік пен интеграцияға ықпалын талдау 78
--	---

ӨЗЕКТІ ЭКОНОМИКА

Айгүл Көшербаева Абзал Қалибаев	Қазақстан Республикасының тау-кен металлургия кешеніндегі мемлекеттік реттеудің тиімділігін арттыру 90
------------------------------------	--

Раушан Дуламбаева Торғын Демешева	Қазақстан Республикасындағы азық-түлік инфляциясына әлемдік азық-түлік бағаларының әсерін талдау 117
--------------------------------------	--

Әлия Дауешова Сәуле Искендірова Әйгерім Амирова Айдана Набагова	Халықаралық даму институттарының призмасында персоналды басқарудың экожүйесі мен адами-орталықтандырылған тәсілі: Қазақстан үшін ұсынымдар 132
--	---

Бас редактор **Әсел Назарбетова**,
Алматы қаласындағы ҚР Президенті жанындағы
ҚСЗИ өкілдігінің басшысы

Беттеу: Меруерт Өсіл
Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ.,
Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail:
office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997
жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға
сілтеме жасалынуы міндетті.
Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі
мүмкін. . Таралымы: .

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

Elena Burova Gulnara Koyanbayeva Alyona Adamidi	Values and Identity: methodological Approaches and axiological Intentions (the Case of Kazakhstan) 7
--	--

POLITICS AND SOCIETY

Denis Kacheyev Yermek Toktarov Tauykel Ospanov	Some Aspects of Ideological Process in Kazakhstan: National Identity and Civil Society. 24
Baurzhan Sheriyazdanov Tengesh Kalenova Gulvira Imanbekova	Formation and Development of Local Councils in Kazakhstan (1917–1991): Status and Powers. 33
Zhuldyz Dauletbayeva Assiya Akanova	The Role of Maslikhats in the System of Local Self-government: the Case of Almaty 51
Aigerim Zhunussova	Features of Social Optimism of Kazakhstan People 64
Bibigul Byulegenova Aiganym Zhanatkyzy Maria Zerva	Housing Accessibility in Kazakhstan’s Agglomerations: Analyzing its Impact on Social Mobility and Integration 78

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS

Aigul Kosherbayeva Abzal Kalibayev	Improving the Efficiency of State Regulation in the Mining and Metallurgical Complex of the Republic of Kazakhstan 90
Raushan Dulambayeva Torgyn Demesheva	Assessment of the Impact of Global Food Prices on Food Inflation in the Republic of Kazakhstan 117
Aliya Daueshova Saule Iskendirowa Aigerim Amirova Aidana Nabatova	Ecosystem and Human-centered Approach to Personnel Management in the Prism of International Development Institutions: Recommendations for Kazakhstan 132

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Nazarbetova**,
Head of the Representative Office of the KazISS under
the President of the Republic of Kazakhstan in Almaty

Layout: Meruert Asyl
Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of
the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the
editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed by:
Copies: .

Редакционный совет

- Санат Кушкумбаев** – Председатель Редакционного совета, главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
- Марлен Ларюэль** – Директор Института европейских, российских и евразийских исследований Школы международных отношений Эллиота Университета Вашингтона, Ph.D. (США)
- Тимур Дадабаев** – Доцент кафедры международных отношений Университета Цукуба, Ph.D. (Япония)
- Адриен Фов** – Ассистент-профессор кафедры политики и международных отношений в Университете Пари-Сюд, Ph.D. (Франция)
- Беате Эшмент** – Научный сотрудник Центра восточноевропейских и международных исследований, Ph.D. (Германия)
- Хорос Йенг** – Ассоциированный профессор коммерческого права Школы права Лестера Лестерского университета, Ph.D. (Великобритания)
- Мартон Краснай** – Научный директор Центра исследований Центральной Азии при Университете Корвинуса, Ph.D. (Венгрия)
- Гульнара Насимова** – Заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
- Дастан Кошербаев** – Директор Института прикладных исследований Академии госуправления при Президенте РК, кандидат политических наук
- Рахман Алшанов** – Президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Анар Есенгельдина** – Заведующая отделом профессионального развития Центра исследований, анализа и оценки эффективности при Высшей аудиторской палате РК, кандидат экономических наук, профессор

Редакционная коллегия

- Асель Назарбетова** – Шеф-редактор, руководитель Представительства КИСИ в г. Алматы, Ph.D. по политологии
- Алуа Жолдыбалина** – Заместитель директора КИСИ при Президенте РК, Ph.D. по политологии, ассоциированный профессор
- Айгуль Кошербаева** – Ученый секретарь КИСИ при Президенте РК, доктор экономических наук, ассоциированный профессор
- Асель Абен** – Главный эксперт КИСИ при Президенте РК, Ph.D. по экономике

Редакциялық кеңес

- Санат Көшкімбаев** – Редакциялық кеңес төрағасы, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы
- Марлен Ларюэль** – Вашингтон университеті Эллиот халықаралық қатынастар мектебінің Еуропа, Ресей және Еуразиялық зерттеулер институтының директоры, Ph.D. (АҚШ)
- Тимур Дадабаев** – Цукуба университетінің Халықаралық қатынастар кафедрасының доценті, Ph.D. (Жапония)
- Адриен Фов** – Пари-Сюд университетінің Саясат және халықаралық қатынастар кафедрасының ассистент-профессоры, Ph.D. (Франция)
- Беате Эшмент** – Шығыс Еуропа және халықаралық зерттеулер орталығының ғылыми қызметкері, Ph.D. (Германия)
- Хорос Йенг** – Лестер университетінің Лестер заң мектебінің коммерциялық құқық кафедрасының қауымдастырылған профессоры, Ph.D. (Ұлыбритания)
- Мартон Краснай** – Корвинус университетінің Орталық Азияны зерттеу орталығының ғылыми директоры, Ph.D. (Венгрия)
- Гүлнара Насимова** – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдарының докторы, профессор
- Дастан Көшербаев** – ҚР Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Қолданбалы зерттеулер институтының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Рахман Алшанов** – «Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы жоғары оқу орындары қауымдастығының президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Анар Есенгелдина** – ҚР Жоғарғы есеп палатасы жанындағы Ғылыми-зерттеу, талдау және қызметтің тиімділігін бағалау орталығының біліктілікті арттыру бөлімінің меңгерушісі, экономика ғылымдарының кандидаты, профессор

Редакциялық ұжым

- Әсел Назарбетова** – Бас редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ Алматы қаласындағы Өкілдігінің басшысы, Ph.D.
- Алуа Жолдыбалина** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ директорының орынбасары, Ph.D., қауымдастырылған профессор
- Айгүл Көшербаева** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ ғалым хатшысы, экономика ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор
- Әсел Әбен** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас сарапшысы, Ph.D.

Editorial board

- Sanat Kushkumbayev** – Chairman of the Editorial Board, Chief Researcher at the Kazakhstan Institute for Strategic Studies (KazISS), Doctor of Political Science
- Marlene Laruelle** – Director of the Institute for European, Russian and Eurasian Studies at the Elliott School of International Affairs, George Washington University, Ph.D. (USA)
- Timur Dadabayev** – Associate Professor of International Relations Department at the University of Tsukuba, Ph.D. (Japan)
- Adrien Fauve** – Assistant Professor of Politics and International Relations at the University of Paris-Sud, Ph.D. (France)
- Beate Eschment** – Research Fellow at the Center for East European and International Studies, Ph.D. (Germany)
- Horace Yeung** – Associate Professor in Commercial Law at Leicester Law School, University of Leicester, Ph.D. (United Kingdom)
- Marton Krasznai** – Scientific Director of the Center for Central Asian Studies at Corvinus University, Ph.D. (Hungary)
- Gulnara Nassimova** – Head of the Department of Political Science and Political Technologies of the Kazakh National University named after Al-Farabi, Doctor of Political Sciences, Professor
- Dastan Kosherbayev** – Director of the Institute of Applied Research of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Sciences
- Rakhman Alshanov** – President of the educational corporation "Turan", President of the Association of Higher Educational Institutions of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences, Professor
- Anar Esengeldina** – Head of the Department of Professional Development of the Center for Research, Analysis and Evaluation of Performance under the Supreme Audit Chamber of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Economic Sciences, Professor

Editorial team

- Assel Nazarbetova** – Chief Editor, Head of the Representative Office of KazISS in Almaty, Ph.D. in Political Science
- Alua Zholdybalina** – Deputy Director of KazISS, Ph.D. in Political Science, Associate Professor
- Aigul Kosherbayeva** – Academic Secretary of KazISS, Doctor of Economics, Associate Professor
- Assel Aben** – Chief Expert of KazISS, Ph.D. in Economics

IRSTI:
04.21.31
11.15
12.21.31

VALUES AND IDENTITY: METHODOLOGICAL APPROACHES AND AXIOLOGICAL INTENTIONS (THE CASE OF KAZAKHSTAN)

Elena Burova¹

Gulnara Koyanbayeva²

Alyona Adamidi^{3*}

¹ Chief Researcher at the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan; Doctor of Philosophy, Professor; Almaty, Kazakhstan, e-mail: bee1958@bk.ru, ORCID: 0000-0001-9404-6066

² Chief Researcher at the Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies, Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan; Candidate of Philosophical Sciences; Almaty, Kazakhstan, e-mail: grk63@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0942-6692

^{3*} Master of Philological Sciences in the field of Foreign Philology, Karaganda University named after Academician E.A. Buketov; Karaganda, Kazakhstan, e-mail: adamidi.alyona@gmail.com, ORCID: 0009-0005-1903-0917

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.114.2.001>

Abstract. The study of values in Kazakhstani society is shaped by the assertion of sovereign identity within today's globalized landscape. The trajectory of value transformation aligns with the emergence of a new economic structure, growing social stratification, demographic shifts, efforts to overcome axiological tensions inherited from the Soviet past, the necessity of articulating historical memory, and the rapid advance of digitalization. Shifts in worldview are captured through sociological research and reflected in a hybrid value system, marked by heterogeneity and growing societal disparities. These changes manifest in various ways—from the promotion of unity and cohesion in official state documents to the polarizing axiological narratives

circulating across digital platforms. Researchers and policymakers alike acknowledge the dissonance and the influence of new factors on identity formation.

The aim of this research is to represent the discourses surrounding values within both public and specialized consciousness, based on comparative analysis conducted by research institutions. Interdisciplinary approaches prove particularly effective in tracking value shifts. Scholars draw upon conceptual frameworks of neoliberalism, neocolonialism, nationalism, and institutional theory. Comparative methodological analysis reveals the predominance of a constructivist approach, emphasizing unity and cohesion through the revival of national values and a pragmatic, critical stance toward global neoliberal ideals.

Keywords: *divergence of values, identity, institutional approach, cultural-civilizational resilience, modernization of consciousness, nationwide Kazakhstani values*

ҚҰНДЫЛЫҚТАР ЖӘНЕ БІРЕГЕЙЛІК: ӘДІСНАМАЛЫҚ ТӘСІЛДЕР МЕН АКСИОЛОГИЯЛЫҚ ҰСТАНЫМДАР (ҚАЗАҚСТАН ЖАҒДАЙЫ)

Елена Бурова¹, Гүлнар Коянбаева², Алёна Адамиди^{3*}

¹ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының докторы, профессор, Алматы, Қазақстан, e-mail: bee1958@bk.ru

²ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері, философия ғылымдарының кандидаты, Алматы, Қазақстан, e-mail: grk63@mail.ru

^{3*}«Шетелдік филология» мамандығы бойынша филология ғылымдарының магистрі, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан, e-mail: adamidi.alyona@gmail.com

Аңдатпа. Қазақстандық қоғамның құндылықтарын зерттеу қазіргі заманның жаһандық кеңістігіндегі егемендік бірегейлікті бекітумен астасып жатады. Қазақстандықтардың ұмтылыстарының өзгеру бағыттары жаңа экономикалық тәртіппен, әлеуметтік стратификациямен, демографиялық ығысулармен, кеңестік тарихи кезең тудырған аксиологиялық шиеленісті еңсерумен, өткенге тұжырымды көзқарас қажеттілігімен, цифрландырудың қарқынды дамуымен үндеседі. Дүниетанымның трансформациялары социологиялық өлшемдерде тіркеледі және біртекті емес құндылықтардың гибридті жүйесінде көрініс табады: қоғам көп өлшемді, әлеуметтік диспропорциялар артып келеді. Өзгерістердің артикуляциясы кең ауқымды көріністерге ие: мемлекеттік бағдарламалық құжаттардағы бірлік пен бірлікке назар аударудан бастап Интернеттің әртүрлі сегменттеріндегі аксиологиялық позициялардың таңылған поляризациясына дейін. Жағдайлардың теңгерімсіздігі мен идеологиялық сәйкестендіруге жаңа факторлардың әсері ғылыми қоғамдастықтарда да, мемлекеттік саясатты әзірлемелеу мен оларды жүзеге асыру деңгейінде де мойындалады.

Зерттеудің мақсаты - зерттеу құрылымдары жүргізген өлшемдерді салыстыру негізінде бұқаралық және мамандандырылған санадағы құндылықтар туралы зерттеу дискурстарын ұсыну. Құндылық ауысымдарын зерттеудің тиісті әдісі пәнаралық құралдар арқылы жүзеге асады. Ғалымдар мен талдаушылар неоллиберализм, неокOLONиализм, ұлтшылдық және институционалдық көзқарастың теориялық тұжырымдамаларын пайдаланады. Қолданбалы әдістемелерді салыстырмалы зерттеу нәтижелері қоғамның бірлігі мен біртұтастығы мақсаттарына назар аударып, құндылық бейнесін теориялық қайта құруда конструктивистік көзқарастың басымдылығын көрсетеді. Конструктивизм аксио-

логиясы ұлттық қазақ құндылықтарының жиынтығының маңыздылығын, ұлттық құндылықтардың қайта жаңғыруы мен өзектілігін көрсетуге бейім және жаһандық тәртіптің неолибералдық құндылықтарына прагматистік және сыни көзқарасқа бағытталған.

Түйін сөздер: құндылықтар дивергенциясы, сәйкестілік, институционалдық көзқарас, мәдени және өркениеттік тұрақтылық, сананы жаңғырту, жалпықазақстандық құндылықтар.

ЦЕННОСТИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ (КАЗАХСТАНСКИЙ КЕЙС)

Елена Бурова¹, Гульнара Коянбаева², Алёна Адамиди^{3*}

¹Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МНВО РК, доктор философских наук, профессор, Алматы, Казахстан, e-mail: bee1958@bk.ru

²Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки МНВО РК, кандидат философских наук, Алматы, Казахстан, e-mail: grk63@mail.ru

^{3*}Магистр филологических наук специальности «Иностранная филология», Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан, e-mail: adamidi.alyona@gmail.com

Аннотация. Изучение ценностей казахстанского общества обусловлено утверждением суверенной идентичности в глобальном пространстве современности. Вектор трансформации устремлений казахстанцев синхронизирован с новым экономическим укладом, с социальной стратификацией, с демографическими сдвигами, с преодолением аксиологической напряженности, порожденной советским историческим этапом, с необходимостью артикулированного отношения к прошлому, со стремительным развитием цифровизации. Трансформации мировоззрения фиксируются в социологических измерениях и отображаются в гибридной системе ценностей, которая не отличается однородностью: общество многомерно, увеличиваются социетальные диспропорции. Артикуляция изменений имеет широкий спектр проявлений: от фокусирования на единство и сплоченность в программных государственных документах до навязываемой поляризации аксиологических позиций в разных сегментах Интернета. Разбалансирование условий и воздействие новых факторов для мировоззренческой идентификации осознается и в исследовательских сообществах, и на уровне разработки и реализации государственной политики.

Цель исследования заключается в репрезентации исследовательских дискурсов о ценностях в массовом и специализированном сознании на основе сравнения измерений, проводимых исследовательскими структурами. Релевантным способом изучения ценностных сдвигов выступают междисциплинарные средства. Ученые и аналитики используют теоретические концепты неолиберализма, неокOLONиализма, национализма, институциональный подход. Результаты сравнительного изучения применяемых методологий обнаруживают преобладание конструктивистского подхода в теоретической реконструкции ценностной картины с центрированием на цели единства и сплоченности общества. Аксиология конструктивизма тяготеет к акцентированию значения корпуса общенациональных казахстанских ценностей, возрождения и реактуализации национальных ценностей, ориентирована на прагматическое и критическое отношение к неолиберальным ценностям глобального порядка.

Ключевые слова: *дивергенция ценностей, идентичность, институциональный подход, культурно-цивилизационная устойчивость, модернизация сознания, общекзахстанские ценности.*

Introduction (theoretical approaches and axiological contexts)

The process of Kazakhstan's identity formation in an evolving globalized world gives rise to the dilemma of defining societal development goals in a balance between universal and particular choices across political, cultural, and social dimensions. This process is accompanied by the emergence of a modernized system of values. The period of worldview transformation from the 1990s to the present has been synchronized with societal changes in economic structures, social stratification, and political institutions. These developments have formed the basis for identification shifts within the state, society, and individual citizens.

Value transformations in Kazakhstan are examined through various projections and approaches: with regard to society as a whole (the generation and transmission of ideological constructs; varying levels of awareness in both mass and specialized consciousness); within a regional focus; through the lens of specific social groups (gender, age, ethnicity, urban or rural residence, educational background, socio-professional status, religion, etc.); through the typology of values (vital, basic, self-improvement, self-actualization; social, political, religious); and within the context of actors and institutions that construct, transmit, and re-transmit paradigms, norms, and traditions.

Research on the values of Kazakhstani society is conducted by academic institutions such as the Institute of Philosophy, Political Science, and Religious Studies of the Committee of Science under the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (hereinafter – IPPSRS) [1–6]; analytical organizations, including the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan [7–11], the Institute for Ethnopolitical Research [12–14], and the Public Foundation "Center for Social and Political Studies (CSPS) 'Strategy' [15–18]; quasi-state institutions such as the Kazakhstan Institute of Public Development (KIPD) [19–22] and the Research Center "Youth" [23–26]; international analytical centers represented in Kazakhstan (e.g., the Friedrich Ebert Foundation) [27]; as well as Kazakhstani sociological agencies participating in the international World Values Survey (WVS) project [28], and individual scholars, including Chebotarev A., Zabirowa A. [29].

Domestic studies vary by type and format, including fundamental, applied, and foresight research, all grounded in sociological measurements. Depending on the context, different levels of explanatory tools and methodological approaches are employed. These studies result in value matrices of public mentality, predictive scenarios, and analytical reports.

While similar in focus, value studies in post-Soviet states differ in content. The retrospective formation of axiological discourses in these societies is attributed to the systemic crisis of the transition period, experienced in mass consciousness as a social upheaval [30].

Since the 1990s, a phase of competition has emerged between authoritarian-paternalistic attitudes and new liberal values. Perceptions of democratic values, civil liberties, and the role of the state and nation have been reshaped under the influence of both internal and external factors. A shared feature among all newly sovereign

states has been the identification of key factors—historical, economic, socio-cultural, and political—that contributed to the breakdown of the normative system of former Soviet ideology. The rethinking of values is a prolonged process, shaped by the experience of mass upheavals and society’s adaptation to them [31].

The study of the most recent social shock—the military conflict between Russia and Ukraine since February 2022—has revealed that in extreme situations, values such as security, freedom, independence, solidarity, and patriotism come to the forefront, displacing material aspirations. There is a renewed emphasis on moral categories such as honor, responsibility, humanism, and mutual aid as foundational orientations. The collapse of the old value system leads to social anomie and polarization [32]. In post-Soviet societies, value crises are exacerbated in moments of upheaval, when former norms are rapidly reassessed and collective identity is re-centered around existential values such as survival and national unity.

The evolution of values in newly independent states follows diverse trajectories, influenced by attitudes toward tradition, generational continuity, goals of national self-identification, and political development strategies. In Russian society, this evolution is predominantly characterized by an intergenerational rift in the understanding and acceptance of new ideological orientations, moral imperatives, and ethical norms [33]. Post-Soviet states often develop doctrines of national values within the framework of political and ideological theories. In Russia, for example, a set of “traditional values” is officially institutionalized to promote state policy. This reflects the determinism of the theory of cultural sovereignty grounded in the idea of Eurasianism and points to a distinctive assertion of civilizational identity and state ideology based on so-called “spiritual bonds.”

The political science dimension of value transformation is examined within the context of theories of regional integration and security. Scholars argue that, in Eastern European countries following the collapse of the USSR, the direction of integration—either toward Russia or the European Union—is shaped by a competition over value-based legitimacy. Governments are compelled to navigate between nationally rooted values and universal (supranational) norms. The ability to shift between distinctly national values and general democratic principles becomes a key attribute of state sovereignty in the post-Soviet context.

Theoretically, this process draws upon the concepts of societal security and identity politics, where the preservation of national identity and a core value system is viewed as a precondition for state resilience in the face of asymmetric integration. In this regard, Russia constructs a distinctive value-based organizational space across the post-Soviet region, appealing to the identitarian resources of neighboring populations—shared historical and cultural values, Orthodox Christianity, collective memory of victory, etc.—in contrast to the universalist values promoted by the European Union [34].

The aim of this study is to identify the methodological and axiological approaches employed by Kazakhstani researchers in examining the phenomena of value transformation and the processes of modernization of public consciousness.

Research Methods

This article is based on a comprehensive interdisciplinary approach that integrates philosophical, political, cultural, and sociological perspectives. It is structured around a comparative analysis of methodological frameworks, hermeneutic practices,

and axiological preferences of Kazakhstani scholars. The methods applied include comparison, reconstruction, objectification and de-objectification, conceptualization, modeling, and expert evaluation.

The available empirical databases in Kazakhstan concerning the sociological measurement of values and identity are comparable in terms of data collection and processing methods, reflect the general population, are consistent in sample sizes, match in sampling typologies, and yield commensurable results. Therefore, the method of extrapolation is employed to analyze trends in the transformation of societal value mentality.

Research Results

The international discourse on values in Kazakhstan is supported by the WVS project [28]. Data collection in the WVS is based on a standardized questionnaire (comprising 290 possible responses) and encompasses all aspects of the respondent's self-identification—from the formation of beliefs within the family environment to perceptions of political actors in national, regional, and global contexts. The WVS investigates value projections in relation to parental background, changing social statuses, and cognitive and axiological assessments of contemporary cultural, political, and environmental realities.

As such, the survey analyzes the multilayered and multidimensional path of respondent socialization through identity indicators—as a citizen, family member, ethno-cultural subject, and more. The uniformity of questions across countries, the longitudinal design (spanning over 40 years), the formalization of empirical indicators, and the capacity for digital data processing and storage allow for both intra-country and cross-country dynamic comparisons. These data support the creation of value-based mappings of nations, regions, and the global community.

WVS research questions cover a broad thematic spectrum, including: governance, gender equality, religion, trust in various societal groups and institutions, personal security, and others. In essence, the survey constructs an informational portrait of the respondent, which is analyzed using mathematical statistics, formatted into a digital matrix of multidimensional variables, and applied in the development of predictive models for system evolution.

The primary explicit goal of the WVS is to explore shifts in people's worldviews, value orientations, and attitudes toward various aspects of life. Its implicit objective, however, includes the collection of relevant information on diverse identification characteristics of populations, the assessment of loyalty to political regimes, the measurement of protest potential, and the evaluation of civic engagement.

Kazakhstani researchers use the WVS matrices as a relevant empirical data source for comparative studies [35]. Under the auspices of the Friedrich Ebert Foundation, Kazakhstani sociologists and political scientists conducted a structured analysis of values within contemporary Kazakhstani society using a nationally representative sample. Their research engaged with conceptual frameworks from A. Maslow, Sh. Schwartz's methodology, and R. Inglehart's program, recognizing their conceptual compatibility with the goals and methodology of the local study.

This research centers on civil identity and explores labor, family, civic, and political values, as well as values of inclusion and democracy. The starting point is identified as a value divide between traditionalists—who adhere to core Kazakh national values—and modernists. The researchers highlight key questions concerning

Kazakhstan's unique value landscape, the interaction and mutual influence of values in mass and group consciousness, the degree and intensity of generational value differences, and the alignment of the "value reality" with Kazakhstan's socio-economic and political-ideological strategies [27].

The annual analytical reports of the Research Center "Youth" (2013–2023) [23–26] are aimed at providing a comprehensive representation of social changes among the youth of Kazakhstan—the most numerous and potentially dynamic segment of society.

The studies address current issues of identification and socialization of Kazakhstani youth through longitudinal analysis of demographic structure, health status, leisure practices, socio-economic conditions, engagement in education and science, participation in socio-political processes, involvement in youth organizations, and more. Value orientations are examined in relation to worldview, employment, career aspirations, family, lawfulness, and civic consciousness.

The reports document acute challenges in youth life organization, including NEET phenomena, migration, drug use, crime, marginalization, and socio-domestic insecurity. Using methods of sociological reconstruction of empirical measurements, the research identifies, visualizes, and theorizes the state and trends of demographic shifts within the youth population, socio-economic characteristics of lifestyle, evaluation of educational strategies, intellectual aspirations, readiness for professional self-realization, value structures of mentality, political and civic consciousness, self-identification in a multilingual environment, religious identity trends, and participation in youth initiatives, movements, and organizations.

All areas of youth life activity are presented with substantiated empirical verification, occasionally in comparative perspective and, less frequently, in predictive assessments. The reports include comparative analyses of regional similarities and differences, identify institutional policy trajectories and responsible actors in youth policy, outline problematic areas, and assess the risks of ignoring youth-related issues. Concrete policy recommendations are developed for various stakeholders.

The value matrix includes not only ideal values and normative values, but also anti-values. This approach expanded the scope for addressing socially acute issues affecting this demographic group. A distinctive feature of the research was the inclusion of international experience, which brought the recommendations closer to practical implementation algorithms [23–26].

The research conducted by IPPSRS [1–6] is characterized by its fundamental nature, combining historical retrospection with contemporary interpretation. It employs an interdisciplinary approach, conceptualizes the obtained results, and offers theoretically grounded generalizations. The studies also emphasize practical recommendations for various stakeholders involved in political, ideological, educational, and cultural processes.

The completed studies are openly accessible and represented in monographic publications and collections of international conference proceedings, making them available to researchers, experts, the political establishment, students, and educators. A key asset is the existence of an empirical sociological database on values, which ensures reproducibility and adaptability in future programs of socio-humanitarian data analysis.

The role and significance of culture and values in Kazakhstani society have been comprehensively studied as essential components for ensuring sustainable and stable

development in the country's current stage of transformation. The research analyzes the nature and architecture of public consciousness, emphasizing its specific features in the context of the technogenic environment, information and communication technologies, the development of virtual reality, and the spread of transhumanist and posthumanist ideologies. Challenges and obstacles to transforming (modernizing) contemporary Kazakhstani public consciousness have been systematized.

A comparative analysis of European, Islamic, and Kazakhstani cultural values has been conducted within the framework of sustainable development, highlighting the distinctive features of Kazakhstan's value discourse. The research identifies the ontological content, axiological significance, and integration of both religious and secular values. Notably, the potential of the "halal" concept is explored as a universal paradigm within value discourse for both believers and non-believers.

The conclusions drawn by scholars the IPPSRS–MHSE are distinguished by a strong capacity for conceptualizing results, applying logical structuring, and generating new theoretical knowledge concerning the mechanisms of value change within the context of cultural, political, and religious transformations.

The recommendations offered span various forecasting horizons—short-term, medium-term, and long-term—and their risk assessments are aligned with both regional and global processes and trends. Compared to other research institutions, the IPPSRS–MHSE possesses a longer and more diverse history of value-related studies, a multidisciplinary team of scholars, independence from biased outcomes, and a high degree of objectivity and critical evaluation.

The analytical conclusions of the "CSPS "Strategy" [15–18] regarding specific ideological constructs, mythologemes, values, and processes of transformation in public consciousness and institutions are distinguished by their conciseness, depth, specificity, and multidimensional projection into historical retrospection, phenomenological reconstruction, and the synthesis of current issues within a framework of relevance, complexity, and existential significance. This approach is made possible by the research team's high level of professionalism, thematic and problem-based continuity, and execution of all stages—from fieldwork to theoretical interpretation and presentation—by internal means. The value studies conducted apply a comprehensive methodology with a strong orientation toward institutional analysis.

The Kazakhstan Institute of Public Development (KIPD), as the operator of the national program for the modernization of public consciousness "Rukhani Zhangyru", has introduced innovative trends in the organization and presentation of research. In addition to monitoring the program's implementation—through the analysis and mapping of activities conducted across all regions—KIPD has also presented expert and analytical discourses, along with relevant sociological studies [36].

During foresight sessions such as "Shaping the Image of the Kazakhstani Citizen of the Future," "Fostering an Inclusive Worldview and Inclusive Society," and "Kazakhstan on the International Stage," experts outlined key development trends, assessed potential risks, and formulated forecasts [20]. These models reconstructed ideal-typical visions of the future, identified fragmentary factors and conditions for achieving them, and proposed preliminary implementation strategies.

An objective analysis of the program's content and effectiveness—evaluated through the lens of political actors and strategic documents encompassing strategemes, ideologemes, and discourses—reveals a growing awareness within both the analytical community and the political class of the program's

implementation challenges. The research identifies various obstacles that hinder the establishment of a value-oriented dialogue at the societal level across different stages of realization [21].

Thus, the task of transforming public consciousness along the path of modernization problematizes multiple aspects of Kazakhstan's societal functioning, revealing both strengths and achievements, as well as weaknesses and deficiencies that must be addressed in the formulation of a national ideological framework.

Discussion of Results

The comparative analysis conducted by the authors of the article yields the following results:

1. Research and analytical communities in Kazakhstan have produced a value landscape map and a representative picture of the societal value system. While the studies are methodologically consistent in their sociological measurements, they diverge in their axiological interpretations.

2. Despite sharing common research goals—namely, the study of value transformation—various research actors employ different strategies, ranging from fieldwork emphases and theoretical frameworks to the development of policy recommendations.

3. Researchers affiliated with quasi-governmental institutions tend to adopt an applied and predominantly empirical approach. Their work is typically driven by state social mandates, focusing on the most pressing challenges of value transformation and aimed at developing short-term forecasts.

4. Scholarly communities engaged in projects of foreign research centers or international studies tend to follow Western standards not only in research organization but also in interpretation. Their main focus lies in assessing levels of civic engagement.

5. Foresight studies on values have yet to gain significant traction. Nevertheless, their prognostic potential enhances the otherwise static value matrix by bridging empirical analysis with ideal-typical models, and by identifying current conditions, risks, and threats from an expert perspective.

6. The review of research efforts shows that, through the fragmented yet complementary work of scholarly and analytical communities, a panoramic reconstruction of Kazakhstan's value mentality has emerged. This includes a systematized cartography, an acknowledgment of multidimensionality, and the identification of forecast contours aligned with the goals and objectives of the state, society, and individual development.

7. The constructivist approach to systematizing state-led value discourse—transmitted by the authorities to society and citizens—reveals the existence of “disconnection zones” in the communication of value meanings: a gap between how these meanings are formulated and conceptualized by the state and how they are actually perceived by the general population. The overwhelming majority of people do not reflect on values as purposeful ideals; instead, they navigate daily life through normative values shaped by personal experience and family tradition.

8. A comparative analysis of the methodologies and axiological foundations of academic approaches reveals a paradigm shift—research-based, methodological, ideological, and worldview-oriented.

9. Value concepts are embedded within axiological and methodological

frameworks that reflect:

- a) the heterogeneity of society (in the tension between a conservative, traditionalist majority and a liberal, creatively inclined minority),
- b) the multidimensionality of values (national and supranational),
- c) the conflict between tradition and modernity, which has led to, among other things, the revitalization of religious institutions and attempts to root religious values in national-cultural codes,
- d) the opposition between national values and Western (global universalist) ideals.

10. The study and functioning of values are conditioned by the multidimensional nature of possible hermeneutic identifications—cultural and civilizational, ethnic and supranational, traditional and modernizing, nationwide, civic, generational, and others.

11. The generation, transmission, retransmission, and interaction of value meanings constitute a complex interplay of institutional practices operating across politics, academia, education, media, the mentality of the intellectual elite, and mass consciousness.

12. The state discourse on values in Kazakhstan is shaped by the political establishment, articulated through official addresses of the Head of State, and implemented via national ideology, education, and public enlightenment.

The transformation of value-meaning intentions at the individual, group, and societal levels continues, as confirmed by ongoing social measurements. The following specific features of this process have been identified:

- A distinct transformation of mentality is observed, characterized by the substitution of the value-normative structure through a type of inversion: collectivist values are being replaced by corporate and individualistic ones; values of attachment give way to values of freedom, and so on;
- There is an increasing generational gap and misalignment in the hierarchy of value preferences among the older, middle, and younger generations;
- While the general framework and value matrix remain similar across different ethnic groups, variations in the value hierarchy reflect each group's position within the social structure;
- Across all social cohorts—age, ethnicity, education level, and place of residence—values oriented toward social responsibility and civic engagement remain insufficiently significant to activate a robust civil society;
- The necessity for accelerated technological breakthroughs and innovation has not been sufficiently recognized or internalized within public consciousness.

At this stage of Kazakhstan's state-building process, the development of a nationwide mentality becomes particularly relevant. This process is based on the principles of fostering the human spirit—civic consciousness, willpower, and the meaning of individual and collective existence. The formation of these qualities is linked to the social and psychological orientations of individuals toward participation in society—from the perspective of the individual and the groups with which they identify.

Expressions of patriotism and aspirations to contribute to the creation of a new sociocultural environment are closely tied to the internalization (understanding, acceptance, and transformation into a purposeful attitude) of social activity. Such engagement does not arise spontaneously; it is the outcome of state ideology implemented through systems of upbringing, education, and public enlightenment.

An important factor in these processes is the methodological role of socio-humanitarian scholarship and the axiological frameworks adopted by researchers.

The issue of values within the post-Soviet space is explored through interdisciplinary approaches. It is examined within the panoramic theory of cultural revolution, which conceptualizes value shifts across Eastern European countries and the former USSR [37]. Geopolitical orientation and external influence emerge as significant drivers of value transformations, with post-Soviet states frequently oscillating between Western liberal values and traditionalist perspectives.

The case of Kazakhstan is analyzed in the context of constructing national historical narratives [38]. In political science discourse, the transformation of values is often studied as a struggle over identity and values in Eastern European and post-Soviet societies. Hale, H. E., in his research on post-Soviet political regimes, investigates generational differences in value orientations and their influence on political processes [39].

From a philosophical standpoint, the value crisis accompanying the post-Soviet transition is frequently interpreted as an ethical vacuum. Among the most debated areas of study in international theoretical discourse are ethnic values. The construction of national values is understood as a manifestation of everyday nationalism and identity politics.

The analysis of the concept of "banal nationalism" and its impact on national values is viewed as a response to the question of why individuals continue to maintain a sense of national identity. M. Billig argues that in the contemporary world, nationalism remains a dominant ideological force, and its manifestations have become so normalized that they often go unnoticed. In everyday life, nationalism is continually reinforced through the media via routine symbols and linguistic habits [40].

The discourse on the interrelation between culture and history is expressed through the formation of national identity and national values [41]. The study of the roles of culture and history in shaping national identity is further enriched by the analysis of the process of de-Sovietization and the emergence of a Kazakh national idea in the postcolonial context, with particular attention to the country's colonial past[42].

These developments contribute to the emergence of a deliberate shift away from the value foundations of the Soviet past and toward the creation of de-Sovietization and postcolonial narratives. Such narratives have become central to the explanatory theoretical frameworks employed by Western scholars. These methodological strategies and axiological approaches are increasingly embraced by Kazakhstani researchers. The institutional approach, grounded in constructivism, appears particularly promising for fostering a consensus-oriented paradigm within the Kazakhstani mentality.

Discussion Questions

Values do not function autonomously; they are formed, transmitted, and internalized through multifaceted processes of socialization.

Kazakhstan's transitional development has proceeded largely without a systematic analysis of the condition and trends of civic mentality formation. In society, the system of public enlightenment—once a mechanism for conveying the foundational concepts of the rule of law, social responsibility, and shared values to the broader

public—has virtually disappeared.

A generation born alongside Kazakhstan's independence has come of age, undergoing socialization in a context of dynamic and continuous change. Transformations in the age, ethnic, socio-professional, and settlement structures of society have inevitably influenced value shifts.

A revision of paradigms and principles governing general and professional education in the social sciences and humanities across all levels has led to content eclecticism and the loss of a coherent worldview focus.

When education and public enlightenment fail to form and reproduce a value-oriented consciousness, individuals do not undergo the necessary process of civic socialization.

The underdevelopment of technologies for the reproduction of belief systems has resulted in weakened generational continuity and increased ideological marginalization. This contributes to social atomization, alienation, erosion of civic unity, widening generational gaps, and interethnic divisions.

Rapid social stratification—from the emergence of an oligarchic class to the formation of the “self-employed” stratum, rentiers, and socially marginalized individuals without stable employment or residence—along with a heightened emphasis on ethnic self-identification as a basis for state-building orientation, and the proliferation of “Overton windows” in the context of worldview pluralism (facilitating the imposition of foreign cultural values), have collectively fostered a multidirectional value environment among the population.

Polarization is intensifying not only along lines of economic inequality and lifestyle differences, but also in the broader perception of life context. Opposition media, internet platforms, and bloggers consistently and deliberately construct narratives of confrontation along the axes of “state–citizen,” “society–individual,” and “authority–person,” thereby influencing the scale and depth of protest consciousness. In a multiethnic and multiconfessional society such as Kazakhstan, this dynamic presents a serious constraint and, under certain conditions, may pose a threat to social and political stability.

The state, as the primary actor shaping identity policy and designing corresponding strategies, must possess a clear and accurate understanding of both the positive and negative trends within the modernization of public consciousness.

The divergence, pluralization, polarization, and transformation of values—combined with the emergence of new actors influencing belief systems in the digital age (e.g., bloggers)—contribute to various societal states: from conflict-prone (where high protest potential and organizational readiness are present) to stagnant (when public mentality adapts too slowly to emerging challenges).

In a turbulent era of global transformation, national sovereignty increasingly depends on the state's and society's capacity for civilizational resilience. The competitiveness of the state is largely determined by the quality of its public mentality, which is, in turn, shaped through the diverse forms and types of socialization experienced by every citizen of Kazakhstan.

The principal mechanism shaping values is continuous lifelong socialization. This process begins within the family and through upbringing and education during childhood and adolescence; it then transitions into professional and civic socialization during youth, supports the realization of individual potential in young and middle adulthood, and culminates in the intergenerational transmission of life experience

from older to younger generations.

In the current context of pervasive influence from information technologies, the task of preserving societal unity—amid extensive segmentation along various substantive lines—has become increasingly challenging. Processes of worldview identification demand the development and practical implementation of appropriate models and technologies, especially in light of the rapid advancement of the information society.

Conclusion

A critical worldview is emerging within public consciousness—one that questions Kazakhstan's place within the global order, the pathways to achieving and preserving sovereign identity, and the meaning, purpose, and success of life itself.

Studies on the condition and dynamics of national mentality, expert evaluations, and focus group research reveal that a rethinking of the societal development paradigm is occurring across all levels—from state institutions to individual citizens.

Analysis of the perception of institutions and key actors influencing the transformation and modernization of mentality highlights several strengths: the established tradition of worldview pluralism in Kazakhstani society; the continued high authority of the family as a foundational institution for shaping worldview; and the renewed appeal to the roots of ethnonational culture and traditions.

At the same time, these positive factors are accompanied by several challenges: the decline in the educational system's capacity to provide ideological and moral guidance; the absence of a broad public enlightenment infrastructure; the emergence of new "authoritative" ideological influencers outside the realms of family and formal education; the growing dependence of worldview formation on external situational factors; and the ambiguous impact of information resources—especially the Internet—which has seen a rise in the circulation of negative and unreliable content on social media platforms.

State strategemes in Kazakhstan are centered on the stable, incremental, systematic, and progressive nature of social transformation. Principles such as unity in diversity, tolerance toward cultural otherness, and the formation of a spiritual code of the nation that integrates supranational discourse serve as essential conditions for stable development.

For the society's intensive modernization, the sustainable functioning of the state, and the reproduction and incorporation of paradigms such as national unity, ideological constructs linking labor to prosperity, consensus across political viewpoints, and tolerance for increasing diversity, a consistent state program of value-oriented socialization is imperative. This program must be implemented across systems of upbringing, education, labor, civic, and leisure activities.

The successful realization of such a program requires long-term research into the value context of societal functioning. Most crucially, it demands the development of effective algorithms for influencing worldview orientations, beliefs, and attitudes through the use of modern information and communication technologies.

Source of Research Funding

This research has been/was/is funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR24993269 «Evolution and Transformation of Value Orientations in Kazakhstani Society During the Independence Period»)

References

1. Soznanie i obshchestvo: vremya transformatsii (filosofskii analiz) [Consciousness and society: a time of transformations (a philosophical analysis)]. Pod obshch. red. Bizhanova A.Kh. Almaty, Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK. 2020. pp. 440. ISBN 978-601-304-113-1
2. Svetskost' i religiiia v sovremennom Kazakhstane: modernizatsiya dukhovno-kul'turnykh smyslov i strategii [Secularity and religion in modern Kazakhstan: modernization of spiritual and cultural meanings and strategies]. Almaty. 2020. pp. 278. ISBN 978-601-304-115-5
3. Kazirgi zamannyn' madenieti men kundulykhtary: respublikalyk dong'elek usteldin' materialdar zhinaghy. Kultura i tsennosti sovremennogo mira [Culture and values of the modern era: collection of materials from the republican roundtable]. Almaty, IFPR KN MON RK. 2021. pp. 272. ISBN 978-601-304-121-6
4. Kultura i tsennosti obshchestva v usloviakh obnovleniia sovremennogo Kazakhstana: sbornik materialov respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kazirgi Kazakhstannyn' zhang'yrtylu zhaqdayndaqy qogamnyñ madenieti men kundulyqtary [Culture and values of society under the renewal of modern Kazakhstan: proceedings of the republican scientific-practical conference]. Almaty, IFPR KN MNVO RK. 2022. pp. 320. ISBN 978-601-08-0475-3
5. Svetskie i religioznye tsennosti v sovremennom Kazakhstane: vzaimodeistvie i vliianie na politiku RK v sfere religii [Secular and religious values in modern Kazakhstan: interaction and influence on the state policy in the religious sphere]. Almaty. 2023. pp. 213. ISBN 978-601-304-129-2
6. Fenomen "khalial" i ekologicheskoe soznanie: opyt svetskikh gosudarstv [The phenomenon of "halal" and ecological consciousness: the experience of secular states]. Almaty. 2024. pp. 245. ISBN 978-601-304-143-8
7. Kazpravda. Sotsial'nye svyazi kak resurs mental'nogo zdorov'ya [Social ties as a resource for mental health]. Retrieved from <https://kazpravda.kz/n/sotsialnye-svyazi-kak-resurs-mental'nogo-zdorov'ya/>
8. Kazakhstan Institute for Strategic Studies – KISI. Razvitie navykov kak novaya tsennost' i sposob izmeneniya zhiznennykh shansov [Skill development as a new value and a way to improve life chances]. Retrieved from <https://kisi.kz/ru/razvitie-navykov-kak-novaya-chennost-i-sposob-izmeneniya-zhiznennykh-shansov/>
9. Kazakhstan Institute for Strategic Studies – KISI. Nachalom dostatka yavlyaetsya berezhlivost' [Frugality is the beginning of prosperity]. Retrieved from <https://kisi.kz/ru/nachalom-dostatka-yavlyaetsya-berezhlivost/>
10. Kazakhstan Institute for Strategic Studies – KISI. [PDF] Retrieved from <https://kisi.kz/wp-content/uploads/2023/08/09-03-2021-2-1-1.pdf>
11. Kazakhstan Institute for Strategic Studies – KISI. [PDF] Retrieved from <https://kisi.kz/wp-content/uploads/2023/08/09-03-2021-3-1.pdf>
12. Institut etnopoliticheskikh issledovaniy – IAER. Mezhetnicheskie otnosheniya v kontekste tsennostnykh orientirov [Interethnic relations in the context of value orientations]. Retrieved from <https://iaer.kz/ru/item/182-mezhetniceskie-otnosenia-v-kontekste-cennostnykh-orientirov>
13. Institut etnopoliticheskikh issledovaniy – IAER. Provedenie forsayt-issledovaniya po voprosam grazhdanskoy identichnosti i integratsii etnicheskikh grupp Kazakhstana [Conducting a foresight study on civic identity

- and ethnic group integration in Kazakhstan]. Retrieved from <https://iaer.kz/ru/item/21-provedenie-forsajt-issledovania-po-voprosam-grazhdanskoj-identichnosti-i-integracii-etniceskih-grupp-kazahstana>
14. Institut etnopoliticheskikh issledovaniy – IAER. Gosudarstvennaya politika v sfere ukrepleniya kazakhstanskoy identichnosti [State policy in strengthening Kazakhstani identity]. Retrieved from <https://iaer.kz/ru/item/18-gosudarstvennaa-politika-v-sfere-ukrepleniya-kazahstanskoj-identichnosti>
 15. Tsentr sotsial'nykh i politicheskikh issledovaniy “Strategiya” – Strategy Center. Po predvaritel'nym rezul'tatam ekspertnykh interv'yu u predstaviteley kazakhskoy tvorcheskoy intelligentsii slozhilos' neodnoznachnoe vospriyatie dannoy idei [According to preliminary expert interviews, the idea was received ambiguously by the Kazakh creative intelligentsia]. Retrieved from <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/443-po-predvaritel'nym-rezul'tatam-ekspertnykh-interv'yu-u-predstaviteley-kazahskoy-tvorcheskoj-intelligentsii-slozhilos-neodnoznachnoe-vospriyatie-dannoj-idei>
 16. Tsentr sotsial'nykh i politicheskikh issledovaniy “Strategiya” – Strategy Center. Sovremennoe meshchanstvo: sotsial'nyy konformizm ili adaptatsiya k zhiznennoy srede? [Modern philistinism: social conformism or adaptation to the environment?]. Retrieved from <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/396-sovremennoe-meshchanstvo-sotsial'nyj-konformizm-ili-adaptatsiya-k-zhiznennoj-srede>
 17. Tsentr sotsial'nykh i politicheskikh issledovaniy “Strategiya” – Strategy Center. Kazakhskie traditsii vs. islamizatsiya. Chast' 2 [Kazakh traditions vs. Islamization. Part 2]. Retrieved from <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/168-kazakhskie-traditsii-vs-islamizatsiya-chast-2>
 18. Svetskost' i ateizm v sovremennom Kazakhstane [Secularity and atheism in modern Kazakhstan]. Almaty, Obshchestvennyi fond "Tsentr sotsial'nykh i politicheskikh issledovaniy "Strategiya". 2023. pp. 124. ISBN 978-60180776-6-1
 19. Tsennostnye orientiry Novogo Kazakhstana: vyzovy sovremennosti: sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Value orientations of New Kazakhstan: challenges of modernity. Collected papers of the international scientific-practical conference]. Nur-Sultan, Kazakhstanskii institut obshchestvennogo razvitiya. 2022. pp. 200.
 20. Qo'gamdyq sanany zhańgyrtu salasyndaǵy forsaittyq zertteulerdiń nátizheleri turaly MATERIALDAR / MATERIALY o rezul'tatakh forsaitnykh issledovaniy v sfere modernizatsii obshchestvennogo soznaniia [Materials on the results of foresight studies in the field of public consciousness modernization]. Nur-Sultan, KIOR. 2022. pp. 41.
 21. Chebotarev A.E. Analiticheskii doklad na temu: Obshchenatsional'nye tsennosti: obzor strategicheskikh orientirov [Analytical report: Nationwide values – overview of strategic guidelines]. Astana, NAO "Kazakhstanskii institut obshchestvennogo razvitiya", 2024. pp. 100. <https://ru.kipd.kz/article/analiticheskii-doklad-na-temu-obshchenatsionalnye-tsennosti-obzor-strategicheskikh-orientirov>
 22. Analiticheskii doklad na temu: Kontseptual'nye osnovy sistemy tsennostno-orientirovannogo obucheniia i vospitaniia molodezhi [Analytical report: Conceptual foundations of the value-oriented education and upbringing system for youth]. Astana, NAO "Kazakhstanskii institut obshchestvennogo razvitiya". 2024. pp. 100. https://api.kipd.kz/storage/uploads/images/2025/01/14/Karatoбанов%20Книга%20Воспитание%20молодежи-27-53_1736854133.pdf

23. Natsional'nyi doklad "Molodezh' Kazakhstana – 2020" [National report "Youth of Kazakhstan – 2020]. Astana, NITs "Molodezh". 2020. ISBN 978-601-7857-53-0
24. Natsional'nyi doklad "Molodezh' Kazakhstana – 2021: 30 let Nezavisimosti" [National report "Youth of Kazakhstan – 2021: 30 years of Independence"]. Astana, NITs "Molodezh". 2021. ISBN 978-601-7857-57-8
25. Natsional'nyi doklad "Molodezh' Kazakhstana – 2022" [National report "Youth of Kazakhstan – 2022"]. Astana, NITs "Molodezh". 2022. pp. 384. ISBN 978-601-7857-58-5
26. Molodezh' Kazakhstana: analiticheskii doklad po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia. Sotsiologicheskoe issledovanie "Molodezh' Kazakhstana" [Youth of Kazakhstan: analytical report based on sociological research]. Astana, NITs "Molodezh". 2023. pp. 137. ISBN 978-601-7857-63-9
27. Tsennosti kazakhstanskogo obshchestva v sotsiologicheskom izmerenii [Values of Kazakhstani society in sociological measurement]. Almaty, DELUXE Printery. 2020. pp. 143. ISBN 978-601-80790-0-9
28. Mezhdunarodnyi proekt "Vsemirnoe issledovanie tsennostei" (WVS) [World Values Survey international project]. [Electronic resource]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (accessed 01.11.2024)
29. Tsennosti, pokoleniia i "tekuchaia sovremennost'" [Values, generations, and "liquid modernity"]. Interv'iu Aigul' Zabiroy, doktora sotsiologicheskikh nauk, glavnogo nauchnogo sotrudnika KISI pri Prezidente RK ot 15 maia 2024 g. [Electronic resource]. 2024. URL: <https://kazpravda.kz/n/tsennosti-pokoleniia-i-tekuchaya-sovremennost/>
30. Anisimova O.S., Polomoshnov A.F. Krizis tsennostei v kul'ture postsovet-skogo obshchestva [The crisis of values in post-Soviet society culture]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*. 2013. No. 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10498> (accessed 25.05.2025)
31. Siddikov S.A.U. Meniaiushchiesia tsennosti postsovetской Rossii i faktory, stoiaščie za transformatsiei [Changing values of post-Soviet Russia and the factors behind transformation]. In: *Kul'tura i priroda politicheskoi vlasti: teoriia i praktika: sbornik nauchnykh trudov*. Ekaterinburg, UrGPU. 2023. pp. 351–356.
32. Stadnik O., Vaniushina O., Khodus O., Boiko V., Gaivoronskaia T., Di-evochkina N. Problematika tsennostnykh orientatsii v diskurse sovremennoi Ukrainy [Value orientation issues in the discourse of modern Ukraine]. *Cadernos De Educação Tecnologia E Sociedad*. 2025. Vol. 18 (se1). pp. 224–233. <https://doi.org/10.14571/brajets.v18.nse1.224-233>
33. Rabdanova Zh.B. Dinamika dukhovnykh tsennostei v postsovet'skom obshchestve [Dynamics of spiritual values in post-Soviet society]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii*. 2022. No. 3. pp. 56–61. <https://sciup.org/veŝnik-bsu>
34. Pankevich N.V. Politicheskie tsennosti v evropeiskom postsovet'skom prostranstve: identichnost' i suverenitet pered litsom integratsionnykh protsessov [Political values in the European post-Soviet space: identity and sovereignty in the face of integration processes]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiiia*. 2021. Vol. 23. No. 4. pp. 630–647. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-4-630-647>
35. Zabiroya A. Religioznost' v Kazakhstane: tsennosti i smysly [Religiosity in Kazakhstan: values and meanings]. *Kazakhstan-Spektr*. 2024. No. 110(2). <https://doi.org/10.52536/2415-8216.2024-2.02>
36. Sotsiologicheskoe issledovanie "Modernizatsiia traditsii: novye povedencheskie normy v kazakhstanskom obshchestve" [Sociological research: Modernization of traditions – new behavioral norms

in Kazakhstan society]. Astana, NAO "Kazakhstanskii institut obshchestvennogo razvitiia". 2023. pp. 75. https://api.kipd.kz/storage/uploads/images/2024/01/15/Модернизация%20традиций%20Новые%20поведенческие%20нормы%20в%20Казахстанском%20обществе_1705308889.pdf

37. Inglehart, R. F. (2018). Introduction: An Overview of This Book. In *Cultural Evolution* (pp. 1–7). chapter, Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108613880.001>
38. Laruelle, M. (2016). Which future for national-patriots? The landscape of Kazakh nationalism. *Kazakhstan in the making: Legitimacy, symbols, and social changes*, 155-180.
39. Hale, H. E. (2005). Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia. *World Politics*, 58(1), 133–165. <https://doi.org/10.1353/wp.2006.0019>
40. Billig, M. (2009). Reflecting on a critical engagement with banal nationalism—reply to Skey. *The Sociological Review*, 57(2), 347-352. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2009.01837.x
41. Calhoun, C. (2007). *Nations matter: Culture, history and the cosmopolitan dream*. Routledge.
42. Cummings, S. N. (2013). *Understanding Central Asia: politics and contested transformations*. Routledge.

Материал поступил в редакцию 27.05.2025

Утвержден к публикации 20.06.2025

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В КАЗАХСТАНЕ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Денис Качеев¹,
Ермек Токтаров^{2*}
Тауекель Оспанов³

¹Профессор Костанайского филиала Челябинского государственного университета, кандидат философских наук; Костанай, Казахстан, e-mail: kacheev@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4847-4611

^{2*}Руководитель Центра цифровых социально-гуманитарных наук Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Ph.D.; Алматы, Казахстан, e-mail: toktarov.yermek@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8691-5222

³Доцент Факультета мировой политики Казахстанско-немецкого университета, Ph.D.; Алматы, Казахстан, e-mail: ospanov@dku.kz, ORCID: 0000-0002-8343-4052

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.114.2.002>

Аннотация. В статье рассматривается государственная идеология как элемент развития общества. Несмотря на то, что в Казахстане преобладает «идеологический плюрализм», государство формирует векторы развития общества посредством выработки программ и идеологием. Важным фактором является национальная идентичность, которая развивается в Казахстане как этническая идентичность казахского народа и как гражданская идентичность народа Казахстана. Это накладывает отпечаток на идеологическую работу государства, которое стремится найти компромисс и сохранить стабильность общественного развития в контексте полиэтнической структуры социума. В рамках политики нациестроительства, которую проводит Президент Казахстана К.-Ж. Токаев, особое значение приобретает гражданский национализм, который является альтернативой этническому национализму. Гражданский национализм способствует консолидации общества вокруг идей и ценностных смыслов, направленных на

реализацию стратегии развития государства и мобилизации граждан для достижения целей социального и экономического развития.

Ключевые слова: идеология, идеологический плюрализм, гражданское общество, национальная идентичность, идеологема.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ИДЕОЛОГИЯЛЫҚ ҮДЕРІСТІҢ КЕЙБІР ҚЫРЛАРЫ: ҰЛТТЫҚ БІРЕГЕЙЛІК ЖӘНЕ АЗАМАТТЫҚ ҚОҒАМ

Денис Качеев¹, Ермек Токтаров^{2*}, Тәуекел Оспанов³

¹Челябинск мемлекеттік университеті Қостанай филиалының профессоры, философия ғылымдарының кандидаты, e-mail: kacheev@mail.ru

^{2*}ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты Цифрлы әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар орталығының басшысы, Ph.D., e-mail: toktarov.yermek@gmail.com

³Қазақ-Неміс университеті Әлемдік саясат факультетінің доценті, Ph.D., e-mail: ospanov@dku.kz

Аңдатпа. Мақалада мемлекеттік идеология қоғам дамуының бір бөлігі ретінде қарастырылады. Қазақстанда «идеологиялық плюрализм» басым болғанымен, мемлекет бағдарламалар мен идеологемалар әзірлеу арқылы қоғам дамуының бағыттарын айқындайды. Қазақстанда ұлттық бірегейліктің этностық тұрғыдағы (қазақ халқының бірегейлігі) және Қазақстан халқының азаматтық бірегейлігі ретінде қалыптасуы маңызды фактор болып табылады. Бұл полиэтностық қоғам құрылымында мемлекеттің ымыраға келуге және қоғамдық дамудың тұрақтылығын сақтауға ұмтылысын көрсететін идеологиялық жұмысқа өзіндік әсер етеді. Қазақстан Президенті Қ.-Ж. Тоқаев жүргізіп отырған ұлт құру саясаты аясында этностық ұлтшылдыққа балама болып табылатын азаматтық ұлтшылдық ерекше маңызға ие болып отыр. Азаматтық ұлтшылдық мемлекет дамуының стратегиясын іске асыруға және әлеуметтік-экономикалық даму мақсаттарына қол жеткізуге бағытталған идеялар мен құндылықтар төңірегінде қоғамды біріктіруге ықпал етеді.

Түйін сөздер: идеология, идеологиялық плюрализм, азаматтық қоғам, ұлттық бірегейлік, идеологема.

SOME ASPECTS OF IDEOLOGICAL PROCESS IN KAZAKHSTAN: NATIONAL IDENTITY AND CIVIL SOCIETY

Denis Kacheev¹, Yermek Toktarov^{2*}, Tauykel Ospanov³

¹Professor of the Kostanay branch of the Chelyabinsk State University, Candidate of Philosophical sciences, e-mail: kacheev@mail.ru,

^{2*} Head of the Center for Digital Social Sciences and Humanities of the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of CS MSHE RK, Ph.D., e-mail: toktarov.yermek@gmail.com,

³Associate Professor (Docent) at the Faculty of World Politics Kazakh-German University, Ph.D., e-mail: ospanov@dku.kz,

Abstract. The article considers the state ideology as an element of society development. Despite the fact that “ideological pluralism” prevails in Kazakhstan, the state forms the vectors of society development through the elaboration of programs and ideologems. An important factor is the national identity, which is developing in Kazakhstan as the ethnic identity of the Kazakh people and as the civil identity of the people of Kazakhstan. This puts an imprint on the ideological work of the state, which seeks to find a compromise and preserve the stability of social development in the context of multi-ethnic structure of the society. Within the framework of the nation-building policy pursued by the President of Kazakhstan K.-J. Tokayev, civil nationalism, which is an alternative to ethnic nationalism, acquires special significance. Civic nationalism contributes to the consolidation of society around ideas and value meanings aimed at the implementation of the development strategy of the state and mobilization of citizens to achieve the goals of social and economic development.

Keywords: *ideology, ideological pluralism, civil society, national identity, ideologue.*

Введение

Национальная идентичность является не только продуктом духовной жизни общества в исторической перспективе, но также тем, что формируется государством. Инструментом влияния на национальную идентичность в данном случае является идеология как набор ценностей, концептов и смыслов, которые отвечает текущему историческому времени и задачам, стоящим перед государством.

В советском обществе идеология государства представляла собой готовую матрицу, которая охватывала все ключевые сферы жизни общества – от воспитания и образования до национальной безопасности и геополитической ситуации. Само же советское общество было идейно и ценностно однородным, что достигалось путем идеологической работы на всех этапах социализации человека, воздействие на общественное сознание средствами музыки, живописи, спорта, науки. Недостатком подобной идеологии был момент конфронтации с так называемой «буржуазной» системой западного капитализма, когда в условиях холодной войны шло противостояние двух центров мира.

Методы исследования

Методология исследования представлена общенаучными методами анализа и синтеза, позволяющими исследовать концепты идеологии, идентичность и общественного сознания, а также составить их общее понимание. Метод концептуального анализа позволяет исследовать понятия и их взаимосвязь в казахстанском контексте. Метод критического дискурсивного анализа позволяет исследовать программные документы, несущие идеологический смысл, с целью выявления понятий национальной идентичности, гражданского общества.

Идеологический плюрализм и проблема формирования национальной идентичности

В суверенном Казахстане наличествует «идеологический плюрализм», поэтому уже невозможна выработка идеологической матрицы. Однако государство, даже в условиях конституционно закрепленного отсутствия официальной идеологии, не может обходиться без последней. Идеология необходима как базисный элемент общественного развития и стабильности социума в целом. Как подчеркивает Р.К. Кадыржанов, даже в условиях «идеологического плюрализма» в общественном сознании доминирует представление о том, «что идеология в обществе должна быть одна и исходить она должна от государства», что связано с пониманием обществом идеологии «как универсального всепроникающего учения, освященного авторитетом государства» [1, 19 с.]. Также идеология сегодня выполняет мобилизационную функцию для решения средне- и долгосрочных задач, стоящих перед государством. Данные задачи могут быть социально-экономическими, направленными на повышение уровня благосостояния населения в контексте идеологием «конкурентоспособного общества», «промышленной революции», «человеческого капитала», а также являться ответом на цивилизационные вызовы в контексте идеологием «общенациональных ценностей», «Страны Великой Степи».

Идеологическое формирование национальной идентичности имеет двунаправленный характер. С одной стороны, оно направлено на укрепление национальной идентичности как самоидентичности казахов, посредством расширения сферы казахского языка, национальной культуры в общереспубликанском контексте, и в целом, процесса «казахизации». С другой стороны, как государство, Казахстан не может акцентировать внимание лишь на одном этносе в условиях полиэтничного состава населения. Поэтому национальная идентичность, в данном отношении, направлена на всех граждан страны. Как отмечают В. Петрова и М. Хасанов, на современном этапе Казахстан нуждается «как в национальной, так и в государственной идеологии. Данная потребность вызвана запросами на гражданскую и национальную идентичность» [2, 263 с.]. И в этом отношении, идеология Казахстана сегодня есть комплекс программ, ориентированных на духовную, политическую и экономическую консолидацию общества.

В Казахстане отсутствует одна общепринятая идеология, которая была бы догматом общественного развития. В обществе господствует множество идеологических течений и мнений самого разного толка, от религиозных до экологических. В условиях открытого информационного пространства в казахстанское общество проникают новые идеи, которые могут нести ярко выраженный антиконституционный (свержение светской власти и построение халифата религиозными фанатиками) или антигуманный (идеология бездетности «чайлд-фри» или смена своей половой принадлежности) характер. В этом многообразии государству необходимо контролировать ситуацию, чтобы не допустить идеологический и аксиологический хаос, что приведет к дестабилизации общества. Поэтому, как и в советский период, государство выдвигает идеологические программы, вводя в общественное сознание концепты, идеологемы и ценности. Казахстанское же общество, по сути, ждет от государства идеологических векторов развития.

В период суверенитета выдвигался ряд идеологических программ и проектов, содержащих ряд идей, смыслов и ценностей. Таковыми были стратегии «Казахстан-2030» и «Казахстан-2050», Патриотический Акт «Мәңгілік Ел», Программы «Общества всеобщего труда» и «Модернизации общественного сознания» при Назарбаеве и «Новый Казахстан» и «Справедливый Казахстан» при Токаеве. Все перечисленные идеологические инициативы государства сводятся к укреплению общественного согласия и общенационального единства. В последние годы идеологическая политика Президента Токаева обрела ярко выраженный характер нациестроительства. Соответственно, программные выступления Президента Казахстана направлены на укрепление гражданской национальной идентичности и формирование ее качественной структуры. Как подчеркнул Президент Токаев на первом заседании Национального курултая: «Біз, ең алдымен, ұлттың жаңа сапасын қалыптастыруға айрықша мән беруіміз қажет. Сонымен қатар, қоғамды алға жетелейтін құндылықтарды қалыптастыруымыз керек. Халықтың болмысын және қоғамдық сананы жаңғыртпай, түбегейлі өзгеріс жасау мүмкін емес» [3].

Нация – общественная структура, которую нельзя создать лозунгами, но можно, выражаясь словами Б. Андерсона, «вообразить». Представление о нации как гражданской общности, которое сформируется в общественном сознании в исторической перспективе может стать реальностью. Нация рождается и исходит из общества, не являясь готовым рецептом, который выписывает государство. За тридцать с лишним лет независимости мы увидели Казахстан как страну, ставшую из советской союзной республики страной «третьего мира», транзитным государством, выброшенным из командно-административной системы в сферу демократических идеалов гражданского общества, основанием которого является капиталистическая система. Сейчас, получив мировое признание и обретя собственное лицо, свой «Казахстанский путь», наша страна приняла цивилизационный вызов, встав на путь национального строительства на основе гражданской принадлежности.

Гражданский национализм напрямую связан с патриотизмом, поэтому работа над укреплением последнего в общественном сознании, в самых разных формах последнего – духовной, правовой, политической, религиозной, является приоритетной. Национальная идентичность, проявленная в форме гражданского национализма, является важным элементом консолидации населения Казахстана. Актуализация данной консолидации важна в условиях «идеологического плюрализма», позволяя государству проводить единую линию общественного развития и предлагать гражданам привлекательные проекты будущего страны.

Патриотизм как важный фактор национальной идентичности является неотъемлемым вектором идеологической политики государства в период независимости. И если на начальных этапах суверенитета патриотизм выступал в качестве призыва к стабилизации общественного развития в условиях экономического кризиса и демографического оттока населения, то к настоящему времени патриотизм стал осознанным обществом понятием. Потеряв свою «лозунговость» патриотизм стал неотъемлемым элементом концептов Независимости и Единства, которые были представлены Пре-

зидентом Токаевым в качестве общенациональных ценностей. Как отмечают казахстанские исследователи, «ресурсным потенциалом для патриотической идентификации должна стать выработка общеразделяемого образа своей страны, его единого народа и общего духовно-нравственного чувства принадлежности к ним» [4, 32 с.]. После «январских» событий и в условиях обострения геополитической ситуации патриотизм стал проявляться намного шире среди казахского населения, которое получило возможность сравнить жизнь Казахстана в условиях мирного времени, отсутствия экономических ограничений или ограничения доступа к информации с жизнью в других странах.

Основным фактором, который препятствует укреплению патриотизма, и прежде всего, среди молодого поколения, является привлекательность зарубежных стран. Западный образ жизни, ставший уже шаблоном, который может удовлетворить любые потребности человека, притягивает людей, которые либо хотят уехать, либо начинают критиковать свою страну за «несоответствие» общепринятым идеалам о демократическом обществе и уровне благосостояния проживающих в нем людей.

Идеология государства в контексте формирующегося гражданского общества

Идеология влияет на общественное сознание, и прежде всего, на такую его важную форму, как политическое сознание. Утрата государством управления над идеологической сферой в конце существования Советского Союза и в начальный период независимости, привело к раздробленности политического сознания общества. Отказ от государственной идеологии, которая была стигматизирована как «догматическая» и неспособность создать альтернативу, привело к наводнению политического сознания самыми разнообразными идеями и смыслами, в том числе деструктивными. Единая идеология была заменена на ряд программ и стратегий, которые доносились до общества посредством такого инструмента, как Послания Президента народу Казахстана.

Цель идеологии – формирование образа «настоящего», взятого реально, со всеми имеющимися проблемами социально-экономического и политического характера. Однако, не менее важно формирование положительного образа «будущего», что позволяет производить мобилизацию граждан для решения самых разных задач. Образ настоящего в идеологическом пространстве Казахстана на начальном этапе суверенитета был вполне реальным, однако по мере роста политического авторитаризма данный образ становился все более позитивным, а образ будущего все более масштабным. Это привело к тому, что в общественное сознание даже самое незначительное достижение приносилось как успех мирового уровня, что деформировало представление об экономической ситуации, преувеличивало роль страны в геополитическом пространстве и т.д. В итоге, нежелание власти проводить назревшие политические реформы в рамках ставшей незыблемой формуле «сначала экономика, потом политика», привело фактически к потере взаимодействия с обществом, что в итоге, вылилось в массовые выступления «январских событий» 2022 года.

Изменение идеологического вектора после этого очевидно, и направлено оно было не только к возвращению в русло реального и трезвого под-

хода к жизни общества, накопившего множество нерешенных с годами проблем, но и к учету тех идей и смыслов, которые преобладают в общественном сознании. Процесс «кристаллизации» идей смыслового пространства общественного сознания – важная и сложная, но необходимая для государства работа. В пример мы можем привести концепцию «Слышащего государства» Токаева, которую он начал проводить с приходом к власти. Данная концепция была отражением потребности общества в высказывании а не замалчивании проблем, в критике власти и гражданском участии в принятии важных решений. К тому периоду идея гражданского общества уже имплицитно стала вызревать в общественном сознании, что в итоге, вылилось в «январские события». После этого в рамках концепции «Слышащего государства» было проведено на конституционном уровне политическое реформирование, создана площадка Национального совета общественного доверия, позже трансформировавшаяся в более широкий формат Национального курултая. «Используя потенциал Национального курултая и Ассамблеи народа Казахстана», - отмечает А.Е. Чеботарев, - «Токаев К.К. и его команда активизировали деятельность по переосмыслению и наполнению новым содержанием системы общенациональных ценностей» [5, 60 с.].

Важным шагом стало возвращение к практике проведения общенациональных референдумов по наиболее значимым вопросам развития государства. Все это отразило те эволюционные перемены, которые произошли в сфере политического сознания казахстанского общества, которое уже утратило ценностное содержание советского периода, но гражданским еще не стало.

В ходе дальнейшего развития гражданского общества в Казахстане, оно будет выдвигать альтернативные государственным идеологические смыслы. Мы уже можем наблюдать эти процессы по отношению к историческому прошлому страны и его интерпретациям, отличным от официальных. В рамках развития постколониальных исследований, к примеру, проводится большая работа. То же самое справедливо и по отношению к идее патриотизма, которая дается государством в рамках определенной системы ценностей и норм, а гражданское общество, представляет альтернативное понимание патриотического воспитания в рамках идеологического плюрализма.

Дихотомия государственной идеологии и идеологического плюрализма гражданского общества может стать проблемой нациестроительства, однако на сегодняшний день, как мы уже отмечали, наблюдаются элементы построения гражданского общества, но последнее не сформировано. По словам академика Ж.М. Абдильдина: «Без развитого гражданского общества невозможно построение правового демократического государства, поскольку именно сознательные и свободные граждане способны создать наиболее рациональные формы человеческого общежития» [6, 158 с.].

Пока же мы видим, что в общественном сознании происходит столкновение идей и смыслов, касающихся вопросов, культуры, языка, религии и патриотизма. Однако, в Казахстане реализуется компромиссная модель взаимодействия государственной идеологии и гражданского общества, что характерно для многих постсоветских стран. Государство задает идеологические рамки общественного развития, но при этом допускает нали-

чие идеологического плюрализма, в той степени, который не может дестабилизировать развитие социума.

Развитие диалога государства с гражданским обществом, уже отмеченное нами, в виде площадок для обсуждения идеологических концептов и трансляции государственной политики, является важным инструментом взаимодействия. Борьба с деструктивными, прежде всего, религиозными идеологиями, которые направлены против конституционных основ государства, является приоритетной и не может быть рассмотрена как сфера дискриминации идеологического плюрализма.

Другой актуальный вопрос сферы идеологического влияния на общественное сознание, в котором могут сталкиваться государственная идеология и гражданское общество – контроль информационного пространства, СМИ и медиа-структур, социальных сетей. Идеологический плюрализм гражданского общества в эпоху пост-правды рождает массу фейковой информации, распространение которой наносит ущерб идеологии, задаваемой государством. Последнее, идя на меры защиты общества от дестабилизации, расширяет сферу собственного влияния и пытается контролировать информационные потоки, что вызывает критику со стороны гражданского общества и обвинения в ущемлении свободы доступа к информации и объективных СМИ.

Заключение

Общественное сознание в условиях тотальной информатизации социальной сферы и виртуализации жизни каждого человека, испытывает растущее давление со стороны как государственной идеологии, так и идеологического плюрализма формирующего гражданского общества. Адаптивность государственной идеологии уровню социально-экономического и политического развития в совокупности с ответственностью гражданского общества, выдвигающего альтернативные идеологические дискуссии, может быть оптимальной моделью кристаллизации идей и смыслов, которые находятся в общественном сознании.

Список литературы

1. Трансформация идеологического пространства в Казахстане / Под общ. ред. З.К. Шаукуеновой. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2014. – 172 с.
2. Петрова В., Хасанов М. Трансформация демократии. История, теория и практика. – Алматы: Қазақ университеті, 2016. – 318 с.
3. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на первом заседании Национального курултая 16.06.2022 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-na-pervom-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-165936> (Дата обращения: 10.03.2025)
4. Ценности и идеалы независимого Казахстана. Коллективная монография / Под общ. ред. Шаукуеновой З.К. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. – 322 с.
5. Аналитический доклад на тему: «Общенациональные ценности: обзор стратегических ориентиров». – Астана: НАО «Казахстанский институт общественного развития», 2024. – 100 с.

6. Абдильдин Ж.М., Абдильдина Р.Ж. Логика теории современной демократии и проблемы ее реализации. – Астана: Фолиант, 2014. – 344 с.

References

1. Transformaciya ideologicheskogo prostranstva v Kazahstane [Transformation of ideological space in Kazakhstan] / Pod obshch. red. Z.K. Shaukenovoj. Almaty: IFPR KN MON RK, 2014. – 172 s.
2. Petrova V., Hasanov M. Transformaciya demokratii. Istoriya, teoriya i praktika [The Transformation of Democracy. History, theory and practice]. – Almaty: Kazak universiteti, 2016. – 318 s.
3. Vystuplenie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva na pervom zasedanii Nacional'nogo kurultaya 16.06.2022 [Address by the Head of State Kassym-Jomart Tokayev at the first meeting of the National Kurultai 16.06.2022] // Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-na-pervom-zasedanii-nacionalnogo-kurultaya-165936> (Data obrashcheniya: 10.03.2025)
4. Tsennosti i idealy nezavisimogo Kazakhstana [Values and ideals of independent Kazakhstan]. Kollektivnaya monografiya / Pod obshch. red. Shaukenovoi Z.K. – Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK, 2015. – 322 s.
5. Analiticheskii doklad na temu: «Obshchenatsional'nye tsennosti: obzor strategicheskikh orientirov» [Analytical report on the topic: “National values: an overview of strategic guidelines”] / Astana, NAO «Kazakhstanskii institut obshchestvennogo razvitiYA», 2024. – 100 s.
6. Abdil'din Zh.M., Abdil'dina R.Zh. Logika teorii sovremennoj demokratii i problemy ee realizacii [The logic of the theory of modern democracy and the problems of its realisation]. – Astana: Foliant, 2014. – 344 s.

Материал поступил в редакцию 13.03.2025

Утвержден к публикации 20.06.2025

FORMATION AND DEVELOPMENT OF LOCAL COUNCILS IN KAZAKHSTAN (1917–1991): STATUS AND POWERS

Baurzhan Sheriyazdanov^{1*}

Tengesh Kalenova²

Gulvira Imanbekova³

^{1*}Leading researcher of the Institute of State History of the Ministry of science and higher education of the Republic of Kazakhstan, candidate in political sciences. Astana, Kazakhstan. e-mail: b.sher54@mail.ru

²Associate professor of L.N. Gumilyov Eurasian National University, candidate in historical sciences, Astana, Kazakhstan. e-mail:kalenovats@mail.ru

³Senior lecturer of M.H. Dulati Taraz University, Master of Political sciences, Taraz, Kazakhstan. e-mail: gulvira_02.75@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.114.2.003>

Abstract. This article examines the organization and development of public administration in Kazakhstan from 1917 to 1991. It analyzes the formation and evolution of state power in Kazakhstan following the October Revolution of 1917, focusing on the establishment, development, and stages of local councils as a distinct form of popular representation. The article explores their role in all aspects of public life in the Kazakh SSR. Using the current Constitution, laws, and other legislative acts, it examines the legal framework and actual powers of local councils. Additionally, the article provides a comparative analysis of the evolution and functioning of local councils as bodies of local government.

Keywords: *Local Councils and local self-government, congresses of Councils, Kazakh SSR, Supreme Council, All-Russian Central Executive Committee, Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the Kazakh ASSR, Executive Committees, elections of deputies, local community.*

**ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖЕРГІЛІКТІ КЕҢЕСТЕРДІҢ ҚҰРЫЛУЫ
ЖӘНЕ ҚАЛЫПТАСЫП ДАМУЫ (1917-1991 жж.): МӘРТЕБЕСІ МЕН
ӨКІЛЕТТІЛІГІ**

Бауыржан Шериязданов^{1*}, Теңгеш Қаленова², Гүлвира Иманбекова³

¹*ҚР ҒЖБМ ҒК Мемлекет тарихы институтының жетекші ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының кандидаты, Астана, Қазақстан. e-mail: b.sher54@mail.ru

²Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті саясаттану кафедрасының қауымдастырылған профессоры, тарих ғылымдарының кандидаты, Астана, Қазақстан. e-mail: kalenovats@mail.ru

³М.Х. Дулати атындағы Тараз университетінің оқытушысы, саясаттану магистрі, Тараз, Қазақстан. e-mail: gulvira_02.75@mail.ru

Аңдатпа. Бұл мақалада 1917-1991 жылдар аралығында Қазақстанда мемлекеттік басқаруды ұйымдастыру және дамыту процесі қарастырылады. 1917 жылғы Қазан төңкерісінен кейінгі елдегі мемлекеттік билік институтының қалыптасуы мен эволюциясының ерекшелігіне, сондай-ақ жергілікті Кеңестердің халықтық өкілдіктің бірегей нысаны ретінде қалыптасу кезеңдеріне және олардың Қазақ КСР-нің қоғамдық өміріне ықпалына ерекше назар аударылады. Сол кезеңдегі қолданыстағы Конституциялар, заңдар және басқа да нормативтік құқықтық актілер негізінде жергілікті кеңестердің құқықтық және нақты өкілеттіліктері талданады. Жергілікті мемлекеттік басқару органдары ретінде жергілікті Кеңестердің эволюциясына салыстырмалы талдау жүргізіледі.

Түйін сөздер: *Жергілікті Кеңестер мен жергілікті өзін-өзі басқару, Кеңестер съездері, Қазақ КСР, Жоғарғы Кеңесі, Бүкілресейлік Орталық Атқару Комитеті, Орталық Атқару Комитеті, КАССР Халық Комиссарлар Кеңесі, атқару комитеттері, депутаттар сайлауы, жергілікті қоғамдастық*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ В КАЗАХСТА- НЕ (1917–1991 гг.): СТАТУС И ПОЛНОМОЧИЯ

Бауржан Шериязданов^{1*}, Тенгеш Каленова², Гульвира Иманбекова³

¹*Ведущий научный сотрудник Института истории государства Комитета науки Министерства науки и высшего образования РК, кандидат политических наук, Астана, Казахстан. e-mail: b.sher54@mail.ru

²Ассоциированный профессор кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, кандидат исторических наук, Астана, Казахстан. e-mail: kalenovats@mail.ru

³Преподаватель Таразского университета им. М.Х. Дулати, магистр политологии, Тараз, Казахстан. e-mail: gulvira_02.75@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена процессу организации, развитию государственного управления на территории Казахстана в период 1917-1991 гг. Анализируется специфика формирования и развития института государственной власти в Казахстане начиная после октябрьского переворота 1917 года и процессы формирования, развития и этапы становления местных Советов как специфической формы народного представительства, и их роль во всех этапах в общественной жизни Казахской ССР. На основе действовавших Конституции и законов и других НПА анализируется правовые и реальные полномочия местных Советов. Проведен сравнительный анализ эволюции и развития местных Советов как органов местного государственного управления.

Ключевые слова: *Местные Советы и местное самоуправление, съезды Советов, Казахская ССР, Верховный Совет, Всероссийский Центральный*

Introduction

The object of this study is public relations in the field of organization and functioning of local authorities in Kazakhstan (1917 - 1993). The study conducted in the materials of this article covers a long historical period – more than 70 years.

Management is an essential property of any society at any stage of its development. The following are distinguished: public administration (the subject of government is the state), public administration (public, non-state structures), management - the head, the manager of an enterprise, firm, etc. Through public administration, all internal and external functions of the state are implemented: economic, social, environmental, protection of citizens' rights and freedoms, law enforcement, cultural, defensive, etc. Atamanchuk G.V. defines public administration as the practical, organizing and regulating influence of the state on the social life of people in order to streamline, preserve or transform it, based on its power [1, p.40].

The relevance of the research on this topic is determined by the special importance of the institutions of local government, especially popular representation in the system of government and society as the basis of any democratic state. State-building reforms and strengthening of the main social institutions of society are one of the most important political tasks for Kazakhstan in the coming years. A strong state means the steady enforcement of laws, the effective functioning of state institutions, and the provision of high-quality public services that allow every member of society to feel like a worthy and confident citizen [2, p. 14]. The complex tasks of systemic transformation of the entire society for its sustainable development can be solved only if there are an effective management system at all levels of government, but especially at the local level.

Therefore, the historical experience of the formation and development of local authorities in Soviet Kazakhstan is of great practical interest. Local government bodies in the Soviet period (1917-1991) were everywhere Councils of People's Deputies. The constitution of that period stated that the people exercised state power through the Soviets, which formed the political basis of the USSR and the Kazakh SSR. The soviets, as representative bodies of a single state authority, then formed executive governing bodies throughout the country. Councils at every level of government – from rural, rural to the Supreme Council – acted as the coordinator of all types of public administration.

Studying the historical experience of the functioning of local government structures and the impact on the further democratization of social processes in the country is an important analytical material for specialists in this field. Since we are talking about the system of local authorities, the political basis of independent Kazakhstan, the study examined documents reflecting the history of the emergence, formation and development of local representative and executive administrative bodies. In this regard, the author refers to archival documents of the Soviet state and government, materials of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan, the Constitution and Laws of the Kazakh SSR, which defined the main directions of local government. For a comprehensive study and disclosure of the topic, archival materials from the Central State Administration of the Republic of Kazakhstan, RSASPH, Pavlodar, Astana and North Kazakhstan regional archives were used.

Research methods.

The research is grounded in the scientific principles and methodologies of historical analysis. A central focus of the study is the strict adherence to the principles of comprehensiveness, objectivity, and historicism, along with a commitment to tracing the sequential stages of social development. The author employs the historical method, which allows for a detailed examination of developmental processes, highlighting their sequence, interconnectedness, and the conditionality of various stages and forms. This approach facilitates the formulation of results and the derivation of well-reasoned conclusions through the analysis and synthesis of factual material.

Additionally, the research incorporates the logical method, which is structured around foundational theoretical perspectives—such as identifying key historical and political issues related to the Soviets—and guiding the selection, analysis, and synthesis of empirical data. The statistical (quantitative) method is also utilized, involving the collection of reliable numerical data and the application of comparative techniques. This approach enables the study to objectively represent the complex and sometimes contradictory development of the Councils of People's Deputies, while identifying general trends within this historical process.

Particular attention is given to the SWOT analysis—a method of strategic comparison. The article presents an analysis of three groups of factors that influenced the activities of local Soviets of People's Deputies: strengths, weaknesses, and threats.

Based on the SWOT analysis, the strengths that characterized the activities of local Soviets during this historical and chronological period of the Kazakh SSR's development were objectively identified. The weaknesses—shortcomings or limitations of the functioning of local authorities in Soviet Kazakhstan—as well as the factors and conditions that influenced their activities, were also analyzed.

The conclusions drawn from this analysis are descriptive in nature and do not include recommendations or prioritization.

Discussions.

The Soviet era commenced following the February and October Revolutions of 1917 within the Russian Empire, which at the time encompassed the territory of modern Kazakhstan. The formation of the system of councils began at the end of February – beginning of March 1917 practically at once at all levels. The representative nature of the Councils is that deputies elected by the population on the basis of direct and equal electoral rights represented them in the organs of power.

A.A. Bogdanov very accurately described the reasons for the emergence of the Soviets, their goals and political nature in one of his articles in the summer of 1917. Noting that the Soviets are “a revolutionary-legal institution, not a state-legal one,” he explained that they represent “organs of revolutionary struggle, an instrument of the revolutionary movement...” [3. p. 83].

To address emerging revolutionary challenges, the local population, in collaboration with the Bolsheviks, began forming provincial, county and volost councils, which initially functioned independently of the central authorities of the time. However, throughout their evolution, the Bolshevik Party consistently restricted the Soviets from making autonomous decisions on matters of state or regional development.

Justifying the leading and guiding role of the party in the system of "Soviet democracy", V.I. Lenin emphasized: "... we must know and remember that the entire legal and factual constitution of the Soviet Republic is based on the fact that the party corrects everything, appoints and builds on the same principle ..." [4, p.

403] . Thus, from the first days of the formation of the Soviet state, "Not a single important political or organizational issue is solved by any state institution in our republic", V.I. Lenin emphasized, "without the guidance of the Central Committee of the Party" [4, pp. 30-31]. The process of the emergence and nature of the activity of the Soviets in Kazakhstan were in many ways similar to those that took place in Russia. However, this process had its own specific features. The first Soviets of Workers' and Soldiers' deputies in Kazakhstan appeared in early March 1917.

A general assembly took place in Semipalatinsk, where eight individuals were elected to the Council of Workers' Deputies, with one deputy representing every 50 workers. In early March 1917, the Social Democrats in the city of Petropavlovsk convened a meeting of their local group, during which the establishment of the Council was proclaimed. 104 deputies attended the first general meeting of the Council, 40 of them from workers and 64 from soldiers [5, pp. 35-36]. In March of the same year, Soviets of Workers' deputies appeared in Auliye Ata, Vernoye, Perovsk, Dossor, Kazalinsk, Aktobe, Pavlodar, Ust-Kamenogorsk, Ridder, Karkaralinsk and other cities. The construction of the Soviet state and its local bodies in Kazakhstan took place in difficult conditions and was accompanied by overcoming difficulties associated with the resistance of representatives of the former authorities overthrown by the revolution, and an extreme lack of competent personnel – organizers and administrators. The organization of the dismantling of the old organs of power and the replacement by organs of the dictatorship of the proletariat began from the first days after the October revolution. This is evidenced by the appeal "To the population" written by V. Lenin on November 5, 1917. It states: "Comrades of the working people! Remember that you are now running the state yourself. No one will help you unless you unite yourself and take all the affairs of the state into your own hands.

"From this point forward, your Councils are state authorities - authorized, decisive bodies. Strengthen them. Take matters into your own hands without waiting for anyone else. Establish the strictest revolutionary order" [6, pp. 66-67]. The congresses of Soviets played a pivotal role in organizing Soviet institutions in Kazakhstan, including the Semipalatinsk Regional United Congress, Turgai Regional Congress, and others in Kokchetau, Akmola, Ust-Kamenogorsk, Pavlodar, and Aulie-Ata counties. These were held between late 1917 and mid-1918. According to incomplete records, around 60 regional and county congresses of Soviets representing workers', soldiers', peasants', Kazakh, and Cossack deputies took place in Kazakhstan during this period. Each congress typically involved 150-200 delegates, with participation ranging from as few as 50 to more than 400 in certain cases [6, p. 103]. In the aftermath of the October Revolution of 1917, power in most districts was held by revolutionary committees (revkoms), led by Bolsheviks and representatives from the Soviets they organized. Together, they carried out the organizational tasks needed to prepare for and convene county and regional congresses.

Congresses of Soviets, as a rule, were convened as needed and differed from each other in the number of their delegates. Thus, at the county congresses of the Soviets of Kazakhstan, held in the winter and spring of 1918, the number of delegates ranged from three dozen to 170, and at the regional congresses - from 50 to 472 delegates. The United district congresses of Soviets in February–March 1918 were held in Atbasar, Pavlodar, Kokchetav and other cities of Kazakhstan. They created unified executive bodies of the Soviet government [5, p.113].

After the elections held at all levels, the Soviets elected executive committees, which, once elected, forgot who had chosen them and began to be guided not so much by the will of the deputies as by the directives of the party organs. This trend

was later reflected in all relevant regulatory legal acts, including the Regulations on the Soviets of gubernias, oblasts, uyezds, districts, cities, and towns of urban type of 1922 [7, p. 12]. At the same time, the normative consolidation of issues of local governance was gradually developing, especially after the formation of the USSR in 1922, which was most clearly expressed in the 1924 Constitution [8, p.13].

The local representative bodies of that period were politicized by the Bolshevik Party, the deputies were defined by class characteristics and represented the primary cells of the "proletarian dictatorship".

However, for grassroots councils, in this case villages, the political component was more declarative, the primary task was to unite the population, solve local economic and other pressing issues, and express their will and interests. Thus, the local councils of Kazakhstan during the Soviet period (1917-1991) went through difficult stages of evolution, which reflected the peculiarities of the republic's development in different periods of its development. With each convocation, the composition of the deputy corps of Soviets reflected more fully the social structure of Soviet society. Their composition reflected all the changes in the composition of the population (an increase in the number, peculiarities in the national composition, etc.) in connection with the deportation of peoples, with the development of virgin and fallow lands, the process of internationalization of Councils, especially in the northern regions of Kazakhstan, took place intensively. The first sprouts of local self-government bodies in local councils began to appear in the form of public organizations – street and neighborhood committees, public assistance commissions for housing administrations, police assistance brigades, DND, women's councils, veterans' councils - as the first public local government bodies.

Rural gatherings began to be regularly convened in rural areas. However, with the existing vertical structure of Councils, the weak economic and financial base of local councils and independence in decision-making, there is no need to talk about the form of government as local self-government bodies.

The results of the study

The evolution of the development of local Councils as public authorities in Kazakhstan (1917-1991) can be conditionally determined on the basis of the adopted Constitution and the political decisions of the party bodies, as well as in the analysis of the organization of their activities. The initial stages of the formation and organization of the work of local Councils are crucial in their further activities. The first stage can be defined as the initial stage of the formation and development of Soviets as public authorities in 1917-1925. The beginning of the first stage, the construction of the Soviet system, was described above. The continuation of this process should be noted the formation of the Autonomous Kyrgyz (Kazakh) Socialist Soviet Republic (KAZSSR) as part of the RSFSR on August 26, 1920 [9].

According to Article 3 of this Decree, the governing bodies of the KAZSSR are the local Council of Deputies, the Central Election Commission and the Council of People's Commissars of the KAZSSR. The entire vertical of power passes from the lowest units to the Soviets. Prior to the adoption of the KASSR Constitution in 1926, local Councils were elected according to the Constitution of the RSFSR, adopted in 1918 by the V All-Russian Congress of Soviets. Of particular interest are the activities of local Councils, whose practical activities should be most widely disclosed as local self-government bodies due to their maximum proximity to the population. In the summer of 1917 In cities, regions and counties, "All-Kazakh Congresses" are held to discuss the formation of an autonomous national unit, and issues related to the introduction of zemstvo are put up for discussion. The beginning of the introduction

of zemstvo was laid in the Kokshetau county executive committee. However, the Zemstvo reform was not brought to its logical conclusion due to the seizure of power by the Bolsheviks in the region. The Bolsheviks are carrying out their own reform of the organization of local government, one of the first steps of which was the abolition of the zemstvo and the formation of volost councils [7, p. 79].

Representatives of the Kazakh intelligence and the Alash-Orda party (A. N. Bukeikhanov, A. Baitursynov, M. Dulatov and others), realizing the importance of the institution of local self-government, conducted educational activities among the local population on zemstvo issues by dedicating separate cycles of articles in the socio-political newspaper "Kazakh" [10, p. 18]. During the Soviet period, local Councils were, on the one hand, local government bodies and served as agents of the policy of the Bolshevik Party; on the other hand, while maintaining their elective character, they represented the interests of certain segments of the population, and since 1937, after the adoption of the Stalinist Constitution, the entire population. According to Article 53 of the Constitution, the highest authorities in volosts, counties, provinces, and regions were congresses of Soviets. For the current work, the Council of Deputies elected an executive committee from among its members. Article 56 of the Constitution established that, within the boundaries of its jurisdiction, the Congress of Soviets (regional, provincial, county, volost) is the highest authority in a given territory; in the period between congresses, the executive committee was recognized as such authority.

Additionally, similar strategy will be applied in all upcoming Soviet Kazakhstani constitutions. As a result, a distinct vertical structure was established, with the authority to overrule decisions made by lesser Councils. An examination of the organizational structure of the executive committees of the county and regional councils reveals that, in the beginning, they were very different from one another in terms of the number of divisions (departments) and department names, and they occasionally deviated from the directives outlining their numerical makeup. Some county council executive committees had 70–80 members (like the Akmola County Council's executive committee), while others had 12–18 members (like the Ust-Kamenogorsk, Petropavlovsk, etc. executive committees). The councils of Kazakhstan as a whole, guided by the recommendations of the NKVD of the RSFSR, took into account their own peculiarities in the organization of the local executive apparatus. For example, the executive committee of the Petropavlovsk District Council organized a department for the regulation of Kazakh-Russian relations; and the executive committee of the Semirechensk Regional Council formed sub-departments for the management of "native schools, etc." [5, p. 115].

In order to attract indigenous people to actively participate in public administration and spread the ideas of Soviet power in the Kazakh village, the Bolsheviks and the Councils of Deputies of certain regions of Kazakhstan convened congresses of representatives of Kazakh workers. In the spring of 1918, such congresses were held in Pavlodar, Semipalatinsk, Akmolinsk, Aulie Ata, Aktyubinsk, Vernom, Kostanay and other cities [5, p.118]. The Bolsheviks' efforts to establish and consolidate the system of village and volost Councils were integral to their broader goal of strengthening the Soviet system. The challenging process of organizing grassroots Councils in Kazakh villages was further complicated by the region's economic and cultural underdevelopment [11, p.7]. Revolutionary committees, along with regional and county councils led by the Bolsheviks, directly oversaw the creation of a network of village and volost Councils. These bodies developed guidelines for organizing local councils and conducted training programs for Soviet workers from the local population through specially arranged courses.

For instance, the "Regulation on the Procedure for Re-Election of Village, Village Councils, Volost, and County Executive Committees", approved by the Orenburg Gubernatorial Executive Committee [12], outlined detailed instructions on electoral law, the organization of election commissions, the preparation of voter lists, and the criteria for those excluded from voting rights, among other procedural details.

The documents adopted by the provincial congresses revealed the principles, ways and methods of organizing the construction of Soviet government bodies at the village and rural levels [5, p.123]. Agriculture and land issues have occupied an important place in the activities of local councils in Kazakhstan since the early days. After the establishment of Soviet power, many of the best lands were in the hands of Kulak colonialists and Cossack troops. According to Lenin's Decree on land, adopted at the 2nd All-Russian Congress of Soviets, the right of private ownership of land was abolished, and land became the national property. The food issue, along with the land issue, was one of the important and pressing issues, and the issue of providing assistance to starving regions, including Kazakhstan itself. So, on March 6, 1918, at the plenary session of the Akmola County Council, the issue of urgent harvesting of bread in the villages and villages of the county was discussed [5, p.197].

The outstanding Kazakh poet, a member of the Alash-Orda parties, M. Zhumabayev, dealt closely with these issues. This is evidenced by the archival materials of the NKSA. In a telegram signed by the Chairman of the Provincial Committee, M. Zhumabayev, to the Chelyabinsk Gubernatorial Committee, he asks to stop the transfer of starving people [to] Akmol gubernia. Our province is overflowing with starving people, and the growing famine has reached cannibalism. The starving people sent to us are doomed to starve. Take measures to suspend such movement [13, p.219]. Since 1921, issues related to the property and financial resources of local councils have been resolved at the state level. Revenues from the restored taxes and fees for services were also gradually transferred to the local Councils. NEP led to the formation of a wide range of local property: state, municipal (communal), cooperative, and personal. It was at the end of 1920, in the resolution "On Soviet construction", the VIII All-Russian Congress [14]. He defined the Soviets as organs of the internal organization of the city and village for the restoration of the economy, and the resolution "On Soviet Construction" of the IX All-Russian Congress of Soviets adopted a year later, a number of norms indicate that the independence of local Councils was minimal.

Thus, in the section "On departments of local executive committees" of this resolution, it was stated, in particular, that "departments existing at the volost executive committees, as well as volost economic meetings, are being abolished. The number of members of the volost executive committees is set [15]. As can be seen, the structure of the grassroots executive bodies, down to the number of staff units, was determined not by the Soviets, or even by provincial authorities, but at the highest level. Also, in the resolution of the Central Executive Committee of the USSR received by the Petropavlovsk City Council on 03/17/1927, it is noted: "The organization of the departments of the City Council should be carried out by reducing the staff of the departments of the relevant executive committees and their departments so that the total staff of the departments of the City Council and the relevant executive committees in no case exceeds the previous staff of the contingents of the executive committees" [16, p.56].

The peculiarities of the second stage are the date of adoption of the first Constitution (basic law) of the KAZSSR on February 18, 1926. Where the territory of the Kyrgyz Territory was consolidated and declared a Republic of Soviets of Workers, the working Kyrgyz people, peasant, Cossack and Red Army deputies [15, p. 70-79]. As in the previous Constitution, the governing bodies are the local Council of Deputies, the KIRCEC and the Council of People's Commissars of the KASS, and all economic and military issues are linked within the RSFSR. At this stage in the field of "Soviet construction", the Bolshevik Party sought to finally transform the Soviets into a technical apparatus subordinate to party directives and at the same time carry out a class "purge" of their composition in anticipation of industrialization and collectivization. Paradoxically, this activity took place under the slogan of the Bolshevik parties "revitalizing" the Soviets. The goals of political isolation of bourgeois-rich elements, strengthening the union of workers and working peasants, and increasing the role of soviets in the cultural and economic spheres were declared.

The "Revival" of the Soviets in the 1920s was reflected in the adoption of a large number of different Provisions that strictly regulated the activities of the Soviets from the class point of view of their formation, in the growth of their quantitative representation with an increase in the number of disenfranchised people objectionable to the ideology of the Bolsheviks, and, finally, in the holding of re-elections to the Soviets, the composition and political loyalty of which were questionable. The direct instructions of the Central Executive Committee on the part of the Bureau of the Cossack Regional Committee of the CCEC (b) dated 28.01.1926 on the course of the re-election campaign and the resolution adopted by the Central Executive Committee on the course of the re-election campaign of the Soviets adopted at the meeting of the bureau of the resolution indicated:

4). *To recognize, under the conditions of the KSSR, it is advisable to allow, with the permission of the Presidium of the Central Executive Committee, in each individual case, the holding of secondary re-elections of those village councils and executive committees in which the rich influence prevailed or which emerged weakened from the re-elections due to tribal hostility and groupings and did not gain credibility among the larger local population. Also, to hold secondary re-elections in the same manner as in those areas where there was gross administrative pressure, in the flesh before attempts to directly force voting.*

7). *Pay attention to the absence of voter lists in the municipalities. To invite the Gubernatorial committees to identify the most active party comrades who proved themselves in the group struggle and prevented the election campaign in order to bring them to party responsibility [17, p. 3-4]. Also, in resolution 3 of the Plenum of the Kazkraikom of the CPSU (b) dated November 25, 1927, it was noted: "The re-elections of 1926-1927 differ significantly from the previous re-elections. All the features of the village were taken into account here, and specific events were planned more correctly. A more rigid class approach to disenfranchisement was carried out (in 1925-1926, 20,982 people were disenfranchised, and in 1926-1927, 94,377 people in villages and villages, 58% of them Kazakhs). In a number of cases, administrative measures were applied, including the eviction of the leaders of the group struggle from the borders of the county and incarcerated in correctional houses. The election of village councils in 1926-1927 revealed great achievements, but this does not exclude a number of significant shortcomings..." [18, pp.6-9].*

Table №1. Structure of local authorities of Kazakhstan (1918-1937)

Local councils of workers, peasants, Cossacks, soldiers' deputies of the KASSR (1918-1937)		
Provincial Councils; Regional Councils	County Councils; City; District Councils	Volost Councils; aul, village, stanitsa, kishlak and settlement Councils
Executive Committees	Executive Committees	Executive Committees

Prepared by author.

Provincial, county and volost bodies of Soviet power, as well as executive committees, according to approved instructions and laws, were obliged to: a) Implement all resolutions of the relevant supreme bodies of Soviet power; b) Take all measures to raise the given territory culturally and economically; c) Resolve all issues related to a purely local significance for a given territory; d) The unification of all Soviet activities within a given territory. In the 1930s, local Councils primarily addressed issues related to collectivization and industrialization, as Kazakhstan became the focus of a program initiated by the First Secretary of the Bolshevik Party, Goloshchekin. Known as "Small October," this program aimed to develop agriculture while advancing industrialization efforts. Significant progress was made in constructing new factories, exploiting coal deposits, and extracting ferrous and non-ferrous metal ores, along with other mineral resources. Local councils were responsible for addressing challenges such as housing workers, many of whom migrated from rural areas, other regions within the republic, and across the Soviet Union.

Local soviets, under pressure from the Bolshevik party organs, sometimes made illegal decisions during the period of collectivization, dispossession and settlement. All these events coincided with famine and huge losses of the indigenous population in agriculture. Therefore, along with the party, administrative and punitive bodies, the Soviet authorities are also responsible for the repressive policy of that period against the people. So, for example, according to the minutes of the meeting of the Presidium of the Zaisan district Executive Committee dated March 15, 1931: in order to sovietize villages in the collectivization area and conduct procurement campaigns, to ask the investigative authorities to bring to justice and evict the 100-kilometer border post as socially alien and dangerous, according to the resolution of the Council of People's Commissars of the KASSR dated 04/03/1930 a group of rich and their subordinators according to the list [19, p.17]. There were many such examples throughout the republic.

The beginning of the third stage can be conditionally marked by the adoption of the new basic law of the Kazakh SSR (KazSSR) in 1937. In connection with the new status of Kazakhstan as a union republic, enshrined in the Union Constitution, on March 24, 1937, the Extraordinary X Congress of Soviets adopted the Constitution of the Kazakh SSR. The Constitution was built in accordance with the Union Constitution and consisted of 11 chapters and 124 articles, of which 9 chapters

mention the Councils of Deputies and 6 chapters specifically devoted to the role of Councils with their powers [15, p. 70-79]. The basic structure, legislative norms, functions and powers of the Councils of Workers' Deputies and their executive committees have not changed in practice compared to the previous one, only the terms of authority and convocation of the session have been changed. This structure of local Councils, adopted by the first Union Constitution of the Kazakh SSR in 1937, remained practical until the collapse of the Soviets as the main structural form of state power. In accordance with the administrative-territorial division of the republic, the Soviets had a three-tier system of government.

Regional councils formed administrations, a planning commission, and a number of other structures, depending on local conditions and the specifics of the regions. The departments of the executive committees of the regional Councils were in double subordination – territorial and sectoral. They were subordinate to the regional Council and its executive committee, and the corresponding Ministry of the Kazakh SSR. Approximately the same as in the region and the district, departments and administrations were created in city councils.

Table №2. Structure of local authorities of Kazakhstan (1937-1978)

Local Councils of workers' deputies of KazSSR (1937-1978)		
Regional Councils of Workers' Deputies	City, district Councils of workers' deputies	Settlement, village and aul Councils of Workers' Deputies.
Executive Committees	Executive Committees	Executive Committees

Prepared by author.

The election campaigns for the election of deputies to local councils were conducted according to a carefully worked-out scenario. The party committees were charged with the task of selecting candidates for deputies. A well-established mechanism for selecting candidates made it possible to form a deputy corps according to the specified parameters. According to the tradition of that period, along with candidates for deputies from labor collectives, it was necessary to nominate the top leaders of the party and the government. In those years, the popular slogan of the Communist parties was "We vote for the bloc of communists and non-partisans". Thus, at the pre-election meeting of workers and employees of the Zhanispaysky state farm of the Yesilsky district and the ZHBK plant of the city of Atbasar, candidates for deputies of the Supreme Soviet of the USSR for the elections on March 19, 1966, comrades, were nominated and supported by other collectives: Kosygin A.N., Chairman of the Council of Ministers of the USSR and Biryukov E.A., foreman of the tractor brigade of the Zhanispaysky state farm of the Yesilsky district. Both candidates were warmly and unanimously supported by the voters of the pre-election meeting [20, p.156]. After the XX Congress of the CPSU in 1956, as part of the course towards democratization, the rights of local councils were expanded. In the same year, 1956, by the decision of the December Plenum of the Central Committee of the CPSU, local Councils were entrusted with the functions of planning production, distributing products of local industry enterprises, solving financial and budgetary issues, and organizing housing construction [21,

p.296]. Voters gave instructions to deputies of different levels of councils, which primarily expressed local needs and requests, primarily related to the development of housing and communal services, healthcare, education, and the development of a network of transport communications. The instructions of the voters were carefully prepared measures were drawn up for their implementation and coordinated with the state development plan. Under the Soviet planned economy, this was important, and those requests from voters who did not receive instructions were postponed to other dates.

Deputies of local Councils performed their parliamentary duties on a voluntary basis, without interrupting their main activities. The main form of deputies' work was sessions of local councils. The Executive Committees held monthly meetings. Local councils elected permanent commissions from among their deputies for preliminary consideration and preparation of issues within their jurisdiction, monitoring the implementation of laws and decisions of higher councils and their own. In the second half of the 1950s new forms of public organizations began to be created – street and neighborhood committees, public commissions for assistance to house administrations, police assistance brigades, DND, women's councils, veterans' councils – as the first sprouts of public local governments. For example, under the direct leadership of the Petropavlovsk City Executive Committee, on December 18, 1963 according to the regulations approved by the Supreme Council of the Kazakh SSR "On street committees in cities and workers' settlements in the Kazakh SSR", elections were held for the chairman and secretary of the street committee of the Zarechny settlement of Petropavlovsk [22, p.29].

Annual reporting of executive committees to local councils and deputies to voters has become regular. Elections to local councils of Kazakhstan were held in June 1977. More than 8 million voters participated in the elections in the republic, or 99.9% of their total number included in the lists. More than 123 thousand people's deputies were elected to local councils. For example, according to the Petropavlovsk City Executive Committee, 205 deputies were elected to the city Council on June 15, 1975, 117 of them women, 104 members and candidates for members of the CPSU, 50 members of the Komsomol, 155 workers [23, p.1].

The fourth stage can be conditionally defined with the adoption of the new constitution of the Kazakh SSR in 1978.

The main reason and necessity of adopting a new Constitution, as noted in the resolution of the Central Committee of the CPSU, were related to political, socio-economic prerequisites, which were explained at that time by the presence of such factors as: a significant change in the political regime associated with the development of the dictatorship of the proletariat into a national state, the further development of Soviet democracy; the undivided rule of socialist property, on the basis of which the economy of the USSR became a single national economic complex; building a developed socialist society based on the indestructible union of the working class, the peasantry and the intelligence and the emergence of a new historical community – the multinational Soviet people.

The 1978 Constitution (article 6) even more explicitly emphasized the role of the Communist Party, which was proclaimed "the guiding and guiding force of Soviet society, the core of its political system". The 1978 basic law preserved the class orientation of democracy, which was called "Socialist democracy". Thus, before the collapse of the Soviet system of government and administration, the structure of local government looked as follows:

Table №3. Structure of local authorities of Kazakhstan (1937-1978)

Local Councils of workers' deputies of KazSSR (1937-1978)		
Levels of power bodies	Representative bodies of power	Executive Bodies of power
Local level (regional, district, rural)	Council of People's Deputies (1977-1993)	Executive Committees

Prepared by author.

The peculiarities of the structure of local authorities at this stage can be attributed, for example, to the absence of departments and departments in the executive committees of the lower levels of Councils (rural, village, village and city, cities of district subordination); the creation of deputy groups, as a rule, was regulated only by the Councils of the urban, district, rural, village level. However, due to the previously mentioned reasons, the potential of the Soviet local representative system was not fully realized. The idea of Councils as "working corporations" that make laws themselves and organize their implementation turned out to be a good wish. The final design of the command and administrative system reinforced the complete dependence of the representative bodies of the Soviets on the executive and on the party structures.

Conclusion

Analyzing the stages of the formation and development of the Soviets until their collapse, it is possible to summarize the state authorities of the Kazakh SSR:

1. At all stages of the formation and activity of the Soviets, it is necessary to consider - exclusively as a tool of the dictatorship of the proletariat and the rule of the communist party. Election campaigns were conducted according to a carefully worked out scenario. The party committee was assigned the task of selecting candidates for deputy. The optimized candidate selection mechanism allowed for the formation of the deputy corps according to the specified parameters.

2. Considering the class nature of the political institutions of the Communist Party, all classes, all layers of the socialist society were represented in the local councils. Local party committees and executive bodies of the Soviets supervised the work. Deputies of the local Soviets only voted for the pre-prepared documents of the executive committees, agreed upon by the party bodies.

Given the existing vertical structure of the Soviets and their weak economic and financial foundations, it is not appropriate to speak of any real autonomy in decision-making or of their functioning as genuine local self-government bodies. It is possible to ascertain the conscious desire of the leadership of the party and the state to monopolize the executive and legislative power in order to strengthen its political dominance, as well as the objective personnel-organizational and political weakness of the society, neither the preparedness of the Soviets, nor those capable of becoming the basis of a democratic type of state.

Having conducted a SWOT analysis of the structure of local authorities of Soviet Kazakhstan, certain conclusions can be drawn.

Table №4. Local representative authorities of Soviet Kazakhstan

	Administrative-territorial units	Name of local representative authorities	Main peculiarities
1	Local level (Provincial; regional, county; district, city; volost; village, rural, station, kishlak and settlement Councils)	Council of Workers, Peasants, Cossack and Red Army Deputies (1918-1936)	Election by the population at meetings by direct, open voting, for a term of 3 months to two years. The number of deputies, depending on the territorial level, ranged from 20 to 500 people. The qualitative composition of the deputy corps was formed by the party - the Bolsheviks, was announced at the meeting of voters, the elections were held under the control of party bodies; participation in elections and voting of voters was of a class nature. Those deprived of voting rights could not participate in the voting. Lower councils were controlled by higher ones. Deputies were accountable to their voters.
Council of Working People's Deputies (1936-1977)		Election by the population by secret ballot. For a term of 2 to 4 years. The number of deputies, depending on the territorial level, ranged from 100 to 500 people. Those deprived of voting rights could not participate in the voting. The qualitative composition of the deputy corps was formed by party structures. Alternative candidates were not allowed, elections were held under the control of party committees. Deputies exercised their powers on a voluntary basis. There were no real control functions over the activities of executive committees on the part of deputies in solving local problems.	
Council of People's Deputies (1977-1991)		Election by the population by secret ballot. Lower councils were controlled by higher ones. Deputies were accountable to their voters. All strategically important events were carried out by the Councils after approval by the party committees. Deputies of local Councils of all levels performed their deputy duties on a voluntary basis. There were no real control functions over the activities of executive committees in solving local problems. Work was carried out on the instructions of voters.	

Local executive authorities of Soviet Kazakhstan

	Administrative-territorial units	Local executive authorities	Main peculiarities
		Executive Committees of Workers, Peasants, Cossacks and Red	They were formed by the Soviets at congresses, were accountable and controlled by the council and higher representative and executive bodies. The executive committee, the number of members of which should not exceed: a) for the province - 25, b) for the district - 11

1	Local level (Provincial; regional, county; district, city; volost; village, rural, station, kishlak and settlement Councils	Army Deputies (1918-1936)	and c) for the volost - 3. The decisions taken were controlled by higher representative and executive bodies. Inappropriate decisions were cancelled by them.
		Executive Committees of Working People's Deputies (1936-1977)	They were formed by the Councils at sessions, were formally accountable and controlled by the council and higher representative and executive bodies. The decisions made were controlled by higher representative and executive bodies, party structures. Inappropriate decisions were cancelled by them.
		Executive Committees of the Council of People's Deputies (1977-1991)	They were formed by the Soviets at sessions, were formally accountable and controlled by the council and higher representative and executive bodies. The decisions made were controlled by higher representative and executive bodies and party structures. They cancelled decisions that did not comply with the laws and the constitution.

Prepared by author.

This model had the following positive aspects:

1. The presence of a Constitution and by-laws defining the competence, organization and procedure of the relevant Councils and election procedures.
2. The presence of a representative and executive vertical covering all levels of the administrative-territorial structure of the republic.
3. Open elections with the participation of voters who have the right to vote.
4. Accountability of deputies to voters. Giving instructions from voters to deputies of different levels of councils.
5. Based on the principle of historical objectivity, it is possible to state the advantages of the Soviet management system. It can be noted that the socialization of state policy was carried out, and the forms of popular representation in government were significantly expanded in comparison with the period of tsardom of the Russian Empire. Many human rights, which are the property of a civilized civil society, have been particularly developed. For example, the right to work, education, health care, social security, recreation, and others related to natural human rights.

However, this model has the following weaknesses(-):

1. The elections of deputies were held without alternative, according to the class principle, according to pre-prepared and approved lists of party organs.
2. The election of Soviets has been overwhelmingly replaced, in essence, by the appointment of party organs. The Soviets began to listen not to the voice of their constituents, but only to the voice of a higher-ranking party functionary, looking not down, but up, ready, on the orders of their superiors, to inflict any arbitrariness and violence on the masses, hiding behind the name and *will of these masses*.
3. All strategic important activities were carried out by the Soviets after approval by the party committees (*Socio-economic development plans, local budget. Development of individual industries and the social sphere of the regions, etc.*).
4. Deputies of local Councils at all levels performed their parliamentary duties on a voluntary basis, without interrupting their main activities. The control functions of the Councils in relation to the executive bodies practically did not function.
5. The Constitution and laws did not reflect democratic principles in local

government. Critically assessing the Soviet system of local government, one can note the negative aspects of economic management, which were given priority by an extensive rather than an intensive method. At the same time, it can be stated that the Soviet model of economy and the administrative and command management system created an adapted type of public consciousness based on economic inefficiency and social equalization in distribution, which led to deep deformations in the economic and social psychology of the population and vital values and priorities.

However, this economic management system, despite significant flaws and defects, had a high degree of mobility. Supported by a powerful apparatus of ideological and political pressure, this system was relatively stable during the period under study and ensured a fairly stable functioning of the entire economic mechanism of the country [24. P.185].

The main conclusions.

With the mass facts of violence and excessive ideologization of government inherent in the initial stages of the formation of Soviets as organs of power of the dictatorship of the proletariat, Soviets can be considered solely as an instrument of the dictatorship of the proletariat and the rule of the communist party and its ideology. The composition of the deputy corps was formed according to quotas established from the beginning of the CPSU (b), and then the CPSU. The right of a citizen to participate in the management of public affairs through election to representative bodies or appointment to public positions, provided for in article 45 of the Constitution, depended entirely on the discretion of the party organs. The nomenclatural principle of selecting cadres and deputies, which was not provided for by the Constitution and other legal acts, invented by the Communist Party, when candidates were selected by party bodies and then went through the formal procedure of election or appointment, was a gross violation of the constitutional norm. For the entire practical period of the development of the Soviet state in the field of "Soviet construction," the central political leadership of the country sought to finally transform the Soviets into a technical apparatus subordinate to party directives and at the same time conducting a class "purge" of their composition.

The key instrument of this influence became the factions of the Communist Party that existed in the councils of all levels, which were completely subordinated to the higher party bodies and were obliged to implement their decisions. According to the Statutes of the Communist Party of the Communist Party of Ukraine (CP), party committees were granted the right to appoint and dismiss both a faction member and any Soviet employee in general. Therefore, in all accepted anti-constitutional NLAs, in the years of repression, famine, and collectivization, they bear the same responsibility as party bodies and Soviet bodies of state power. This testifies to the merging of the Soviet and party apparatuses, with the latter maintaining both formal and actual hegemony. Despite all outward signs of "revitalization" during various stages of Soviet state-building, the Soviets ceased to function as independent political institutions. They obediently followed party directives and retained only purely formal, "ritual" functions. These served the higher party leadership's aim of masking its monopoly on power and maintaining at least the appearance of compliance with the norms and principles enshrined in the Constitutions [25, p. 5].

The article was prepared as part of the implementation of program-targeted funding "Evolution of political institutions and structures in the history of Kazakhstan (XIX–XXI centuries)" financed by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan as part of the program (IPN No. BR21882308)

References

1. Atamanchuk G.V. Gosudarstvennoe upravlenie (organizasionno funkcionálnye voprosy): Ucheb. posobie. [Public administration (organizational and functional issues): Textbook.] – Moskva, 2000. 253 s.
2. Kazahstan-2023: tendensii nastoiąšego i kontury buduřego. [Kazakhstan-2023: trends of today and outlines of tomorrow] Kolektivnaia monografiia. – Astana: Kazahstanski institut strategicheskikh issledovani pri Prezidente RK, 2023. 294 s.
3. Tropov I. A. Mestnye sovery v 1917–1920-e gg: osobnosti struktury i deiatelnosti [Local councils in 1917–1920: features of structure and activities]. S. 81-92. [Elektronnyi resurs]. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnye-sovery-v-1917-1920-e-gg-osobnosti-struktury-i-deyatelnosti>. (Data obrařenia: 15.07.2024 g).
4. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochineni. Izdanie pätoe izdatelstvo politicheskoi literatury [Complete collection of scientific works. Establishment of a comprehensive publication of political literature]. T.41. Moskva, 1981. 687 s.
5. Nurpeisov K.N. Stanovlenie Sovetov v Kazahstane (mart 1917 g.-iün 1918 g.). [Soviet Union in Kazakhstan (March 1917 - June 1918)]. – Alma-Ata: Nauka, 1987. 240 s.
6. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochineni. Izdanie pätoe izdatelstvo politicheskoi literatury [Complete collection of scientific works. Establishment of a comprehensive publication of political literature]. T. 35. Moskva, 1974. 585 s.
7. Kemelbekov A. A. Organizasia mestnoi vlasti v Kazahstane v period 1917-1933 gg. (Istoriko-pravovoi aspekt) [Organization of local power in Kazakhstan in the period 1917-1933 (historical and legal aspect)]. İuridicheskaiia nauka. №9. 2019. S. 12-17. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-mestnoy-vlasti-v-kazahstane-v-period-1917-1933-gg-istoriko-pravovoy-aspekt/viewer>
8. Konstitusia Respubliki Kazahstan. // İnformasionno-pravovaiia sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazahstan [Constitution of the Republic of Kazakhstan. // Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan] [Elektronnyi resurs]. URL:<http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (Data obrařenia: 23.02. 2024).
9. Deklarasia prav trudäšihsä Kirgizskoi ASSR ot 6 oktäbrä 1920 goda [Declaration of the Rights of the Workers of the Kirghiz ASSR of October 6, 1920] [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (Data obrařenia: 03.08.2024 g.)
10. Kajenova G.T. Organizasia organov zemskogo samoupravlenia v stepnom krae (1917–1918) [Organization of zemstvo self-government bodies in the steppe region (1917–1918)] // Gumanitarnye nauki v Sibiri, 2018 g., tom 25, № 1. S.18.
11. Senträlnyi gosudarstvennyi arhiv RK [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan]. F. 5. S. 2. F.3 a. P. 7.
12. Izdanie otdela upravlenia Gubispolkoma [Establishment of the Governance Department of the Executive Committee]. g. Orenburg. tipografiia G. S. N. H. №5.1923 g.
13. Severo-Kazahstanski gosudarstvennyi arhiv [North Kazakhstan State Archives]. F. 1616. S.1. F. 3. P. 219.
14. 100 let avtonomii «Alaş». Vsö, chto nujno znät o pervoi kazahskoi respublikie [100 years of autonomy "Alash". Everything you need to

know about the first Kazakh republican] [Elektronnyi resurs].URL: <https://informburo.kz/stati/100-let-avtonomii-alashvsiyo-cto-nuzhno-znat-o-pervoy-kazahskoyrespublike.htm> | (Data obraşenia: 03. 09. 2024 g.)

15. 15.Konstitusia (osnovnoi zakon) Kirgizskoi (Kazahskoi) Avtonomnoi Sosialisticheskoi Sovetskoj Respubliki 18 fevralä 1926 g. [Constitution (basic law) of the Kirghiz (Kazakh) Autonomous Socialist Soviet Republic of February 18, 1926] Istochnik: Sovetskie konstitusii. Sost. D. V. Kuznesov. — Blagoveşensk: Blagoveşenski gosudarstvennyi pedagogicheski universitet, 2015. — T. 2. — S. 70—79.
16. Severo-Kazahstanski gosudarstvennyi arhiv [North Kazakhstan State Archives] . F. 30. S. 1. F. 20. P. 56.
17. Rosiski gosudarstvennyi arhiv sosiälno-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History.]. F. 17. S. 25. F. 2. P. 3-4.
18. Rosiski gosudarstvennyi arhiv sosiälno-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History.]. F. 17. S. 25. F. 7. P. 6.
19. Gosudarstvennyi arhiv Vostochno-Kazahstanskoi oblasti [State Archives of the East Kazakhstan Region]. F. 788. S. 1. F. 41. P. 7-17.
20. Gosudarstvennyi arhiv goroda Astana [State Archives of Astana]. F. 32. S. 11. F. 17 a. P. 156.
21. İstoria Kazahskoi SSR (s drevneişih vremen do naših dnei). T.V. Zaverşenie postroenia sosialisticheskogo obşestva. Razvitoi sosializm [History of the Kazakh SSR (from ancient times to today). T.V. Achievement of the construction of socialistic society. Development of socialism.]. – Alma-Ata: Nauka. Kaz SSR, 1980. – 696 s.
22. Severo-Kazahstanski gosudarstvennyi arhiv [North Kazakhstan State Archives]. F. 30. S. 1. F. 508. P. 29. 23.
23. Severo-Kazahstanski gosudarstvennyi arhiv [North Kazakhstan State Archives] . F. 30. S. 1. F. 992. P. 1.
24. Mustafayev N., Shibutov M. History of independent Kazakhstan: parliamentarism and local self-government [History of independent Kazakhstan: parliamentarism and local self-government]. – Almaty: ID "Zhibek Zholy", 2022. - 344 p. P.185.
25. Andreev V.P. "The Soviet period of people's representation"; materials for the lecture. Electronic resource: https://www.duma.tomsk.ru/content/6_sovetskij_period_narodnogo_predstavitelstva. (date of access 10.06.2025).

Материал поступил в редакцию 05.01.2025

Утвержден к публикации 20.06.2025

THE ROLE OF MASLIKHATS IN THE SYSTEM OF LOCAL SELF-GOVERNMENT: THE CASE OF ALMATY

Zhuldyz Davletbayeva^{1*}
Assiya Akanova²

^{1*}Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Associate Professor at the National School of Public Policy, Candidate of Sociological Sciences; Astana, Kazakhstan, e-mail: zhuldyz.davletbayeva@apa.kz, ORCID: 0000-0002-2271-1570

²Acting Head of the Public Health Department of Almaty, PhD; Almaty, Kazakhstan, e-mail: a.a.akanova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3929-5411

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.114.2.004>

Abstract. In Kazakhstan, maslikhats serve as a key element of the local self-governance system, functioning as representative bodies involved in decision-making processes that impact the lives of local communities. The purpose of this article is to examine the role of maslikhats within the local government, using the city of Almaty, the country's largest metropolis, as a case study. The study employs a comprehensive methodological approach that includes a retrospective analysis of the formation and development of maslikhats, an analysis of the legal framework regulating their activities, and an examination of empirical data through semi-structured expert interviews. The findings of the study highlight both the achievements and challenges associated with the functioning of maslikhats in the context of Kazakhstan's modern local governance system, with a particular emphasis on the insufficient autonomy of these representative bodies. Based on the results, recommendations are proposed to enhance their effectiveness, citizen engagement, and interaction with authorities.

Keywords: *maslikhat, local government, public administration, Almaty, representative bodies.*

АЛМАТЫ ҚАЛАСЫНЫҢ МЫСАЛЫНДА ЖЕРГІЛІКТІ ӨЗІН-ӨЗІ БАСҚАРУ ЖҮЙЕСІНДЕГІ МӘСЛИХАТТАРДЫҢ РӨЛІ

Жұлдыз Даулетбаева^{1*}, Әсия Ақанова²

^{1*}Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, Ұлттық мемлекеттік саясат мектебінің доценті, социология ғылымдарының кандидаты; e-mail: zhuldyz.davletbayeva@apa.kz

²Алматы қаласы қоғамдық денсаулық сақтау басқармасы басшысының м.а., PhD; e-mail: a.a.akanova@gmail.com

Аңдатпа. Қазақстанда мәслихаттар жергілікті қоғамдастықтардың өміріне әсер ететін шешімдер қабылдауға қатысатын өкілді органдардың функцияларын орындай отырып, жергілікті өзін-өзі басқару жүйесінің негізгі элементі болып табылады. Бұл мақаланың мақсаты-еліміздің ірі мегаполисі Алматы қаласының мысалында жергілікті өзін-өзі басқару жүйесіндегі мәслихаттардың рөлін зерттеу. Зерттеу мәслихаттардың қалыптасуы мен дамуын ретроспективті талдауды, олардың қызметін реттейтін нормативтік-құқықтық базаны талдауды, сондай-ақ жартылай құрылымдалған сараптамалық сұхбаттардың көмегімен эмпирикалық деректерді зерттеуді қамтитын кешенді әдіснамалық тәсілді қолданады. Зерттеу нәтижелері Қазақстан Республикасының қазіргі заманғы жергілікті басқару жүйесі жағдайында мәслихаттардың жұмыс істеуіне байланысты жетістіктер мен проблемаларды анықтауға мүмкіндік берді. Өкілді орган қызметінің дербестігі жеткіліксіз. Зерттеу қорытындысы бойынша олардың тиімділігін арттыру, азаматтардың қатысуы және атқарушы билік органдарымен өзара іс-қимыл бойынша ұсыныстар ұсынылды.

Түйін сөздер: *мәслихат, жергілікті өзін-өзі басқару, мемлекеттік басқару, Алматы, өкілді органдар.*

РОЛЬ МАСЛИХАТОВ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА АЛМАТЫ

Жұлдыз Давлетбаева^{1*}, Асия Аканова²

^{1*}Академия государственного управления при Президенте РК, доцент Национальной школы государственной политики, кандидат социологических наук; e-mail: zhuldyz.davletbayeva@apa.kz,

²И.о. руководителя управления общественного здравоохранения г. Алматы, PhD; e-mail: a.a.akanova@gmail.com

Аннотация. В Казахстане маслихаты выступают ключевым элементом системы местного самоуправления, выполняя функции представительных органов, участвующих в принятии решений, затрагивающих жизнь местных сообществ. Цель данной статьи – изучение роли маслихатов в системе местного самоуправления на примере города Алматы, крупнейшего мегаполиса страны. В исследовании применяется комплексный методологический подход, включающий ретроспективный анализ формирования и развития маслихатов, анализ нормативно-правовой базы, регулирующей их деятельность, а также изучение эмпирических данных с помощью полуструктурированных экспертных интервью. Результаты исследования позволили выявить достижения и проблемы, связанные с функционированием маслихатов в условиях современной системы местного управления Республики Казахстан. Недостаточная автономия деятельности представительного органа. По итогам исследования предложены рекомендации по повышению их эффективности, вовлеченности граждан и взаимодействия с органами исполнительной власти.

Ключевые слова: *маслихат, местное самоуправление, государственное управление, Алматы, представительные органы*

Introduction

Local self-governance plays a vital role in various aspects of a state's and society's life. Local authorities ensure the protection of citizens' rights within their jurisdiction. Although the primary responsibility lies with the state, local self-governance makes a significant contribution to this endeavor [1]. By enhancing democratic participation, it enables citizens to engage in decision-making processes either directly or through their elected representatives. This, in turn, facilitates the resolution of local issues more effectively and fosters a sense of involvement and belonging among citizens [2]. Furthermore, local authorities possess a deeper understanding of, and respond more promptly to, the specific needs of their communities. This encompasses economic, social, and environmental dimensions that are critical for the sustainable development of territories [3]. Despite their importance, local authorities face several challenges, including bureaucratic inefficiency, financial dependence on national governments, and the need for reforms to improve governance and service delivery. Reforms could empower local authorities to focus more effectively on local issues and reduce state interference [4]. In addition to addressing governance challenges, local self-governance fosters social partnerships and community development by encouraging dialogue and collaboration among residents. Such an approach helps address local socio-economic issues and improves overall quality of life.

In Kazakhstan, maslikhats (local representative bodies) are a critical element of the local self-governance system. They represent the interests of citizens and participate in decision-making processes that affect the lives of local communities. This article aims to analyze the role of maslikhats within the local self-governance system, using the city of Almaty as a case study. The focus of the analysis is to identify key achievements, existing challenges, and provide recommendations to improve their effectiveness.

By examining the effectiveness of maslikhats in the context of local self-governance, this analysis seeks to deepen the understanding of the role of representative bodies at the local level. It also aims to contribute to the further development of the local self-governance system in Kazakhstan as a whole.

Methodology

This study employs a comprehensive methodological approach to analyze the role of maslikhats in Kazakhstan's local governance system. The methodology integrates several analytical tools to provide a thorough examination of their role, achievements, challenges, and prospects for development.

Analysis of the Legal Framework:

The normative and legal framework was carefully examined, including the Constitution of the Republic of Kazakhstan, laws, and subordinate acts regulating the activities of maslikhats. This legal analysis clarified the institutional role of maslikhats within the local governance system, revealing their formal responsibilities and limitations. The study also focused on identifying gaps and inconsistencies in legislation that may affect their effectiveness.

Retrospective Analysis:

The retrospective analysis focused on examining the qualitative and quantitative composition of the maslikhat of Almaty. This approach aimed to understand the structural and functional evolution of this representative body over time.

Empirical Data Collection through Expert Interviews:

To gather empirical data, the study employed semi-structured, in-depth interviews with specialists in local self-governance, current and former deputies of maslikhats, and independent experts. The interviews covered topics such as the practical functioning of maslikhats, their interactions with executive bodies, barriers to effective decision-making, and ways to enhance citizen engagement.

Qualitative Data Analysis:

The collected data were subjected to qualitative content analysis to structure information and identify key trends, challenges, and opportunities. This method helped in synthesizing diverse perspectives into a coherent understanding of the current state and potential of maslikhats.

By integrating these methodological components, the study provides a multidimensional perspective on the functioning of maslikhats. This approach not only deepened the understanding of their strengths and weaknesses but also offered practical recommendations for enhancing their effectiveness, citizen involvement, and collaboration with executive authorities.

Results and discussion

Analysis of the Legal Framework

Legislation provides a structured framework for public participation, ensuring transparency, openness, and accountability in administrative decision-making processes [5]. This legal structure is essential for defining the scope, methods, and rights associated with public involvement in governance. Since gaining independence, Kazakhstan has been developing its own model of local self-government. The first legal act to initiate the development of local self-governance was the Law “On Local State Administration and Local Councils of People’s Deputies of the Kazakh SSR.” Later, in independent Kazakhstan, the right of citizens to local self-government was enshrined in the Constitution adopted in 1995. However, at that time, there was no institutional framework to ensure the actual implementation of this right. The current Constitution includes a provision on the exercise of local state administration through local representative bodies (Article 85). At the same time, another provision (Article 89) identifies maslikhats as one of the structures through which local self-government can be implemented [6].

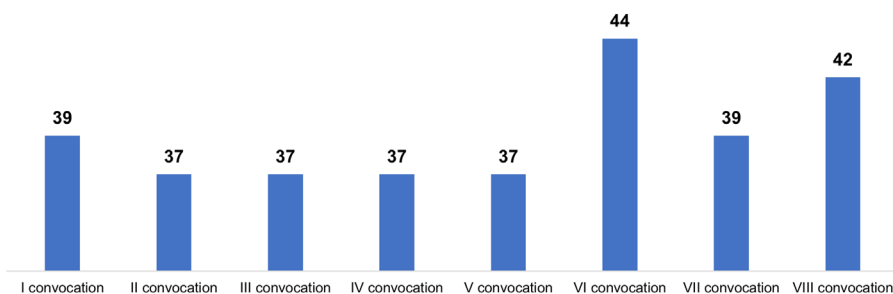
In addition to the Constitution, an analysis of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Local State Administration and Self-Government” reveals the hybrid nature of these bodies. For instance, according to Article 1 of the aforementioned law, a maslikhat is an elected body chosen by the population. However, the same Article 1 states that maslikhats have an administrative apparatus funded from the state budget. Furthermore, Article 4 establishes requirements and restrictions, including for maslikhats. The provisions of this article prohibit decisions that contradict the directions of the country’s internal and foreign policies. It also imposes an obligation to adhere to national standards. This contradicts the classical principles of local self-governance, at least in terms of autonomy [7].

As Nabatchi and Leighninger (2015) note, sustainable development of local self-government is only possible when mechanisms for citizen engagement are in place, enabling them to effectively express their interests [8]. To date, as an analysis of the legislative framework has shown, maslikhats within Kazakhstan's local self-government system do not fully represent the power of citizens but instead function as a hybrid form of state administration. Transforming this system into a more effective and citizen-oriented one will require reforms aimed at strengthening the autonomy of maslikhats, increasing the level of civic participation, and improving collaboration with the executive branch.

Retrospective Analysis

An analysis of official data from the website of the Almaty City Maslikhat revealed that over the past 30 years, the number of deputies has not undergone significant changes, fluctuating between 37 and 44 members, with the maximum recorded during the VI convocation. The average number of deputies was 39 (Figure 1) [9].

Figure 1. Dynamics of the Number of Deputies in the Almaty City Maslikhat, 1993–2023

Source: Official website of the Almaty City Maslikhat

However, the study faced limitations due to the inability to assess certain quantitative indicators, such as the number of submitted requests or the number and quality of issues resolved for the city. Therefore, despite the positive trends observed, it remains challenging to evaluate the impact of the number of deputies on the effectiveness of the maslikhat within a historical context. Additionally, analyzing the influence of the gender composition on the effectiveness of the Almaty City Maslikhat was difficult due to the loss of documentation during the events of January 2022.

An analysis of the party composition of the last three convocations of the city maslikhat demonstrated positive dynamics. According to publicly available data, the VI convocation was represented by three political parties (Nur Otan, Ak Zhol, and Aul). Subsequently, following the elections to the VII convocation, the composition was renewed by 75%, with deputy mandates distributed among representatives of four parties. By the VIII convocation, the number of represented parties increased to five [9].

Furthermore, several innovations have been introduced, including holding

maslikhat sessions and citizen receptions in an online format. A press office for the maslikhat was established, and a practice of evaluating deputies' effectiveness based on a developed KPI methodology was implemented. This resulted in the rotation of 11 deputies after the first year. During the VII convocation, an Expert Council and a Youth Council were also established under the maslikhat.

An analysis of the socio-demographic characteristics of the current composition of the city maslikhat (VII convocation) showed its balanced representation (Table 1).

Table №1. Socio-Demographic Composition of the Almaty City Maslikhat

Nationality	Age Group
Kazakhs – 78.6%	18-35 years – 21.9%
Russians – 4.8%	36-44 years – 36.5%
Others – 14.3%	45-59 years – 39.2%
	60 years and older – 2.4%
Sector (Category)	Social Groups
Business and Quasi-Sector – 58.6%	Mothers of multiple children – 4.8%
NGOs and Media – 19.5%	Fellow countrymen – 4.8%
Education – 4.9%	People with disabilities – 2.4%
Culture and Sports – 9.7%	
Healthcare – 4.9%	
Others – 2.4%	

Official website of the Almaty City Maslikhat

As seen in Table 1, the maslikhat's structure is balanced in terms of the diversity of social strata represented. It can be observed that the maslikhat, as a representative body, has become more inclusive, increasingly reflecting the interests of the civil sector.

Local bodies can enhance this engagement by creating inclusive and participatory governance structures, such as youth councils and community health initiatives. According to Segura et al. (2018), Maphosa and Moyo (2024), these structures provide platforms for community members to participate in decision-making processes and ensure that their voices are heard [10, 11].

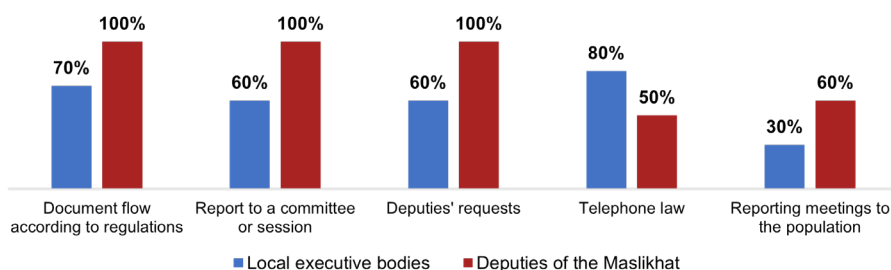
The analysis highlights the evolving dynamics and structural changes within the Almaty City Maslikhat over the past three decades. While the number of deputies has remained relatively stable, recent innovations, such as the introduction of online sessions, KPI-based performance evaluations, and the establishment of youth and expert councils, reflect efforts to modernize and improve its effectiveness. Positive developments in party representation and balanced socio-demographic composition indicate increased inclusivity and alignment with civil society interests. However, significant challenges remain, including limited data availability and the difficulty of assessing the impact of gender composition and quantitative indicators on the maslikhat's overall performance. To further enhance its effectiveness and citizen-oriented governance, continued reforms are essential, particularly those fostering greater transparency, accountability, and participatory mechanisms.

Expert Interviews

As part of an anonymous interview, 20 experts participated, evenly split

between civil servants (50%) and deputies of the Almaty City Maslikhat from various convocations and political affiliations. One of the key research questions, as outlined in the approved program, focused on examining the practices of interaction between maslikhats and local executive bodies. According to the results, the main mechanisms of interaction include document flow, various forms of meetings, correspondence within the framework of deputy inquiries, telephone communication, and reporting meetings with the public (Figure 2).

Figure 2. Key Mechanisms of Interaction Between Local Executive and Representative Authorities (Maslikhats), According to Respondents

All maslikhat deputies noted the importance of official channels of interaction. Additionally, informal contacts (referred to as "telephone governance") play a significant role, as mentioned by 80% of maslikhat deputies and half of the representatives of akimats. One issue with the procedure of deputy inquiries, according to one expert, lies in the changing approach of deputies themselves. As noted by a respondent, some deputies are reluctant to prepare well-structured inquiries, instead waiting for a related story to appear on social media. This practice allows deputies to avoid responsibility, positioning themselves as passive observers in addressing various issues.

The insufficient effectiveness of maslikhats, according to most surveyed experts, is linked to a low level of engagement in the work of the representative body (Figure 3).

Figure 3. Assessment of Deputies' Engagement in Maslikhat Activities (on a 5-point scale)

Experts identified several factors contributing to low engagement, including burnout following election campaigns, underestimated expectations regarding the time required for public duties, criticism from the public and government bodies, and the lack of funding for activities.

For example, Respondent No. 1, a representative of the Public Council and a deputy for two convocations, highlighted that a deputy's activity is a crucial factor for the maslikhat's effectiveness. According to the respondent, deputies elected in single-mandate districts are more active in working with the public. Similarly, Expert No. 7 noted that single-mandate deputies are more proactive, and every resident in their district knows their deputies personally. On the other hand, many newly elected deputies fail to understand that deputy work is a public service requiring significant time and commitment.

One of the factors contributing to low engagement among deputies may be the legal framework, which stipulates that professional deputy activities are limited to the Chair of the Almaty City Maslikhat and two released Chairs of specialized commissions. However, in Almaty, there is only one released Chair, while the remaining 40 deputies perform their duties on a voluntary basis. The lack of paid assistants, allocated transportation, and reliance on primary employment are factors that likely underlie the low engagement levels among maslikhat deputies. Furthermore, as one expert pointed out, the maslikhat operates as a collegial body where decisions are made collectively, which diminishes individual accountability. This collective decision-making process may further discourage initiative and active involvement in maslikhat activities. Consequently, low engagement among deputies, driven by the absence of remuneration and the collective nature of decision-making, could also hinder effective interaction with the local akimat.

Most experts also identified high turnover rates in local executive bodies as a significant barrier to effective collaboration between maslikhat deputies and local executive authorities. One expert highlighted that substantial time is spent understanding issues, holding meetings, and discussing problems, only for personnel changes to occur, leading to the process being restarted from the beginning due to a lack of institutional memory. This substantially reduces the efficiency of interaction. Additionally, as noted by 60% of respondents from Pool No. 1, government agencies tend to prioritize directives from central government bodies. This top-down decision-making system ("up-to-bottom") further affects the efficiency and responsiveness of interactions between local executive bodies and Almaty City Maslikhat deputies.

Zhanuzakova L.T. (2021) discusses the need to enhance the role of maslikhats in overseeing the activities of akimats in Kazakhstan. She suggests granting maslikhats the authority to issue votes of no confidence not only against akims but also individual members of akimats [8]. This approach would increase the accountability of local executive bodies to their representative institutions. By introducing such measures, the proposal aims to establish stronger checks and balances at the local government level, fostering democratic governance in the regions.

By studying international practices of interaction between local executive and representative bodies, the following comparative insights can be formed (Table 2):

Table №2. Socio-Demographic Composition of the Almaty City Maslikhat

Aspect	Maslikhats (Local Councils)	Akimats (Local Administrations)
Role	Representative body	Executive body
Primary Function	Articulate local interests	Implement policies
Communication	Essential for effective governance	Structured channels needed
Collaboration	Voluntary agreements beneficial	Regional cooperation
Challenges	Ambiguous authority, political tensions	Conflict prevention mechanisms

Source: compiled by authors based on [12], [13], and [14]

The principles and issues of local structures and the importance of communication, collaboration, and clear delineation of roles are universally applicable. Effective interaction between these bodies can lead to improved governance and better outcomes for local communities.

The current situation in Kazakhstan highlights several challenges to achieving effective interaction. In the context of Kazakhstan, effective interaction between local executive and representative bodies can significantly enhance governance, leading to better outcomes for local communities. This collaborative approach fosters more transparent decision-making, strengthens accountability, and promotes the efficient delivery of services, contributing to the overall development and stability of local governance in the country.

Conclusion

The analysis of the legislative framework reveals that, to date, maslikhats within Kazakhstan's local self-government system do not fully embody the power of citizens but rather operate as a hybrid form of state administration. To transform this system into one that is more effective and citizen-oriented, significant reforms are necessary. These reforms should focus on strengthening the autonomy of maslikhats, increasing civic participation, and improving collaboration with the executive branch.

The evolving dynamics of the Almaty City Maslikhat over the past three decades reflect attempts to modernize and enhance its effectiveness, with recent innovations such as online sessions, KPI-based performance evaluations, and the establishment of youth and expert councils. These changes indicate progress toward greater inclusivity and alignment with civil society interests. However, challenges persist, including the limited availability of data and difficulties in assessing the impact of gender composition and quantitative indicators on maslikhat performance. To achieve a more citizen-oriented governance model, it is crucial to continue implementing reforms that promote transparency, accountability, and participatory mechanisms.

The importance of official channels of interaction between maslikhats and executive bodies has been acknowledged by all maslikhat deputies, but informal contacts, particularly "telephone governance," also play a significant role. This informal system, while facilitating communication, also leads to passive behaviors among some deputies, who tend to wait for social media stories rather than actively address issues. This avoidance of responsibility weakens the effectiveness of deputy inquiries. Additionally, experts pointed to several factors contributing to low

engagement, such as burnout, unrealistic expectations about the time commitment required for public duties, public and government criticism, and inadequate funding. High turnover rates in local executive bodies pose a significant challenge to effective collaboration, as frequent personnel changes disrupt institutional memory, reducing the efficiency of interactions. Furthermore, the centralization of decision-making within government bodies limits the responsiveness and efficiency of local executive authority and maslikhat collaboration. This top-down system undermines the potential for dynamic and effective local governance.

Recommendations:

- Strengthening the Autonomy of Maslikhats: Reforms should empower maslikhats with more decision-making authority and autonomy to ensure they function as true representatives of the citizens. This could include granting maslikhats the authority to issue votes of no confidence against akims and individual members of akimats, as suggested by Zhanuzakova L.T. (2021), to enhance accountability.

- Enhancing Civic Participation: To bridge the gap between maslikhats and citizens, efforts should focus on fostering greater civic participation through more accessible and inclusive engagement mechanisms. Online platforms and public consultations could be expanded to encourage active involvement from diverse demographic groups.

- Improving Deputy Engagement: To address the low engagement levels among deputies, particularly those serving on a voluntary basis, it is recommended to introduce mechanisms that provide financial support, such as paid positions or assistant roles. This would help reduce the reliance on deputies' primary employment and increase their commitment to public service.

- Addressing High Turnover and Institutional Memory: Efforts should be made to stabilize personnel in local executive bodies and maintain institutional memory. Creating platforms for knowledge sharing and ensuring continuity in leadership could reduce the inefficiency caused by turnover.

By addressing these challenges and implementing these recommendations, Kazakhstan can strengthen its local governance structures, creating a more effective, citizen-oriented system of governance.

References

1. Vilela N. B., Gomes J. C. Local authorities and the burden of safeguarding human rights //Lex Localis. – 2019. – Vol. 17. – №. 3. – pp. 837-852.
2. Brezovšek M. et al. 2010 Local Elections-A Serious Warning to Parliamentary Political Parties //Lex localis-Journal of Local Self-Government. – 2011. – Vol. 9. – №. 2. – pp. 145-162.
3. Urmonienė D., Žukovskis J. Institutional dependency model for Lithuanian local government in the context of harmonious management. – 2014.
4. Jäntti A., Vakkala H., SINERVO L. Challenges of the Implementation of the European Charter of Local Self-Government in Finnish Legislation //Lex Localis-Journal of Local Self-Government. – 2019. – Vol. 17. – №. 1.
5. Dobrić Jambrović D. European standards in regulating public participation on subnational levels: The case of Croatia //Contemporary trends in local governance: Reform, cooperation and citizen participation. – 2020. – pp. 217-239.
6. Konstitucija Respubliki Kazahstan [Constitution of the Republic of Kazakhstan]. https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (in Russian).
7. Zhanuzakova L. T. Pravovye osnovy obespecheniya razvitiya instituta mestnogo samoupravleniya v Respublike Kazahstan na sovremennom jetape [Legal basis for ensuring the development of the institution of local self-government in the Republic of

- Kazakhstan at the present stage] Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. – 2021. – №. 4 (67). – S. 21-30. (in Russian).
8. Nabatchi T., Leighninger M. Public participation for 21st century democracy. – John Wiley & Sons, 2015.
 9. Maslihat goroda Almaty. Oficial'nyj sajt [Maslikhat of Almaty city. Official website]. <https://www.gov.kz/memleket/entities/maslihat-almaty?lang=ru> (in Russian)
 10. Segura Del Pozo J. et al. Municipalism and community health: transforming through local government. SESPAS report 2018 //Gaceta Sanitaria. – 2018. – Vol. 32. – pp. 26-31.
 11. Maphosa S., Moyo P. Evaluating youth participation in mogale city local municipality's decision-making processes //OIDA International Journal of Sustainable Development. – 2024. – Vol. 17. – №. 11. – pp. 81-90.
 12. Komarnytskyy V. Model of effective communication in the system of local government in Ukraine //Evropský Politický a Právní Diskurz. – pp. 43.
 13. Khan S., Bajracharya B. The changing role of regional organisation of councils in Australia: case studies from perth metropolitan region //New Urban Agenda in Asia-Pacific: Governance for Sustainable and Inclusive Cities. – 2020. – pp. 93-116.
 14. Cha S. H. Decentralization in educational governance and its challenges in Korea: Focused on policy conflicts between central and local government in education //Asia Pacific Education Review. – 2016. – Vol. 17. – pp. 479-487.

Материал поступил в редакцию 29.03.2025

Утвержден к публикации 20.06.2025

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА КАЗАХСТАНЦЕВ

Айгерим Жунусова

Постдокторант и преподаватель кафедры политологии и политических технологий КазНУ имени аль-Фараби; Алматы, Казахстан, e-mail: zhunussova.aigerim.polit@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-4017-3649 4

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.114.2.005>

Аннотация. Эффективная реализация политических реформ сегодня невозможна без конвенционального политического участия граждан, без вовлеченности общества в социально-политические процессы и события в стране. В свою очередь для построения качественной политической коммуникации между властью и обществом важно оценивать самочувствие, настроения и потребности граждан.

Актуальность данного направления обусловлена в первую очередь потребностью современных обществ в социальном оптимизме и надежде в качестве опоры для развития, ведь утрата надежд и пессимизм может приводить к пассивному состоянию общественной жизни и к тому, что население не будет видеть перспектив будущего. Данная проблема может обостряться в особенности, если в медиапространстве происходит негативизация образа власти, повышается конфликтность и недоверие, в обществе может происходить снижение чувства безопасности. Поэтому цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать значение социального оптимизма для казахстанского общества и его особенности.

Изученные работы сформировали понимание феномена, анализ казахстанских исследований позволил описать состояние общества и значимость в нём социального оптимизма, собственное исследование дало представление о роли информационного фактора. В итоге, были выявлены основные составляющие социального оптимизма, которые могут служить основой для разработки мер по его укреплению.

Ключевые слова: *социальный оптимизм, казахстанское общество, образ власти, демократическое участие, политическое сознание.*

ҚАЗАҚСТАНДЫҚТАРДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК ОПТИМИЗМІНІҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Әйгерім Жүнісова

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының постдокторанты және оқытушысы; Алматы, Қазақстан,

e-mail: zhunussova.aigerim.polit@gmail.com

Аңдатпа. Бүгінгі күні саяси реформаларды тиімді жүзеге асыру азаматтардың дәстүрлі саяси қатысуынсыз, қоғамның елдегі әлеуметтік-саяси процестер мен оқиғаларға араласуынсыз мүмкін емес. Өз кезегінде, билік пен қоғам арасындағы сапалы саяси коммуникацияны құру үшін азаматтардың жалпы жағдайын, көңіл-күйін және қажеттіліктерін бағалау маңызды.

Бұл бағыттың өзектілігі қазіргі қоғамдардың даму тірегі ретінде әлеуметтік оптимизм мен үмітке деген қажеттіліктен туындап отыр, өйткені үміттің жоғалуы және пессимизм қоғамдық өмірдің енжар жағдайына әкелуі мүмкін, сондай-ақ халық болашаққа деген перспективаларды көрмеуі ықтимал. Бұл мәселе әсіресе медиакөшіктікте билік бейнесінің негативтенуі, қақтығыстардың артуы және сенімсіздіктің күшеюі жағдайында ушыға түседі. Сонымен қатар, қоғамда қауіпсіздік сезімінің төмендеуі де ықтимал. Сондықтан, осы мақалада Қазақстан қоғамы үшін әлеуметтік оптимизмнің маңыздылығын және оның ерекшеліктерін талдау мақсаты қойылған.

Зерттелген еңбектер бұл феноменді түсінуге ықпал етті, қазақстандық зерттеулердің талдауы қоғамның жағдайын және ондағы әлеуметтік оптимизмнің маңыздылығын сипаттауға мүмкіндік берді, ал автордың жеке зерттеуі ақпараттық фактордың рөлін анықтады. Нәтижесінде, әлеуметтік оптимизмді нығайту бойынша шараларды әзірлеуге негіз бола алатын негізгі компоненттер анықталды.

Түйін сөздер: *әлеуметтік оптимизм, қазақстандық қоғам, билік бейнесі, демократиялық қатысу, саяси сана.*

FEATURES OF SOCIAL OPTIMISM OF KAZAKHSTAN PEOPLE

Aigerim Zhunussova

Postdoctoral student and lecturer of the Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University; Almaty, Kazakhstan, e-mail: zhunussova.aigerim.polit@gmail.com

Abstract. Effective implementation of political reforms today becomes possible with the conventional political participation of citizens, the involvement of society in socio-political processes and events in the country. In turn, building quality political communication between the government and society requires assessing the well-being, sentiments and needs of citizens.

The relevance of this topic is primarily due to the need of modern societies for social optimism and hope as a foundation for development since the loss of hope and the prevalence of pessimism can lead to a passive state of public life, with the population failing to see future prospects. This issue can become especially acute if the media space portrays the government negatively, increasing conflict and distrust, and reducing the sense of security within society. Therefore, the purpose of this article is to analyze the importance of social optimism for Kazakhstan's society and its specific features.

The reviewed works contributed to an understanding of the phenomenon, while

an analysis of Kazakhstan's studies allowed for a description of the state of society and the significance of social optimism within it. Additionally, the author's own research provided insights into the role of the informational factor. As a result, the key components of social optimism were identified, which may serve as a foundation for developing measures to strengthen it.

Keywords: *social optimism, Kazakhstan's society, image of government, democratic participation, political consciousness.*

Введение

В условиях, обостряющихся в мире экономических, социальных и политических кризисов одной из опор для сохранения устойчивости государства может служить социальный оптимизм. Социальный оптимизм является частью социальных потребностей и представляет собой положительные ожидания и позитивный образ будущего, способность видеть возможности и перспективы развития.

Социальный оптимизм имеет важную роль для политической системы, так как благодаря ему в обществе укрепляется сплочённость, доверие, вера в свои силы, повышается мотивация к развитию и инновациям. В то время как отсутствие социального оптимизма может повышать напряжённость в обществе и информационную уязвимость, создавать чувство бессмысленности бытия у граждан и вести к дезориентации в будущем. Исследователи дают различное определение оптимизму, чаще всего феномен изучается в антропологии, психологии, философии и социологии, и связан с такими понятиями как «уверенность», «надежда». Основные подходы к оптимизму сформированы в основном в психологии [1]. Так, одними из представителей, которые изучали диспозиционный оптимизм [2], то есть совокупные ожидания от будущего, являются Чарльз Карвер [3] и Майкл Шейер. Они выяснили, что оптимисты имеют определённые преимущества: например, они строят сильные социальные связи и способны лучше справляться с трудностями и стрессом за счёт своей активности и адаптации. Другой вид оптимизма – атрибутивный, изучался Мартином Селигманом [4] и К. Петерсоном [5], и рассматривается как склонность к оптимизму и его саморегуляция.

Существует также и необоснованный оптимизм [6; 7] который трактуется как необъективная (нереальная) оценка политической реальности, мотивационные и когнитивные искажения в позитивную сторону, что может стать причиной формирования определённых предубеждений социальных групп, вносить искажения в восприятие, в конечном итоге влиять на выбор возможных жизненных, общественных или политических стратегий.

В социологических исследованиях под оптимизмом понимается, как правило, самочувствие [8] и удовлетворённость граждан, их социальные настроения, представления о будущем. Социологами, философами изучается также то, как оптимизм проявляется в разных социальных группах и странах, что служит его источником [9; 10]. Таким образом, исследователи используют различные показатели для того, чтобы оценить социальный оптимизм. Например: эмоциональный настрой, вера в завтрашний день, позитивные ожидания и позитивное отношение к переменам, социальное самочувствие,

удовлетворенность социальной инфраструктурой и социальным окружением, удовлетворенность властью и др. [11].

Как социальные ожидания могут меняться с течением обстоятельств, времени, под влиянием социальных взаимодействий, так же и оптимизм может распространяться через социальные связи, влиять на политическое поведение и иметь особенности в зависимости от географического разделения. Это можно предполагать исходя из работ, посвященных социальным коммуникациям и феноменам, связанным с самоощущением граждан, например таким как счастье [12].

Исследования показывают, что фундаментом социального оптимизма выступает доверие к политическим институтам, и именно доверие к институтам власти позволяет гражданам быть более уверенными, в особенности, в том, что государство справится с возможными трудностями. Таким образом, оптимизм в социально-политическом контексте содержит позитивный настрой граждан по поводу будущего, их представления и ожидания от политического процесса и институтов власти, поэтому политика государств как правило апеллирует к перспективам и прогнозам будущего.

Проблема снижения уровня оптимизма может касаться как развивающихся стран, так и развитых, что говорит о мировой тенденции снижения уровня оптимизма. Например, согласно опросу Edelman Trust Barometer [13] за 2024 год, доверие к власти и мировым державам практически повсеместно снижается. Низкий уровень оптимизма может вести к негативным последствиям для развития государства: эмиграция, в том числе «утечка мозгов», важных специалистов и молодежи.

Поэтому следует обратить внимание на работы, посвященные также общественному пессимизму и его последствиям, влиянию на снижение легитимности институтов власти [14]. Как правило пессимизм изучается в контексте социально-экономического восприятия граждан, но может быть связан и с идеологическим фактором [15].

Стивен Коулман [16] пишет о кризисе демократии, заключающемся в том, что власть не всегда склонна представлять интересы большинства граждан, а также в том, что «правительства не знают, как слушать людей» и выстраивать коммуникацию «совместного управления». В том числе большое значение в кризисе демократии играет недоверие к власти, так как оно является демотивирующим фактором, не позволяет гражданам полноценно участвовать в управлении.

В этой связи важны вопросы понимания гражданами своей роли в регулировании и влиянии на социально-политическую реальность, другими словами, определение их «локуса контроля». Поэтому в политическом ключе оптимизм связывают с политическим развитием и участием, например во многих научных работах представлена роль оптимизма в развитии демократии [17], или изучаются выборы как голосование за перспективы будущего и политического участия [18], оптимизм как часть или свойство политической культуры и ценностей общества [19; 20], зависимость оптимизма от факторов политического доверия [21; 22], и обусловленность факторами социального капитала [23] и т.д.

Т.А. Нестик [24] подчеркивает, что оптимизм может выступать как защитной функцией в кризисный период, так и инструментальной, которая по-

зволяет реализовывать цели, объединяться в группы интересов. Среди факторов, снижающих оптимизм и усиливающих пессимизм, Т.А. Нестик выделяет экономические проблемы и социальное неравенство, а также проблемы, которые вызывают высокие риски и необратимые последствия (такие как климатические); также не готовность к технологическому развитию, в том числе с точки зрения гуманитарной сферы и прав [25].

Обобщая вышесказанное, можно прийти к выводу, что с одной стороны, социальный оптимизм обусловлен сформированной политической и экономической средой, с другой стороны социальный оптимизм может включать в себя также навыки и компетенции, которые позволяют гражданам вносить вклад в развитие государства, строить социальные и политические связи, и принимать участие в изменении условий жизни. То есть, оптимизм представляет собой ещё и образ мышления социума, его восприятие политики [26], а как подчеркивает Энтони Сэлтон, политика в современных государствах должна строиться на 4 принципах доброты, доверия, оптимизма и проактивности. Поэтому зачастую для повышения оптимизма обществу необходимо социальное доказательство, которое могло бы повлиять на коллективное восприятие. Безусловно, большую роль здесь играет этичное использование социального доказательства, то есть, представление такого доказательства, которое способствовало бы ожиданию положительного результата, при этом было бы не манипулятивным, а реальным и эффективным на практике.

Методы исследования

В статье представлен один из аспектов исследования по восприятию образа власти казахстанцами в рамках научного проекта грантового финансирования молодых ученых «Жас ғалым» на 2024-2026 годы АР22684871 «Влияние СМИ на восприятие казахстанцами образа власти», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Статья опирается на изучение литературы, посвящённой социальному оптимизму; на результаты фокус-групп и интервью, полученных в ходе командировок автора в города Казахстана (Павлодар, Караганда, Актау, Туркестан, Кызылорда), а также на вторичный анализ казахстанских социологических опросов. В частности, вторичные данные применяются при оценке автором социального оптимизма, а при анализе тенденций влияния информационного фактора на социальный оптимизм используются результаты собственных данных с фокус-групповых обсуждений. В частности, гайд включал в себя вопросы по восприятию власти, интересу к политике и роли социальных сетей, а также вопросы о будущем, чтобы выявить ожидания респондентов.

Важность социального оптимизма наблюдалась автором при участии в проекте «Протестный потенциал в Казахстане: особенности, факторы и тренды», где результаты опроса 2021 года демонстрировали корреляцию между социально-экономическим положением граждан и уровнем протестности.

Также основу для дальнейшего анализа представлений граждан о будущем положило участие автора данной статьи в 2023 году в исследовании по образу будущего страны глазами граждан Казахстана, проведенном Центром региональных исследований. Полученные результаты показали, что большое количество респондентов склонно иметь надежды на будущее, при этом они могут быть как активными, так и пассивными в своих поведенческих стратегиях.

В данной статье социальный оптимизм интересен прежде всего как социальное самочувствие и удовлетворённость граждан, а также их уверенность в будущем, что может отражаться на доверии к власти. Автор придерживается мнения что экономическая ситуация выступает в качестве основы социального самочувствия и оптимизма, при этом если экономическая ситуация ухудшается, а в особенности, если это сохраняется на протяжении долгого времени, то неизбежно отразится на общественном оптимизме, что в конечном итоге сказывается на отношении к власти и политическом доверии.

Поэтому чтобы понять какой в Казахстане уровень социального оптимизма необходимо обратить внимание на такие показатели как самочувствие граждан и их удовлетворённость жизнью, то, как граждане представляют своё будущее, доверяют ли институтам власти. Оценивая данные показатели, становится возможным выявить их настрой по отношению к будущему.

Другой немаловажный аспект - информационный фактор. Недоверие граждан к власти и недовольства разными сферами жизни приводят к негативизации в информационном пространстве. В особенности, интернет и социальные сети выступают как одни из популярных способов, где население может проявлять негативную реакцию и пессимизм. Поэтому важен анализ того, как граждане воспринимают информацию и как это влияет на их состояние.

Таким образом, в данной статье проанализировано значение социального оптимизма для казахстанского общества и влияние на него информационного фактора.

Проблематика исследуемой темы проявляется в том, что при низком социальном оптимизме может возникать множество рисков: социальная апатия и усталость, «утечка мозгов» и растущая миграция, неконвенциональное поведение граждан или абсентеизм, экономическая уязвимость может провоцировать структурный раскол в обществе и конфликты, несправедливое распределение ресурсов и отсутствие экономической конкуренции могут повышать протестный потенциал и др.

При этом автор не стремится рассматривать завышенные позитивные ожидания исключительно как положительно влияющий феномен, так как «слепой» оптимизм приводит к потере возможности качественно и объективно оценивать ситуацию. Поэтому следует уточнить, что создание образа власти не должно любой ценой стремиться к получению положительных оценок от граждан, так как это может дать обратный эффект в виде подозрений в манипулировании и повышении недоверия. Скорее к эффективным стратегиям стоит отнести готовность властных органов видеть в гражданском обществе тех, кто будет способствовать результативному принятию решений и может разделить социально-политическую ответственность. Другими словами, меры должны быть направлены на повышение субъектности гражданского общества, его самодостаточности при участии в принятии решений. Таким образом, власть должна стремиться не к построению позитивного имиджа, а социальному проектированию, в том числе будущего, и усиливать механизмы того, как граждане могут видеть перспективы, совершать вклад в политику и регулировать этот процесс.

Результаты исследования и их обсуждение

Значение социального оптимизма для казахстанского общества

В Послании от 2 сентября 2024 г. Глава государства Касым-Жомарт Токаев отмечает, что «Надо с оптимизмом смотреть вперед, думать о прогрессе и развитии нашей страны», а также что «Мы должны решать стоящие перед нами задачи прагматично и последовательно, не впадая в пессимизм и апатию. От этого зависит не только благополучие народа, но и историческая судьба страны в эту непростую эпоху.» [27]. Таким образом, для казахстанцев социальный оптимизм сегодня является важной потребностью и ценностью, которая составляет основу уверенности в завтрашнем дне и стабильности, позволяет справляться с трудностями и достигать благополучия.

Базой для социального оптимизма выступает самочувствие граждан, которое во многом зависит от социально-экономического состояния. Поэтому государство всячески старается оказывать социальную поддержку населению для устойчивости при возникновении экономических трудностей. Так, более половины государственного бюджета в 2024 году было направлено на социальную сферу [28]. Был выдвинут ряд социальных инициатив, направленных на снижение социальной уязвимости граждан и повышение уровня благополучия, введены накопительные счета для детей по программе «Национальный фонд - детям», была повышена пенсия, минимальная заработная плата, студенческие стипендии, реализовывались программы занятости [29] и т.д. Стоит отметить, что в рейтинге стран по уровню социального прогресса, который анализирует социальные и экологические данные, включает потребности, основы благополучия и возможности граждан, Казахстан в 2024 году занял 63 место из 170 [30]. Оценивая экономическое состояние граждан в целом, можно обратиться к результатам исследования, проведенного КИСИ, которое показывает, что уровень дохода казахстанцев с 2001 года имеет положительную динамику [31].

Социальное самочувствие граждан и удовлетворённость жизнью. Если говорить о субъективной оценки граждан, то следует обращаться к опросам общественного мнения. Официальные данные Бюро национальной статистики демонстрируют положительный уровень удовлетворенности казахстанцев в 2024 году. Показатель удовлетворенности своей жизнью в целом составил 43,8%, в больше степени это характерно среди жителей сельской местности; что касается финансового положения, то им удовлетворены 34,8% респондентов, удовлетворены частично - 62,7%; также примечательно что 42,4% видят будущее позитивным, предполагают улучшения 33,8% [32]. Другое исследование, посвященное тому, как казахстанцы оценивают 2024 в целом, показало, что большинство имеет позитивный взгляд [33], так 66,2% респондентов провозглашают 2024 год с чувством оптимизма и хорошим настроением. Однако, как подчеркивается в результатах исследования, ожидания от следующего года по поводу будущего страны менее позитивны. Во многом это зависит от групп граждан, прежде всего от их дохода, возраста, образования. Важно, что 77,7% опрошенных считают, что Казахстан развивается в верном направлении. Таким образом, хотя в информационном пространстве может обсуждаться множество проблем, быть высказаны недовольства по поводу разных сфер, тем не менее опросы общественного мнения показывают, что граждане в целом, по большей части удовлетворены собственным положением, а также развитием страны.

Вместе с тем, опросы могут отображать то, что динамика удовлетворенности казахстанцев не всегда стабильно положительная, в разные периоды для неё характерны как повышения, так и снижения удовлетворенности жизнью,

что сказывается на самочувствии и социальном настроении граждан, а также может предупреждать о возможных кризисах. Например, после пика активности пандемии и карантинных (изоляционных) мер в 2021 г. происходило резкое снижение оценки экономического состояния - 35% респондентов оценивали экономику страны как состояние «плохое/очень плохое», также материальное положение семьи 24% («плохое/очень плохое») [34]. В результате по сравнению с 2021 годом в 2022-2023 году зафиксировано снижение удовлетворенности жизнью [35], но затем в 2024 году происходит уже постепенная стабилизация ситуации [32]. Таким образом, по опросам можно видеть, как восприимчивы населением экономические изменения, и вовремя получать сигналы о необходимости превентивных мер.

Доверие к власти. Согласно рейтингу ЦСПИ Стратегия [36], который проводится на постоянной основе, в 2023 году рейтинг одобрения деятельности Президента составил 76,4%, Парламента - 51%, Правительства - 47%. Таким образом, рейтинг оценки основных органов власти в целом, сохраняет достаточно высокий уровень, хотя стоит отметить, что в 2021 году было снижение одобрения деятельности органов власти [37], которое, по-видимому, снова восстановилось в 2023 году.

Во многих случаях на социальный оптимизм может влиять оценка политической обстановки, ведь общество склонно быть чувствительным как к общей ситуации, так и к нарастанию кризисов. Последствия пандемии, экономическая уязвимость отдельных групп населения, геополитические изменения и обострения конфликтов в мире могут повышать беспокойства граждан, поэтому перед государством стоит задача поддерживать население в период кризисов, транслировать, что они действительно могут доверять государству и справляться с трудностями совместными усилиями. Это демонстрируют разные кейсы европейских государств, где в период пандемии государственный аппарат вовремя предоставлял достоверную информацию, основанную на доказательствах, поддерживал как социально, так и информационно, повышал компетенции граждан, а также некоторым странам удавалось подключать граждан к принятию совместных решений в сложный период, что положительно повлияло на политическое доверие.

Уверенность в будущем. В 2023 году в рамках исследования «Образ будущего страны глазами граждан Казахстана» был проведён опрос, в котором участвовало 1500 респондентов от 18 лет и старше, в 17 областях и городах республиканского значения. Результаты показали, что на вопрос о том, как респонденты видят свою жизнь и жизнь своей семьи через 20 лет - 50,4% считают, что будут жить «намного лучше» и ещё 2,7% «несколько лучше», что «ничего не изменится» ответили 7,9%, «несколько хуже» и «намного хуже» - 1,6% и 11,4% затрудняются ответить. Таким образом, казахстанцы в большей степени видят собственное будущее как положительное.

На вопрос об уверенности в завтрашнем дне, 80,5% респондентов ответили «да» и «скорее да», также респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа при оценке того, на чём базируется уверенность в завтрашнем дне. Выяснилось, что больше всего уверенность основывается на вере в собственные силы и возможности (59%), поддержке со стороны членов семьи и близких людей (33,9%), надежде на лучшее и оптимистичное отношение к жизни (25%), вере во Всевышнего/Бога и духовное состояние (23,4%). То

есть, прежде всего казахстанцы рассчитывают на себя и близких людей, что отражает их самостоятельность и семейные ценности. Другие аспекты, которые по-видимому респондентами оцениваются как поддающиеся изменениям, такие как наличие стабильной работы и карьерные перспективы (14,4%), социально-экономические изменения в стране (13,6%), наличие образования и востребованной профессии (9,5%), физическое состояние и здоровый образ жизни (8,1%), устойчивое материальное положение семьи (7,5%), доверие к Президенту, власти и проводимой политике (7,3%), востребованность и возможность реализовать себя (3,1%), развитие демократии и реализация прав человека в стране (1,7%) - в качестве основы уверенности выбрали меньшее количество респондентов, однако их фактическое наличие и выбор в качестве основы уверенности в будущем является положительным, а также показывает какие направления необходимо укреплять в качестве важных при видении будущего.

Можно прийти к выводу, что казахстанцы в собственной жизни больше склонны к оптимизму и надежде, что также можно считать частью культурной особенности, которая возможно имеет исторические корни. Ведь казахстанцы проходили разные исторические периоды, в том числе неблагоприятные, кризисные, в которых сумели сформировать определённые ценности выдержки и терпения, а также стараться сохранять такие ценности как стабильность, мир, спокойствие.

Информационный фактор. Проведённые автором в рамках проекта по образу власти фокус-группы также показывают, что несмотря на наличие недовольств/жалоб разными аспектами социального развития, казахстанцы имеют надежду, в частности относительно своего будущего.

Респонденты делились своим мнение о том, какие проблемы им особенно важны и какие события их интересуют, рассказывали о том, как они получают информацию. Главными сферами, на которые стоит обратить внимание респонденты называют экономическое положение граждан и социальную политику, многих беспокоят заработные платы, доступность жилья, стоимость и качество образования и медицины. Перечисленное в первую очередь влияет на то, как граждане себя чувствуют, их уверенность в том могут ли строить дальнейшие планы на жизнь.

В вопросе доверия к институтам власти респонденты отмечали, что в большей степени доверие имеют к Президенту страны. Также участники в обсуждении подчеркивают большую ценность стабильности, мира и безопасности, это одно из основных ожиданий от будущего государства. В своём городе они как правило чувствуют себя вполне безопасно, но также не исключают различные ситуации, о которых читают/ смотрят в новостях.

Интересуются в основном респонденты теми новостями, которые касаются их лично, социальной группы к которой принадлежат они или их близкие, также они активно обсуждают новости среди друзей, родственников и знакомых, зачастую стараются высказать своё мнение в интернете, и как правило, с возрастом их интерес к политике становится выше.

«Чем старше становишься, тем больше начинаешь интересоваться тем, в какой стране живёшь. Поэтому чем старше становлюсь, тем интересней ... Интересные новости про власть если, то читаешь, заходишь, ищешь сам. Где-нибудь на неполную статью наткнулся условно, зашёл, прочитал пол-

ную, чтобы узнать про что она была, оценить.» - 26 лет, мужчина

«Каждый человек должен быть грамотным и иметь мнение о каком-то событии» - 18 лет, парень.

«Если собираемся где-то, то без темы политики не обходится. С друзьями, с родственниками ... Я комментирую (*примечание – в интернете), если это понятная мне тема, или поддерживаешь или против что-то пишешь.» - 53 года, мужчина

«В социальных сетях в основном, в Инстаграм, в Ютубе в основном, я там лайкаю каналы ... Более правдивые, интересные каналы я смотрю.» - 33 года, мужчина.

«У меня супруг всё смотрит, я от него только слышу, а так мне не до этого. Он свои эмоции, начинает вот это всё на эмоциях после ужина рассказывает. И если мне интересно я пообсуждаю, поддержу.» - 43 года, женщина.

Респонденты подчеркивают, что на сегодняшний день сильна политизация информации и контента, который они встречают в сети, поэтому многие стараются с осторожностью подходить к вопросам доверия информации.

«Если что-то и смотрю, я не могу сказать, что я кому-то доверяю, если информация кажется мне какой-то странной я перепроверяю ... Иногда я люблю почитать как люди к этому относятся, обсудить в кругу знакомых, с кем схожее к этому отношении» - девушка.

«Я в основном перепроверю сначала – правда или не правда, сейчас много же фейков. А потом перешлю может быть, чтобы люди узнали, друзья мои, чтобы может быть пообсуждать» - 40 лет, женщина.

В большинстве читают в интернете негативную информацию. Так, респонденты подчеркивают: «Да, везде всё видишь, навязывается (прим.- информация). Открываешь - оно само вылезло»; «В принципе я понимаю, что могут любую новость сделать, вплоть до того, что "мы сейчас срубили старые деревья, посадили новые, будет красиво. - А зачем вы старые срубили" и т.д.».

Некоторые из респондентов следят за мировыми событиями и для них важно знать позицию Казахстана на мировой арене.

«Целенаправленно я не ищу информацию, но, если попадается я могу почитать, посмотреть, с кем-то обсудить Смотришь, а как твоя страна к этому относится» - 23 года, девушка.

«Смотришь новостной негатив в принципе, который в мире происходит» - мужчина.

«Про военные конфликты я считаю уже почему меньше новостей стало, потому что всё равно государство как-то регулирует поток информации» - 25 лет, мужчина.

Среди опасений отмечают, что хотят прежде всего чтоб не было войны и государство не зависело от других стран, была экономическая стабильность в семье, также респондентов волнует, что многие граждане хотели бы уехать из страны за лучшей жизнью.

«Ожидания лучшей жизни, мира, чтоб нас война не коснулась. Хорошей жизни для себя все хотят»; «Определенные цели есть, пытаешься достичь, но это всё постепенно. Машину купили, теперь квартиру хочу купить. Надо собрать деньги.».

Остро волнует респондентов тема справедливости, когда они читают в

интернете заголовки, новостные сайты и посты блогеров о резонансных ситуациях и событиях, где есть несправедливость. Это говорит также об эмпатичности граждан, их небезразличию по отношению к согражданам: «Меня заставляет с кем-то поделиться чувство, если какая-то несправедливость происходит»; «где-то что-то душевно заденет – хочется написать (*примечание – прокомментировать в интернете)»; «...если за живое застрагивает, тема касается», «...если касается Казахстана, если что-то рядом творится, что нас всех коснуться может» и т.д.

Также среди запросов, которые назвали респонденты, были ответы связанные с совершенствованием работы государственного аппарата, борьбой с коррупцией, необходимостью прозрачности и повышением влияния общества на политические решения.

«Взаимное понимание властей и народа улучшит всю работу, чтобы они нас слышали, а мы их слышали» - 45 лет, женщина.

Заключение

В целом, можно наблюдать, что существует несколько общемировых тенденций. Во-первых, кризис власти, скептическое отношение к власти характерно в том числе, потому что основная ответственность за государство возлагается как правило на институты власти, поэтому недовольства властью на сегодняшний день наблюдаются во многих странах, в том числе развитых, о чём свидетельствуют примеры неконвенциональных форм политического участия. Во-вторых, средства массовой информации могут влиять на восприятие власти гражданами, в особенности это заметно при негативизации власти в медиа-пространстве. В-третьих, как правило, положительные результаты в государственном развитии достигаются постепенно, что впоследствии не всегда позволяет по достоинству их заметить и оценить, в отличии от того какой быстрый резонанс приобретают негативные события. Такие факторы могут воздействовать как на образ власти, так и на социальный оптимизм и настрой граждан.

В Послании Президента от 1 сентября 2023 года говорится: «У нас есть четкий образ будущего: мы строим Справедливый Казахстан – страну равных возможностей и прогресса. Мы создаем эффективное государство, в котором господствуют закон и порядок, культура диалога, ответственности и солидарности». Поэтому важно анализировать то, как воспринимают будущее граждане, с чем они его связывают, в чём заключается социальный оптимизм казахстанцев.

На сегодняшний день можно прийти к выводу, что казахстанцы в целом сохраняют достаточно высокий уровень оптимизма, что проявляется в удовлетворенности жизнью и социально-экономическим состоянием. Оптимизм отражает экономическую ситуацию в стране, с одной стороны, а с другой стороны показывает, что граждане могут быть адаптивными к различным условиям, сохранять надежду и позитивные ожидания от будущего.

Социальное настроение и восприятие во многом зависит от социально-экономических условий жизни граждан, но также и от других факторов, например, таких как отношение к власти, оценка её эффективности и влияние информационного фактора. Следует отметить, что зачастую, то, как население оценивает собственную жизнь и свои перспективы может отличаться

от их восприятия страны в целом, обстановки или отношения к власти. Так, граждане могут быть удовлетворены собственной жизнью, в том числе социально-экономическими условиями, но негативно оценивать обстановку в стране, или могут возникать и обратные случаи, когда респонденты имеют недостаток ниже среднего и неудовлетворённые потребности, но оценивать политическое развитие страны положительно. На это оказывает влияние также и информационное пространство, в котором находятся респонденты, СМИ и различные медиа, мнения других людей, их наблюдения и опыт.

Статья подготовлена в рамках научного проекта грантового финансирования молодых ученых «Жас галым» на 2024-2026 годы АР22684871 «Влияние СМИ на восприятие казахстанцами образа власти», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Автор статьи выражает благодарность заведующей кафедрой политологии и политических технологий «КазНУ имени аль-Фараби» Насимовой Г.О. за научное консультирование и всецелую поддержку.

Список литературы

1. Гордеева Т. О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Диагностика диспозиционного оптимизма, действительность и надежность опросника тдо-п // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. №1. С. 34-55.
2. Carver, Charles S. et al. Dispositional optimism // Trends in Cognitive Sciences, Volume 18, Issue 6, 293 – 299.
3. Charles S. Carver, Michael F. Scheier, Suzanne C. Segerstrom. Optimism // Clinical Psychology Review, Volume 30, Issue 7, 2010, P. 879-889.
4. Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни/ Перев. с англ. — М.: Издательство «София», 2006. —368 с.
5. Peterson, C., & Steen, T. A. Optimistic explanatory style. In C. R. Snyder & S. J. Lopez (Eds.), Handbook of positive psychology, 2002. pp. 244–256.
6. Neil D. Weinstein. Unrealistic Optimism About Future Life Events // November, 1980, Journal of Personality and Social Psychology 39(5):806-820
7. Harris Adam, Hahn Ulrike. Unrealistic Optimism About Future Life Events: A Cautionary Note // November, 2010, Psychological Review 118(1):135-54
8. Духина Т. Н. Социальный оптимизм и социальный пессимизм в оценке социального самочувствия сельских жителей // Аграрный вестник Северного Кавказа. 2014. №2 (14). С. 222-226.
9. Боташева Ш.Х. Роль социального оптимизма в изменении социальной стратификации общества // Современные проблемы науки и образования. - 2015. - № 1-1 <http://www.science-education.ru/121-17256> (дата обращения: 11.10.2024)
10. Муздыбаев К. Оптимизм и пессимизм личности // Социологические исследования. - 2003. - № 12. - С. 87-96.
11. Горбачева Е.И., Губина Н.К., Натробина О.В. Источники социального оптимизма: опыт межпоколенческого анализа // Современные исследования социальных проблем, 2018, Том 9, № 7. 116-139.
12. Fowler, J. H., & Christakis, N. A. Dynamic spread of happiness in a large social network: longitudinal analysis over 20 years in the Framingham Heart Study // British Medical Journal, 2008, 337, a2338.
13. Edelman Trust Barometer <https://www.edelman.com/trust/trust-barometer>

14. Eurofound. 2021. "Towards the Future of Europe: Social Factors Shaping Optimism and Pessimism Among Citizens". Publications Office of the European Union. <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2021/towards-future-europe-social-factors-shaping-optimism-and-pessimism-among>
15. Hochschild J. L. Left Pessimism and Political Science // *Perspectives on Politics*, 8(2), 2010, 435–453.
16. Коулман С. Может ли интернет укрепить демократию? / под ред. Ю. Г. Мисникова; пер. Ю. А. Кабанов, 2018. - 132 с., С.49.
17. Farrell, H., Mercier, H., & Schwartzberg, M. Analytical Democratic Theory: A Microfoundational Approach // *American Political Science Review*, 2022, 117(2), 311–329.
18. Fowler J. H. Connecting the Congress: A Study of Cosponsorship Networks // *Political Analysis*, 2006, 14(4), 456–487.
19. Welzel C. & Inglehart R. The Role of Ordinary People in Democratization // *Journal of Democracy*, 19(1), 2008, 126–140.
20. Welzel C., & Inglehart R. Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model // *Social Indicators Research*, 97(1), 2010, 43–63.
21. Norris P. *Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited* // Cambridge: Cambridge University Press, 2011, 350 p.
22. Uslaner E. M. *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 298 p.
23. Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000, 541 p.
24. Нестик Т.А. Социальный оптимизм в условиях кризиса: от защитных механизмов к постановке совместных целей // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 6-й Международной конференции (2-3 февраля 2023 г., Москва). — М.: ИПМ им. М.В.Келдыша, 2023. — С. 140-145.
25. Нестик Т.А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // СоциоДиггер. Т. 2. В. 9 (14), 2021. <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/obraz-budushchego-socialnyi-optimizm-i-dolgosrochnaja-orientacija-rossijan-socialno-psikhologicheskii-analiz>
26. Seldon A. *The Politics of Optimism*. Research note, 2012. P. 25.
27. Послание Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева от 2 сентября 2024 г. «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskij-rost-obshchestvennyu-optimizm-285014>
28. Пенсии, жилье, здоровье и образование: что изменилось в жизни казахстанцев в 2024 году/ <https://inbusiness.kz/ru/news/pensii-zhile-zdorove-i-obrazovanie-cto-izmenilos-v-zhizni-kazahstancsev-v-2024-godu>
29. Итоги года. Ключевые социальные инициативы Казахстана: улучшение качества жизни и поддержка граждан <https://inkaraganda.kz/novosti/obshhestvo/itogi-goda-kljuchevye-socialnye-iniciativy-kazahstana-uluchshenie-kachestva-zhizni-i-podderzhka-grazhdan/>
30. В рейтинге стран по уровню социального прогресса на 2024 год Казахстан занял 63-е место из 170 <https://finprom.kz/ru/article/v-rejtinge-stran-po-urovnyu-socialnogo-progressa-na-2024-god-kazahstan-zanyal-63-e-mesto-iz-170>
31. Казахстанцы: 33 года перемен. 2024. https://kisi.kz/ru/kazahstanchy-33-goda-peremen/?fbclid=IwZXh0bgNhZW0CMTEAAAR31tVp0kAX5c5Z5QHpmibv0HsxFzfGGv3-UEI2oM-Jjo32mlVkk1ok9q0_aem_CrOguUNKu2dMuotbOly4gA
32. Качество жизни населения в Республике Казахстан (2024г.) <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/publications/182458/>
33. Итоги года глазами казахстанцев: результаты социологических исследований, 2024. <https://kisi.kz/ru/itogi-goda-glazami-kazahstanchev-rezultaty-sochiologicheskikh-issledovaniy/>
34. Илеуова Г. Т., Симакова О. А. Социальное самочувствие и протестные настроения казахстанцев в преддверии январских выступлений 2022 года // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 95-106.

35. Качество жизни населения в Республике Казахстан (2023r.) <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/national-/publications/6449/>
36. Оценка населением деятельности органов власти в конце 2023 года <https://ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/864-otsenka-naseleniem-deyatelnosti-organov-vlasti-v-kontse-2023-goda>
37. Protest potential in Kazakhstan: features, factors and trends / G. Nassimova, M. Buzurtanova, O. Simakova, G. Ilevova, K. Smagulov, A. Zhunussova, Sh. Khalikova. – Almaty: Qazaq University, 2022. – 94p.

References:

1. Gordeeva T. O., Sychev O.A., Osin E.N. Diagnostika dispozitsionnogo optimizma, deistvitel'nost' i nadezhnost' oprosnika tdo-p [Diagnostics of Dispositional Optimism: Validity and Reliability of Russian Version of LOT-R] // Psikhologiya. Zhurnal VSHEH. 2021. №1. S. 34-55.
2. Carver, Charles S. et al. Dispositional optimism // Trends in Cognitive Sciences, Volume 18, Issue 6, 293 – 299.
3. Charles S. Carver, Michael F. Scheier, Suzanne C. Segerstrom. Optimism // Clinical Psychology Review, Volume 30, Issue 7, 2010, P. 879-889.
4. Seligman M. Novaya pozitivnaya psikhologiya: Nauchnyi vzglyad na schast'e i smysl zhizni [The New Positive Psychology: A Scientific Perspective on Happiness and the Meaning of Life] / Perv. s angl. — M.: Izdatel'stvo «SofiYA», 2006. —368 s.
5. Peterson, C., & Steen, T. A. Optimistic explanatory style. In C. R. Snyder & S. J. Lopez (Eds.), Handbook of positive psychology, 2002. pp. 244–256.
6. Neil D. Weinstein. Unrealistic Optimism About Future Life Events // November, 1980, Journal of Personality and Social Psychology 39(5):806-820
7. Harris Adam, Hahn Ulrike. Unrealistic Optimism About Future Life Events: A Cautionary Note // November, 2010, Psychological Review 118(1):135-54
8. Dukhina T. N. Sotsial'nyi optimizm i sotsial'nyi pessimizm v otsenke sotsial'nogo samochuvstviya sel'skikh zhitelei [Social Optimism and Social Pessimism in the Assessment of Social Well-Being of Rural Residents] // Agrarnyi vestnik Severnogo Kavkaza. 2014. №2 (14). S. 222-226.
9. Botasheva SH.KH. Rol' sotsial'nogo optimizma v izmenenii sotsial'noi stratifikatsii obshchestva [The Role of Social Optimism in Changing the Social Stratification of Society] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2015. - № 1-1 <http://www.science-education.ru/121-17256> (data obrashcheniya: 11.10.2024)
10. Muzdybaev K. Optimizm i pessimizm lichnosti [Optimism and Pessimism of Personality] // Sotsiologicheskie issledovaniya. - 2003. - № 12. - S. 87-96.
11. Gorbacheva E.I., Gubina N.K., Natrobina O.V. Istochniki sotsial'nogo optimizma: opyt mezhpokolencheskogo analiza [Sources of Social Optimism: An Intergenerational Analysis Experience] // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem, 2018, Tom 9, № 7. 116-139.
12. Fowler, J. H., & Christakis, N. A. Dynamic spread of happiness in a large social network: longitudinal analysis over 20 years in the Framingham Heart Study // British Medical Journal, 2008, 337, a2338.
13. Edelman Trust Barometer <https://www.edelman.com/trust/trust-barometer>
14. Eurofound. 2021. "Towards the Future of Europe: Social Factors Shaping Optimism and Pessimism Among Citizens". Publications Office of the European Union. <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2021/towards-future-europe-social-factors-shaping-optimism-and-pessimism-among>
15. Hochschild J. L. Left Pessimism and Political Science // Perspectives on Politics, 8(2), 2010, 435–453.
16. Koulman S. Mozhet li internet ukrepit' demokratiyu? [Can the Internet Strengthen Democracy?] / pod red. YU. G. Misnikova; per. YU. A. Kabanov, 2018. - 132 s., S.49.
17. Farrell, H., Mercier, H., & Schwartzberg, M. Analytical Democratic Theory: A Microfoundational Approach // American Political Science Review, 2022, 117(2), 311–329.
18. Fowler J. H. Connecting the Congress: A Study of Cosponsorship Networks // Political Analysis, 2006, 14(4), 456–487.

19. Welzel C. & Inglehart R. The Role of Ordinary People in Democratization // *Journal of Democracy*, 19(1), 2008, 126–140.
20. Welzel C., & Inglehart R. Agency, Values, and Well-Being: A Human Development Model // *Social Indicators Research*, 97(1), 2010, 43–63.
21. Norris P. *Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited* // Cambridge: Cambridge University Press, 2011, 350 p.
22. Uslaner E. M. *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 298 p.
23. Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000, 541 p.
24. Nestik T.A. Sotsial'nyi optimizm v usloviyakh krizisa: ot zashchitnykh mekhanizmov k postanovke sovместnykh tselei [Social Optimism in a Crisis: From Defense Mechanisms to Setting Joint Goals] // *Proektirovanie budushchego. Problemy tsifrovoi real'nosti: trudy 6-i Mezhdunarodnoi konferentsii (2-3 fevralya 2023 g., Moskva)*. — M.: IPM im. M.V.Keldysha, 2023. — S. 140-145.
25. Nestik T.A. Obraz budushchego, sotsial'nyi optimizm i dolgosrochnaya orientatsiya rossiiyan: sotsial'no-psikhologicheskii analiz [Image of the Future, Social Optimism, and Long-Term Orientation of Russians: A Socio-Psychological Analysis] // *SotsiODigger. T. 2. V. 9 (14)*, 2021. <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/obraz-budushchego-socialnyi-optimizm-i-dolgosrochnaya-orientatsiya-rossiiyan-socialno-psikhologicheskii-analiz>
26. Seldon A. *The Politics of Optimism*. Research note, 2012. P. 25.
27. Poslanie Prezidenta Kazakhstana Kasym-Zhomarta Tokaeva ot 2 sentyabrya 2024 g. «Spravedlivyi Kazakhstan: zakon i poryadok, ehkonomicheskii rost, obshchestvennyi optimizm» [President Kassym-Jomart Tokayev's State of the Nation Address "Just Kazakhstan: Law and Order, Economic Growth, Social Optimism", dated September 2, 2024] <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskii-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014>
28. Pensii, zhil'e, zdorov'e i obrazovanie: chto izmenilos' v zhizni kazakhstantsev v 2024 godu [Pensions, Housing, Health, and Education: What Has Changed in the Lives of Kazakhstanis in 2024] / <https://inbusiness.kz/ru/news/pensii-zhile-zdorove-i-obrazovanie-chto-izmenilos-v-zhizni-kazahstantsev-v-2024-godu>
29. Itogi goda. Klyucheveye sotsial'nye initsiativy Kazakhstana: uluchshenie kachestva zhizni i podderzhka grazhdan [Year in Review. Key Social Initiatives of Kazakhstan: Improving Quality of Life and Supporting Citizens] <https://inkaraganda.kz/novosti/obshchestvo/itogi-goda-kljucheveye-socialnye-initsiativy-kazahstana-uluchshenie-kachestva-zhizni-i-podderzhka-grazhdan/>
30. V reitinge stran po urovnyu sotsial'nogo progressa na 2024 god Kazakhstan zanyal 63-e mesto iz 170 [In the 2024 Social Progress Index, Kazakhstan ranked 63rd out of 170 countries] <https://finprom.kz/ru/article/v-rejtinge-stran-po-urovnyu-socialnogo-progressa-na-2024-god-kazahstan-zanyal-63-e-mesto-iz-170>
31. Kazakhstansy: 33 goda peremen. [Kazakhstanis: 33 Years of Change] 2024. https://kisi.kz/ru/kazahstanchy-33-goda-peremen/?fbclid=IwZXh0bgNhZW0CMTEAAAR31tVVp0kAX5c5Z5QHpmibv0HsxFzFGV3-UEI2oM-Jjo32mlvKk1ok9q0_aem_CrOguUNKu2dMuotbOly4gA
32. Kachestvo zhizni naseleniya v Respublike Kazakhstan [Quality of Life of the Population in the Republic of Kazakhstan] (2024g.) <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/publications/182458/>
33. Itogi goda glazami kazakhstantsev: rezul'taty sotsiologicheskikh issledovaniy [Year-End Results Through the Eyes of Kazakhstanis: Findings of Sociological Surveys], 2024. <https://kisi.kz/ru/itogi-goda-glazami-kazahstanchev-rezultaty-sochiologicheskikh-issledovaniy/>
34. Ileva G. T., Simakova O. A. Sotsial'noe samochuvstvie i protestnye nastroyeniya kazakhstantsev v preddverii yanvarskikh vystuplenii 2022 goda [Social Sentiment and Protest Moods of Kazakhstanis People on the Eve of the January 2022 Rallies] // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023. № 1. S. 95-106.
35. Kachestvo zhizni naseleniya v Respublike Kazakhstan [Quality of Life of the Population in the Republic of Kazakhstan] (2023g.) <https://stat.gov.kz/ru/>

- industries/economy/national-/publications/6449/
36. Otsenka naseleniem deyatel'nosti organov vlasti v kontse 2023 goda [Public Assessment of Government Performance at the End of 2023] <https://ofstrategy.kz/ru/research/politic-research/item/864-otsenka-naseleniem-deyatelnosti-organov-vlasti-v-kontse-2023-goda>
 37. Protest potential in Kazakhstan: features, factors and trends / G. Nassimova, M. Buzurtanova, O. Simakova, G. Ileuova, K. Smagulov, A. Zhunussova, Sh. Khalikova. – Almaty: Qazaq University, 2022. – 94p.

Материал поступил в редакцию 23.12.2024

Утвержден к публикации 20.06.2025

HOUSING ACCESSIBILITY IN KAZAKHSTAN'S AGGLOMERATIONS: ANALYZING ITS IMPACT ON SOCIAL MOBILITY AND INTEGRATION

Bibigul Byulegenova^{1*}
Aiganym Zhanatkyzy²
Maria Zerva³

^{1*}Associate Professor L.N. Gumilyov Eurasian National University, Candidate of Political Sciences; Astana, Kazakhstan, e-mail: bibigul_bb@mail.ru, ORCID ID: 0000-0001-7810-9653

²Master's Student L.N. Gumilyov Eurasian National University; Astana, Kazakhstan, e-mail: ayganim070@gmail.com, ORCID ID: 0009-0005-8935-276X

³Associate Professor University of Strasbourg, PhD; Strasbourg, France, e-mail: zervamaria44@gmail.com, ORCID ID: 0009-0002-8991-3975.

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.114.2.006>

Abstract. This study focuses on assessing housing affordability in the major agglomerations of Kazakhstan—Astana, Almaty, and Shymkent—and its impact on the social mobility of the population. The aim of the research is to analyse housing affordability and identify its role in social advancement opportunities. The main directions of the study include a quantitative analysis of data on average wages and housing costs, as well as the calculation of the Housing Affordability Index (HAI). The scientific and practical significance of the research lies in identifying significant differences in housing affordability across cities and their impact on social mobility. Specifically, housing in Astana and Almaty remains unaffordable relative to average wages, hindering social mobility, while the situation in Shymkent is somewhat different. The research methodology involves the collection and analysis of statistical data, allowing for a detailed examination of current trends in housing policy. The key findings highlight the need for a deeper analysis of housing policies and their impact on social integration. This study contributes significantly to understanding the relationship between housing affordability and social processes in Kazakhstan, which can be utilized in the development and adjustment of public policy in this area. The practical significance of the work lies in providing recommendations for improving housing policy to promote social mobility.

Keywords: *housing affordability, social mobility, urbanization, Housing Affordability Index, Kazakhstan.*

ҚАЗАҚСТАН АГЛОМЕРАЦИЯЛАРЫНДАҒЫ ТҰРҒЫН ҮЙГЕ ҚОЛЖЕТІМДІЛІК: ӘЛЕУМЕТТІК МОБИЛЬДІЛІК ПЕН ИНТЕГРАЦИЯҒА ЫҚПАЛЫН ТАЛДАУ

Бибігуль Бөлегенова^{1*}, Айғаным Жанатқызы², Мария Зерва³

^{1*}Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің қауымдастырылған профессоры, саяси ғылымдарының кандидаты; Астана, Қазақстан, e-mail: bibigul_bb@mail.ru

²Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің магистранты; Астана, Қазақстан, e-mail: ayganim070@gmail.com

³Страсбург университетінің қауымдастырылған профессоры, PhD; Страсбург, Франция, e-mail: zervamaria44@gmail.com

Аңдатпа. Бұл зерттеу Қазақстанның ірі агломерациялары – Астана, Алматы және Шымкент қалаларындағы тұрғын үйдің қолжетімділігін және оның халықтың әлеуметтік мобильділігіне әсерін бағалауға арналған. Жұмыстың мақсаты – тұрғын үйдің қолжетімділігін талдау және оның әлеуметтік өрлеу мүмкіндіктеріне әсерін анықтау. Зерттеудің негізгі бағыттары орташа жалақы мен тұрғын үй құны туралы деректерді сандық талдауды, сондай-ақ тұрғын үйдің қолжетімділік индексі (NAI) есептеуді қамтиды. Зерттеудің ғылыми және практикалық маңыздылығы әртүрлі қалалардағы тұрғын үйдің қолжетімділігі мен әлеуметтік мобильділікке әсер ететін айырмашылықтарды анықтауда жатыр. Атап айтқанда, Астана мен Алматыда тұрғын үй орташа жалақы есебінен қарағанда қолжетімсіз болып қалып отыр, бұл әлеуметтік мобильділікке кедергі келтіреді, ал Шымкентте жағдай біршама өзгеше. Зерттеу әдістемесі статистикалық деректерді жинау және талдауды қамтиды, бұл тұрғын үй саясаты саласындағы қазіргі үрдістерді егжей-тегжейлі қарастыруға мүмкіндік береді. Негізгі нәтижелер тұрғын үй саясатын және оның әлеуметтік интеграцияға әсерін тереңірек талдау қажеттілігін көрсетеді. Жүргізілген зерттеу тұрғын үйдің қолжетімділігі мен әлеуметтік процестер арасындағы байланысты түсінуге елеулі үлес қосады, бұл осы саладағы мемлекеттік саясатты әзірлеу және түзету кезінде пайдаланылуы мүмкін. Жұмыстың практикалық маңыздылығы – әлеуметтік мобильділікті қолдауға арналған тұрғын үй саясатын жетілдіру бойынша ұсыныстар беру.

Түйін сөздер: тұрғын үйдің қолжетімділігі, әлеуметтік мобильділік, урбанизация, тұрғын үйдің қолжетімділік индексі, Қазақстан.

ДОСТУПНОСТЬ ЖИЛЬЯ В АГЛОМЕРАЦИЯХ КАЗАХСТАНА: АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНУЮ МОБИЛЬНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЮ

Бибигуль Бюлегенова^{1*}, Айғаным Жанатқызы², Мария Зерва³

^{1*}Ассоциированный профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, кандидат политических наук; Астана, Казахстан, e-mail: bibigul_bb@mail.ru

²Магистрант Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева; Астана, Казахстан, e-mail: ayganim070@gmail.com

³Ассоциированный профессор Страсбургского университета, PhD;

Аннотация. Настоящее исследование посвящено оценке доступности жилья в крупнейших агломерациях Казахстана — Астане, Алматы и Шымкенте — и ее влиянию на социальную мобильность населения. Цель работы заключается в анализе доступности жилья и выявлении ее роли в возможностях социального продвижения. Основные направления исследования включают количественный анализ данных о средних заработках и стоимости жилья, а также расчет индекса доступности жилья (ИДЖ). Научная и практическая значимость работы заключается в выявлении существенных различий в доступности жилья между городами и их влияния на социальную мобильность. В частности, в Астане и Алматы жилье остается недоступным, что препятствует социальной мобильности, тогда как в Шымкенте ситуация несколько иная. Методология исследования включает сбор и анализ статистических данных, что позволяет детально рассмотреть текущие тенденции в области жилищной политики. Основные результаты показывают необходимость более глубокого анализа политики в области жилья и ее влияния на социальную интеграцию. Проведенное исследование вносит значительный вклад в понимание взаимосвязи между доступностью жилья и социальными процессами в Казахстане, что может быть использовано при разработке и корректировке государственной политики в этой области. Практическое значение работы заключается в предоставлении рекомендаций по улучшению жилищной политики для содействия социальной мобильности.

Ключевые слова: доступность жилья, социальная мобильность, урбанизация, индекс доступности жилья, Казахстан.

Introduction

Urbanization has been a key driver of social and economic development for centuries, with cities serving as hubs for political, economic, commercial, cultural, and scientific life. As the world continues to urbanize, the proportion of people living in cities has dramatically increased. According to the United Nations, the global urban population grew from approximately 30% in the mid-20th century to 55% in 2018, and it is expected to reach 68% by 2050 [1]. This rapid urban growth has been a defining feature of modern civilization, shaping both the opportunities and challenges faced by urban populations. Kazakhstan, like many other countries, is experiencing a similar trend.

One of the most significant challenges that has arisen from urbanization is the issue of housing affordability. As cities expand, housing demand often outstrips supply, pushing up property prices and rents. In Kazakhstan's largest agglomerations—Astana, Almaty, and Shymkent—this issue has become particularly pronounced. Urban growth, combined with rising construction costs and stagnating wages, has made it increasingly difficult for large segments of the population to access adequate housing. Housing affordability is a key determinant of quality of life and social mobility, directly influencing individuals' ability to improve their economic standing and integrate fully into urban society.

Kazakhstan's housing market demonstrates a strong responsiveness to economic shifts. Escalating prices for construction materials, labour, and equipment have contributed to a steady increase in housing costs, while wage growth has lagged behind. This growing disparity has made home ownership increasingly unattainable

for many citizens, particularly those with lower incomes. In response, the government has launched a range of housing initiatives designed to improve access to affordable homes for targeted groups. Nevertheless, the overall impact and efficiency of these programs remain uncertain, warranting further investigation.

This research focuses on assessing housing affordability in Kazakhstan's three major metropolitan areas: Astana, Almaty, and Shymkent. More precisely, it aims to examine the connection between affordable housing options and the capacity for social advancement, analyzing how the availability of budget-friendly homes affects people's chances of improving their economic and social standing. The study will also investigate the economic factors that determine housing affordability, such as average wages and construction costs, and explore the implications of these factors on social integration and economic advancement.

The objectives of the study include:

1. Analysing the trends in housing costs and wages over time.
2. Evaluating the housing affordability index for Astana, Almaty, and Shymkent.
3. Investigating how access to affordable housing influences opportunities for social advancement, focusing on how housing access influences the socio-economic opportunities available to urban populations.

The main research question is: How does housing affordability affect social mobility in Kazakhstan's urban agglomerations, and what are the underlying economic factors contributing to the housing affordability crisis?

The hypothesis guiding this research is that higher housing costs relative to wages limit social mobility and contribute to socio-economic stratification in Kazakhstan's largest cities. The study will utilize quantitative analysis, including the calculation of housing affordability indices, as well as the analysis of socio-economic data from government reports and surveys.

This research aims to provide valuable insights into the current state of the housing market in Kazakhstan, with a focus on its implications for social mobility. The findings of this study are expected to contribute to the development of more effective housing policies that can help ensure equitable access to affordable housing, promoting greater social integration and economic advancement for all citizens.

Literature review

The process of urbanization throughout history has demonstrated a steady trend of urban population growth. At the beginning of the 19th century, only 3% of the world's population lived in cities [1]. By the beginning of the 20th century, this figure had increased to 15%, and in the 21st century it reached about 47%. This trend is expected to continue, and by 2050 the number of urban residents may reach 6.3 billion [2].

This is a long-term phenomenon, which, according to Berry, was accompanied by the processes of industrialization, which were most clearly manifested in the countries of Western Europe and North America [3]. Later, this phenomenon spread to other regions of the world, where there was a "demographic explosion" and an "urban boom", also known as the "urban revolution" of the 1950s and 1970s. In Latin America and Southeast Asia, urbanization began with the emergence of colonial cities, which preceded industrialization. This led to a faster process of

urbanization compared to industrialization, which in turn caused unemployment and the formation of slums in urban areas. Consequently, in these regions, urbanization occurred not only as a result of industrialization, but also as a direct consequence of changes in social and economic structures.

During the period of the urban boom, the Southeast Asian vector in global urbanization has been strengthening. This phenomenon is connected not only with the well-known phenomenon of post-war Japan, but also with the increase in the urban population in the second half of the 20th century in China, India and other countries of East and South Asia. Between 1970 and 1990, the region experienced rapid growth of large urban agglomerations with a population of over 5 million people.

Basic Concepts of Urbanization

There are several key concepts of urbanization, each of which focuses on certain aspects of this process. The first concept is “urbanization of the population”. Within the framework of this theory, urbanization is defined as the process of transformation of the rural population into an urban one or, more broadly, as a transition from an agricultural lifestyle to a non-agricultural one. According to some scientists, such as H. Eldridge, the main point of urbanization is to concentrate the population in cities [4]. In turn, Clarke argues that urbanization is a process of reducing the number of people in the agricultural sector and increasing the number in the industrial and service sectors of the economy. In addition to this concept, spatial urbanization focuses on changes in the socio-economic structure, where the urbanization process is an interdependence of various factors, including population size and infrastructure development [5].

The second concept is “spatial urbanization”. Proponents of this view argue that urbanization is a dynamic process involving the transformation of many factors such as population size, economic structure, management methods, and living conditions. Urbanization in this context is understood as the interaction and interdependence of various elements that gradually change, leading to the overall development of the territory. Japanese sociologist Eiichi Isomura, dividing urbanization into several stages, identifies the dynamic process, the transformation of the social structure and the development of thoughts and feelings as key elements of the urbanization process [6].

The third concept is “rural urbanization”. According to this theory, urbanization is seen as a natural process of transition from a traditional, backward rural society to a modern, developing urban one. L. Wirth in his research emphasizes that urbanization includes qualitative changes that occur with the rural lifestyle, turning it into an urban one [7]. This concept can be called an abstract theory that combines various aspects of urbanization in one approach.

Modern research on urbanization is also related to the concept of “modernization”. According to S. Huntington, the modernization of nations presupposes a transition from agriculture to a modern society, and urbanization serves as an indicator of this transformation. He argues that urban development is an indicator of the scale of modernization, and the city itself is becoming a new centre of economic activity, education and cultural change. It also creates fundamental differences between the city and the countryside, which highlights the need to move from a traditional

society to a modern urbanized one [8].

Marshall asserts that “traditional agricultural society could not effectively provide for this,” suggesting that urbanization and housing accessibility are crucial for social mobility, which enables a smooth transition from one concept to another. He argues that urbanization contributes to the creation of a new cultural and consumer space that gives everyone the opportunity to choose and fulfil their needs within the framework of multidimensional values. Unlike a traditional rural society, urbanization makes it possible to more effectively meet the social and cultural needs of the population [9].

Thus, urbanization is a multifaceted process that affects various spheres of society, including economic, social and cultural aspects. It is important to emphasize that housing affordability and social mobility are closely related to urbanization processes, which makes it possible to make a smooth transition from a theoretical understanding of urbanization to an analysis of the impact of these processes on public relations and social mobility. Consequently, social mobility, as one of the consequences of urbanization, exacerbates the need to analyse housing affordability, as it affects the possibilities of movement within the social and economic structure of society.

Housing affordability is an important topic in urban studies and is closely related to the ratio of household income to housing costs [10]. Ndubueze defines housing affordability as the ability to own a home [11]. Meanwhile, various researchers offer their own interpretations of the relationship between housing costs and income levels. For example, in the United States, housing costs are set to be no more than 30% of income, whereas in Canada, a range of 20% to 25% of household income is used for these purposes [12]. In his work, Ndubueze proposed a concept of housing affordability that includes three key aspects:

1. Affordability for housing purchase: This aspect of affordability concerns the possibility of obtaining sufficient credit to purchase a home. The most important barriers to housing acquisition, as noted by Ndubueze, include difficulties in obtaining a mortgage loan, the ability to pay the initial payment, as well as the cost of housing maintenance [11]. Particular attention is paid to the borrower’s financial stability, where three aspects that affect housing affordability are identified: housing price, household income, and mortgage interest rates. Additionally, according to Yates, the affordability of housing purchase depends on the level of real estate prices and loan rates, as these factors significantly affect the total cost of mortgage financing [13].

2. The availability of mortgage repayment: This aspect of affordability is related to the household’s ability to cope with the burden of paying off a mortgage loan. According to a study by Yates, a household can cope with paying off a mortgage if it is able to pay off the loan by deducting other mandatory expenses not related to housing [13]. It is important that mortgage payments do not create additional financial burdens on the household, which will ensure financial stability and security for homeowners. In some countries, such as Malaysia, property owners also face other mandatory costs such as land tax, property tax, and property management fees, which are regulated by relevant laws such as the National Land Code of 1965 and the Local Government Act of 1976.

3. Income-based accessibility: Income-based housing affordability implies a household’s ability to purchase housing, which depends on the ratio of house price

to median annual income. This indicator directly affects the type of housing that a household can afford, as well as its ability to purchase or rent real estate. When the ratio of housing price to household income is high, the possibility of home ownership decreases significantly.

There is also a clear link between housing affordability and social mobility. Social mobility can manifest itself in both positive and negative forms and encompasses both horizontal and vertical mobility. Horizontal mobility means moving or transitioning from one social group to another at the same level, while vertical mobility describes the transition from one social level or stratum to another. These processes are also related to housing affordability, as improving housing conditions can contribute to social advancement and increase the opportunity to move to a higher social and economic level.

The rapid urban development in Kazakhstan has led to significant social transformations in the urban environment. Urban communities offer much more opportunities for social mobility compared to rural areas. Economic growth and technological developments often open up new opportunities in urban life. However, along with this, there are social inequalities that need to be overcome, such as discrimination based on race, gender, or ethnicity, in order to create equal opportunities for all. These changes have led to various transformations in the social structure and patterns of interactions between individuals and groups of the urban community, which are characterized by technological advances, knowledge perception, economics, socio-political sphere, culture and education in an open and dynamic society.

Ivanter notes that with the development of these processes, people's social life continues to evolve, as change and development know no boundaries in the life that surrounds people [14]. One of the key aspects associated with this transformation is the pattern of social mobility. Social mobility or social movement is the movement within the social structure or administrative model of a group. Mobility can occur among all members of society at different rates, depending on the system used by the community to shape its social life.

According to Harton and Hunt, social mobility is the transition from one social class to another. Cities are places of economic surplus, where many people earn high incomes, as they are the centres of accumulation of human wealth. Urban communities or urban societies are rich in mobility opportunities due to economic, social and cultural diversity, which creates a dynamic structure of life. However, despite these opportunities, mobility in urban communities also depends on a number of factors, such as complex social, economic, and political circumstances.

Materials and Methods

This study focused on the analysis of housing affordability in the largest agglomerations of Kazakhstan and its impact on social mobility of the population. To achieve the objectives of the study, a step-by-step plan was developed and implemented, including data collection, processing and analysis.

The research materials included statistical data on average wages, housing costs and other economic indicators in the cities of Astana, Almaty and Shymkent. The data used in this study were obtained from both governmental and independent organizations, ensuring their accuracy and relevance. The information was gathered

in quantitative form, enabling a thorough and comparative analysis.

The research methods included quantitative analysis using the Housing Affordability Index (HAI), which was calculated on the basis of the ratio of the average cost of housing to the average annual salary. The analysis identified levels of housing affordability in different agglomerations and compared them with the level of social mobility of the population.

The research question was how the level of housing affordability affects the opportunities for social mobility in the largest cities of Kazakhstan. The hypothesis of the study suggested that low housing affordability limits opportunities for social inclusion and mobility, especially in more economically developed regions.

The stages of the study included:

- Collection and systematization of data on housing costs and average wages;
- Calculation of the housing affordability index for each agglomeration;
- Comparing the results with data on social mobility and analyzing the obtained dependencies.

The findings indicate that limited housing affordability in Astana and Almaty poses a substantial barrier to social mobility and access to broader opportunities for residents. In Shymkent the situation is somewhat better, which is due to relatively lower housing prices. These findings confirm the need to revise housing policy to increase social mobility in the country.

The approaches applied and the findings achieved provide valuable insights into how housing affordability interacts with socio-economic dynamics, offering essential knowledge for developing effective government policies.

Results and Discussions

This study employed a quantitative approach to assess housing affordability in Kazakhstan's major agglomerations, including Astana, Almaty, and Shymkent. The primary objective was to analyse the relationship between housing affordability and social mobility in these cities.

This study used regional data on income and housing prices to calculate the Housing Affordability Index (HAI) for key cities. The HAI served as a metric to assess how income levels align with housing costs, offering insight into affordability and its effect on social mobility.

1. Average salary — monthly average income data was obtained from official sources such as the Bureau of Statistics of the Republic of Kazakhstan.
2. Cost of housing — information on the cost per square meter of housing was collected on the basis of real estate reports and publications that reflect the market value of housing in Astana, Almaty and Shymkent.

The following formula to measure housing affordability index is used:

$$HAI = \frac{\text{Median Home Price}}{\text{Annual Household Income}} \times 100$$

The average monthly income and the price per square meter of housing were assessed in Kazakhstani tenge (KZT). To evaluate housing affordability, the Housing Affordability Index (HAI) was used, expressed as a percentage. This index indicates the proportion of monthly income required to purchase one square meter of housing

– with a higher value signifying greater affordability.

Astana, Almaty, and Shymkent were selected as case studies due to their status as Kazakhstan’s largest urban centres. These cities not only represent the most economically developed regions but also exhibit notable disparities in income levels and housing prices. Moreover, as key hubs of urbanization and internal migration, they offer valuable insight into the dynamics of housing affordability.

A comparative analysis was conducted using the collected quantitative data to identify differences in affordability among the three cities. The HAI was calculated for each city and its year-over-year changes were examined. This methodology provides a clearer perspective on how housing affordability influences social mobility and the integration of populations within Kazakhstan’s major urban agglomerations.

Table 1. Average Salaries, Housing Costs per Square Meter, and Housing Affordability Index (HAI) in Major Cities of Kazakhstan

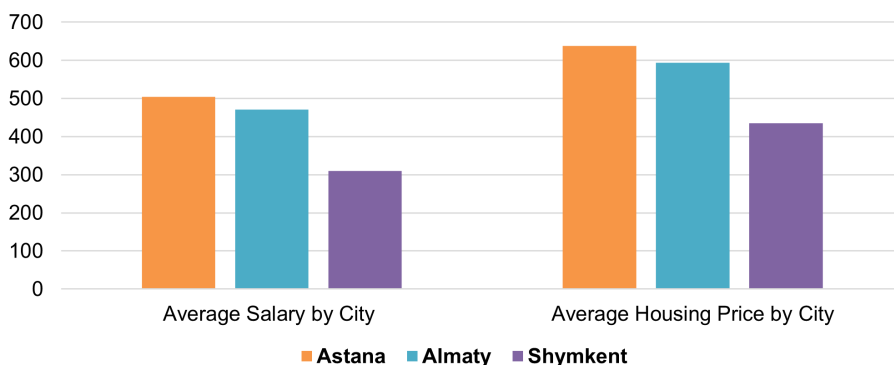
City	Average Salary (KZT)	Average Housing Cost per 1 sq. m (KZT)	Housing Affordability Index (HAI)
Astana	504,212	637,980	79.06
Almaty	471,264	593,855	79.35
Shymkent	309,733	435,005	71.20

Note: Compiled by the author based on the source (Bureau of Statistics, 2024).

Table 1 shows Almaty as well as Astana shares the same housing affordability. However, since both indices fall below the benchmark value of 100, housing remains financially inaccessible for many. This implies that the average household would need to exert considerable additional financial effort to afford a home.

The situation is different in Shymkent. The housing affordability index is significantly lower here (71.2), which indicates a greater financial strain for local residents than in Almaty and Astana. Despite the lower cost of housing, its accessibility remains problematic due to the lower average salary in Shymkent. Thus, although housing affordability in Almaty and Astana is similar, the difference with Shymkent is obvious. This confirms that housing affordability in agglomerations has a significant impact on social mobility and integration.

Figure 1. Average Salaries and Housing Prices in Kazakhstan’s Major Agglomerations

Note: Compiled by the author based on the source (Bureau of Statistics, 2024)

Figure 1 shows the ratio of average wages and housing costs in the largest agglomerations of Kazakhstan: Astana, Almaty and Shymkent. It can be seen that housing prices in Almaty and Astana are significantly higher than in Shymkent, which creates a large financial burden on local residents in these cities.

Housing affordability in Kazakhstan's agglomerations such as Astana, Almaty and Shymkent is an important factor determining opportunities for social mobility and integration of the population. In the cities studied, the indicators of the housing affordability index (HAI) vary, which has a different impact on the ability of the population to improve their living conditions and move up the social ladder.

High housing costs are one of the main barriers to social mobility in these agglomerations. In an environment where a significant portion of income is spent on renting or buying housing, low-income people have fewer resources to invest in education, professional development, and skills improvement. This limits their opportunities for career growth and, as a result, for improving their social status. In Astana and Almaty, where the cost of housing is much higher, but wages are also higher, this barrier seems to be somewhat less pronounced, but it remains a serious problem for people at the lower end of the income spectrum.

As HAI's calculations have shown, in both agglomerations — Astana and Almaty — housing affordability is still a problem for the majority of local residents. Despite the high salaries, the real opportunities for obtaining housing that meets the needs of an average family remain limited. Citizens who are unable to buy or rent housing in the city centre are forced to move to the outskirts, which reduces their access to important social and economic resources such as jobs, quality education and medical services.

This factor is especially pronounced in Shymkent. Here, lower incomes combined with the high cost of housing in the central areas of the city force people to choose more remote areas with fewer opportunities for employment and professional growth. This restricts their access to social elevators and reduces their chances of improving their living conditions.

Another important barrier to social mobility is the cost of transportation. In large cities such as Astana and Almaty, significant transportation costs make important social and economic centres such as places of work, educational institutions, and medical centres difficult for low-income people. In the case of Shymkent, despite the shorter distances, the low level of housing accessibility in the city centre also contributes to the need to use transport to reach the necessary infrastructure facilities, which further complicates social mobility.

Based on the analysis, several key problems related to housing affordability in Kazakhstan's agglomerations can be identified:

1. High cost of housing: In all three cities, the cost of housing significantly exceeds the income level of the population. This creates a serious obstacle for those who do not have sufficient funds to purchase or rent housing in the city.
2. Limited access to city centres: For low-income residents, access to housing in strategically important areas is limited, forcing them to move to more remote areas, which reduces opportunities for better living.
3. Differences in housing affordability: Although the HAI indicators

in Astana and Almaty are similar, lower index values in Shymkent indicate significant differences in the socio-economic situation of the population in different agglomerations.

As part of this study, which explored housing affordability and its influence on social mobility in Kazakhstan's major urban agglomerations, several recommendations were developed to help improve the current situation and enhance access to housing for various population groups.

- One key recommendation is the development of new affordable housing programs specifically aimed at priority social groups, including young families and households with multiple children.

- Introduce new affordable housing programme targeting certain social groups such as young families and large families, which will promote an equal access to the market for those who are most at risk;

- Introduce state-supported mortgage assistance tailored to low- and middle-income households, helping them access home ownership without excessive financial strain;

- Design and execute an integrated urban development strategy that promotes residential construction in suburban zones of major cities, easing demand in central districts and expanding access to more cost-effective housing options.

- Increase housing education among the population so that people can be more informed about buying a home and using mortgages, and be aware of government support programmes;

- Establish a platform to monitor and analyse housing prices in real time, enabling prompt action to be taken to regulate prices and encourage the construction of affordable housing in response to changing market conditions.

Conclusion

The study analysed housing affordability in three large agglomerations of Kazakhstan: Astana, Almaty and Shymkent. The study revealed a notable variation in housing affordability among Kazakhstan's megacities, which directly impacts the social mobility of residents.

In Astana and Almaty, housing remains unaffordable for most people, especially those with low incomes. This makes it difficult for them to improve their social situation, as they have to spend most of their earnings on housing, food, and transportation. It is especially difficult for young people and families with children to find suitable housing in these cities. High housing prices limit opportunities for growth and development, which also affects access to quality education and better jobs. The situation in Shymkent is somewhat different: housing prices are lower, which makes it more affordable for residents. However, in this city there are still problems with the availability of housing for some of the population, especially for those who are just starting their careers or living on low incomes.

To address challenges related to housing affordability and enhance social mobility, it is crucial to expand and strengthen support systems, adopt new regulatory tools for the housing market, and encourage greater investment in the development of affordable residential infrastructure. The recommendations presented in this research can provide a strategic framework for shaping housing policies and advancing social reform initiatives in Kazakhstan.

References

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2019). World Urbanization Prospects: The 2018 Revision (ST/ESA/SER.A/420). New York: United Nations, p. 14.
2. Chistozvonov, A. N., & Barg, M. A. (1978). Itogi istoricheskogo protsessa v Zapadnoi Evrope XIV–XV vekov [Results of the Historical Process in Western Europe in the 14th–15th Centuries]. Problemy genezisa kapitalizma, no. 13, p. 13. (In Russian)
3. Berry, B. J. L. (1973). The Human Consequences of Urbanization. New York: St. Martin Press, p. 25.
4. Eldridge, H. W. (Ed.). (1976). World Capitals: Toward Guided Urbanization. Essays in Arts and Sciences, vol. 5, no. 1, p. 78.
5. Clarke, C. G. (1974). Urbanization in the Caribbean. Geography, vol. 59, no. 3, pp. 223–232. URL: <http://www.jstor.org/stable/40568250>. (Accessed: 27.12.2024).
6. Isomura, E., & Okuda, M. (1962). Recent Trends of Urban Sociology in Japan., pp. 89–92.
7. Wirth, L. (1938). Urbanism as a Way of Life. The American Journal of Sociology, vol. 44, no. 1, pp. 1–24.
8. Huntington, S. P. (1966). The Changing Patterns of World Politics. World Politics, vol. 18, no. 3, pp. 378–414.
9. Marshall, A. (1890). Principles of Economics. London: MacMillan, pp. 65–68.
10. Kutty, N. K. (2010). A New Measure of Housing Affordability: Estimates and Analytical Results. Housing Policy Debate, vol. 21, no. 1, pp. 113–142.
11. Ndubueze, O. (2007). Measuring Housing Affordability: A Composite Approach. ENHR 2007 International Conference 'Sustainable Urban Areas', Rotterdam.
12. Linneman, P., & Megbolugbe, I. (1992). Housing Affordability: Myth or Reality? Urban Studies, vol. 29, no. 3–4, pp. 369–392.
13. Yates, J. (2008). Australia's Housing Affordability Crisis. The Australian Economic Review, vol. 41, no. 2, pp. 200–214.
14. Ivanter, V. V. (2016). Strategy of Transition to Economic Growth. Studies on Russian Economic Development, vol. 27, no. 1, pp. 1–4. URL: <https://doi.org/10.1134/s1075700716010056>. (Accessed: 06.01.2025).

Материал поступил в редакцию 24.02.2025

Утвержден к публикации 20.06.2025

МРНТИ:
06.71.02

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ГОРНО- МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Айгуль Кошербаева^{1*}

Абзал Калибаев²

^{1*}Ученый секретарь Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор экономических наук, ассоциированный профессор; Астана, Казахстан, e-mail: a.kosherbayeva@gmail.com

²Магистрант Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте РК; Астана, Казахстан, e-mail: abzal.kalibayev@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.114.2.007>

Аннотация. Статья посвящена анализу текущих тенденций развития горно-металлургического комплекса (ГМК) Республики Казахстан в контексте трансформации государственной промышленной политики. На основе статистических данных за 2021–2024 годы выявлены ключевые изменения в объёмах и структуре производства, включая рост добычи и переработки цветных металлов на фоне снижения активности в сегменте железных руд и чёрной металлургии. Авторы рассматривают влияние новой модели государственной поддержки, ориентированной на приоритетные направления - экологизацию, цифровизацию и повышение добавленной стоимости. В то же время в статье обозначены системные ограничения действующей регуляторной модели: преобладание административных методов, слабая интеграция инновационных и экологических стимулов, низкий уровень глубокой переработки и цифрового развития большинства предприятий. Сделан вывод о необходимости перехода к стимулирующему, технологически ориентированному и устойчивому регулированию отрасли для обеспечения её долгосрочной конкурентоспособности..

Ключевые слова: горно-металлургический комплекс, государственное регулирование, Казахстан, промышленность, промышленная политика, эффективность, ESG-стандарты, цифровизация.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ТАУ-КЕН МЕТАЛЛУРГИЯ КЕШЕНІНДЕГІ МЕМЛЕКЕТТІК РЕТТЕУДІҢ ТИІМДІЛІГІН АРТТЫРУ

Айгүл Көшербаева^{1*}, Абзал Қалибаев²

^{1*} ҚР Президентінің жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институтының ғалым хатшысы, экономика ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор; e-mail: a.kosherbayeva@gmail.com

² ҚР Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Ұлттық мемлекеттік саясат мектебінің магистранты; e-mail: abzal.kalibayev@gmail.com

Андапта. Мақала мемлекеттік индустриялық саясатты қайта құру контекстінде Қазақстан Республикасының тау-кен металлургиялық кешенін (ТМК) дамытудың ағымдағы тенденцияларын талдауға арналған. 2021-2024 жылдар аралығындағы статистикалық деректер негізінде өндіріс көлемі мен құрылымында негізгі өзгерістер анықталды, соның ішінде темір руда мен қара металлургия сегментіндегі белсенділіктің төмендеуі аясында түсті металдарды өндіру мен өңдеудің өсуі байқалды. Авторлар мемлекеттік қолдаудың жаңа үлгісінің экологияландыру, цифрландыру және қосылған құнды арттыру сияқты басым бағыттарға бағдарлануының ықпалын қарастырады. Сонымен бірге, мақалада қолданыстағы реттеу үлгісінің жүйелік шектеулері анықталған: әкімшілік әдістердің басымдығы, инновациялық және экологиялық ынталандырулардың әлсіз интеграциясы, кәсіпорындардың көпшілігінде терең өңдеу және цифрлық дамудың төмен деңгейі. Саланың ұзақ мерзімді бәсекеге қабілеттілігін қамтамасыз ету үшін ынталандырушы, технологияға бағытталған және тұрақты реттеуге көшу қажеттігі туралы қорытынды жасалған.

Түйін сөздер: тау-кен металлургия кешені, мемлекеттік реттеу, Қазақстан, өнеркәсіп, өнеркәсіптік саясат, тиімділік, ESG стандарттары, цифрландыру.

IMPROVING THE EFFICIENCY OF STATE REGULATION IN THE MINING AND METALLURGICAL COMPLEX OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Aigul Kosherbayeva^{1*}, Abzal Kalibayev²

^{1*}Scientific Secretary of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor; Astana, Kazakhstan, e-mail: a.kosherbayeva@gmail.com

²Master's student of the National School of Public Policy of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan; Astana, Kazakhstan, e-mail: abzal.kalibayev@gmail.com

Abstract. The article presents a detailed analysis of the implementation of next-generation qualification standards in the higher education system of Kazakhstan.

The study is based on international experience, national data, and current trends in the educational sphere. Particular attention is given to the key aspects of digital transformation in education, such as the integration of modern teaching methods, the adoption of innovative technologies, the development of digital infrastructure, and the enhancement of professional competencies of educators. The author highlights the impact of these new standards on the quality of specialist training and their alignment with the demands of the global labor market and digital economy. The challenges of adapting educational programs to the needs of a rapidly evolving technological world and the necessity of developing ICT competencies among both students and teachers are also considered. In conclusion, the article provides recommendations for further improvement of educational standards and strengthening the competitiveness of graduates on the international stage, making it valuable for practitioners and researchers in the field of education.

Keywords: *qualification standards, digital transformation, ICT competencies, labor market, higher education, international experience.*

Введение

Одним из основных компонентов устойчивого экономического развития Республики Казахстан является промышленность, в частности горно-металлургический комплекс (ГМК), который обеспечивает около 7% валового внутреннего продукта страны и формирует почти четверть (28,5%) всего промышленного производства. Более 23% экспорта Казахстана приходится на продукцию этой отрасли, а число занятых в секторе превышает 292 тысячи человек [1]. Казахстан занимает ведущие позиции в мире по запасам и добыче ключевых металлов, включая медь, хром, уран, цинк и золото, что подчеркивает стратегическую значимость ГМК для национальной экономики.

В последние годы ГМК демонстрирует устойчивый рост: по итогам января-апреля 2025 года производство стали увеличилось на 9,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, достигнув 1,41 млн тонн, а производство плоского проката выросло на 14,8% [2]. Ключевые предприятия, такие как Qarmet, перевыполнили планы по производству чугуна, стали и кокса, что положительно сказывается на общем объеме отраслевого производства и инвестиционной активности. В числе перспективных проектов - строительство завода по производству труб из чугуна с инвестициями в \$161 млн и соглашение на \$1 млрд с китайской компанией China Metallurgical Group для долгосрочного сотрудничества [3].

Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью государственного регулирования в обеспечении устойчивого развития и процветания ГМК Казахстана. В условиях глобального перехода к «зеленой» экономике и цифровизации особое значение приобретает повышение гибкости, эффективности и прозрачности механизмов государственного воздействия на отрасль.

Согласно прогнозам Министерства промышленности и строительства Республики Казахстан, в 2025 году ожидается умеренное увеличение индекса физического объема производства в металлургической отрасли на 5% и в секторе добычи металлических руд на 3,1%. Рост в металлургическом секторе

предполагается достигнуть за счет расширения добычи меди и золота, а также увеличения производства проката, ферросплавов и чугуна [1].

Дополнительным фактором, способствующим развитию отрасли, должен стать ввод в эксплуатацию новых производственных мощностей, включая предприятия ТОО «Qaragandy Power Silicon», ТОО «Kikbastuz FerroAlloys», ТОО «Shagala Mining», а также освоение месторождения Лиманное. Однако, как отмечается на правительственном уровне, прогнозируемые темпы роста ГМК остаются недостаточными для достижения целевого показателя экономического роста в 7%, что акцентирует необходимость проведения комплексной модернизации отрасли [3]. В частности, требуется технологическое обновление, внедрение цифровых решений в производственные процессы и повышение инвестиционной привлекательности сектора.

В связи с этим исследование механизмов ускоренного развития горно-металлургического комплекса приобретает особую значимость в контексте задач промышленного роста, экономической диверсификации и повышения глобальной конкурентоспособности национальной экономики.

Цель данной статьи - изучить существующие методы государственного регулирования ГМК Казахстана, выявить проблемные области и предложить рекомендации по повышению эффективности государственной политики в отрасли. Особое внимание уделяется вопросам модернизации производства, внедрению инновационных и цифровых технологий, экологической устойчивости и развитию инвестиционного потенциала, что в совокупности позволит обеспечить долгосрочное и сбалансированное развитие ГМК Казахстана в условиях глобальных экономических и экологических вызовов.

Обзор литературы

Современное состояние ГМК Казахстана характеризуется значительным потенциалом минерально-сырьевой базы и важной ролью в экономике страны, однако отрасль сталкивается с рядом системных проблем, включая технологическую отсталость, износ оборудования и низкий уровень переработки сырья [4]. В отечественной и зарубежной литературе подчёркивается необходимость комплексной модернизации предприятий и активного внедрения инновационных и цифровых технологий для повышения производительности и добавленной стоимости продукции. Особое внимание уделяется развитию кадрового потенциала, совершенствованию нормативно-правовой базы и интеграции международных стандартов как ключевым факторам повышения конкурентоспособности отрасли. Государственная поддержка, направленная на стимулирование инвестиций и развитие инфраструктуры, рассматривается как важный инструмент для устойчивого развития горно-металлургического комплекса Казахстана.

В ряде исследований [5, 6] акцентируется внимание на инновациях и цифровизации как ключевых направлениях развития горнодобывающего сектора Казахстана. Несмотря на стратегическую значимость цифровой трансформации, уровень внедрения цифровых технологий в казахстанских предприятиях остаётся недостаточным, что связано с низкой производительностью капитала, технологической отсталостью и преобладанием сырьевой ориента-

ции экономики. Основными вызовами для внедрения инноваций выступают сложность горно-геологических условий, недостаточная обработка сырья, истощение местных ресурсов, а также организационная фрагментация и ограниченные компетенции в области управления инновациями. Тем не менее, внедрение технологий Индустрии 4.0 уже привело к увеличению производительности и эффективности, а цифровизация постепенно охватывает не только производственные процессы, но и сферы геологии, экологии и промышленной безопасности. Перспективы дальнейшего развития связаны с ускоренным освоением международных стандартов, кооперацией с ведущими IT-компаниями, формированием экосистемы инноваций и развитием компетенций сотрудников в цифровой сфере.

Вопросы цифровизации и устойчивого развития отрасли активно обсуждаются и в международной литературе. Так, Nwaila и соавт. [7] анализируют современные технологии и подходы, способствующие снижению энергопотребления и минимизации экологического воздействия в добыче полезных ископаемых. Среди ключевых вызовов выделяются интеграция больших данных, искусственного интеллекта и автоматизации в процессы разведки, добычи и переработки. Особое внимание уделяется развитию цифровых платформ для оптимизации управления ресурсами и повышения устойчивости производства, а также необходимости междисциплинарного сотрудничества и внедрения международных стандартов.

Отдельное направление исследований связано с внедрением ESG-принципов в горнодобывающей и металлургической промышленности [8]. Несмотря на наличие международных и российских ESG-рейтингов, отрасль сталкивается с отсутствием единых стандартов оценки и методик, что затрудняет сравнимость и прозрачность результатов. Ведущие компании демонстрируют успешные практики интеграции ESG, включая переход на возобновляемые источники энергии, улучшение охраны труда и развитие взаимодействия с местными сообществами. Ключевыми барьерами остаются кадровый дефицит, недостаточная нормативно-правовая база и необходимость совершенствования корпоративного управления. В связи с этим предлагается поэтапный подход к реализации ESG-стратегий, включающий формирование профессиональных команд, проведение бенчмаркинговых исследований и мониторинг эффективности внедряемых мер.

В рамках глобального анализа тенденций развития горнодобывающей и металлургической отрасли, представленного в отчёте Deloitte Tracking the Trends 2025 [9], подчёркивается необходимость проведения глубоких институциональных и технологических реформ в секторе. Среди приоритетных направлений выделяется интеграция ESG-принципов в стратегическое управление компаниями, при этом акцент смещается с простого соблюдения нормативных требований на формирование долгосрочной общественной ценности и повышение устойчивости бизнес-моделей. Особое внимание уделяется цифровизации производственных процессов, включая применение аналитики больших данных, искусственного интеллекта и предиктивных моделей, что способствует значительному росту операционной эффективности. Кроме того, в отчёте отмечается важность устойчивого управления водными и

энергетическими ресурсами, а также обеспечения прозрачности и прослеживаемости цепочек поставок сырья, что приобретает особое значение на фоне растущего глобального спроса на критически важные материалы. Ключевым фактором устойчивого развития отрасли авторы называют институциональное сотрудничество между бизнесом и государственными органами, направленное на реформирование нормативной базы, ускорение процедур получения разрешений и создание стимулов для инвестиций с экологическим и социальным уклоном.

Среди других актуальных направлений исследований выделяются вопросы инвестиционной привлекательности отрасли [10], где подчеркивается, что эффективное управление инвестициями напрямую влияет на конкурентоспособность, внедрение инноваций и устойчивое развитие компаний сектора. Также отмечается значимость диверсификации, перехода к экологически чистым технологиям и совершенствования системы управления в условиях глобальных вызовов [11, 12].

Таким образом, анализ современной литературы свидетельствует о необходимости комплексного подхода к развитию горно-металлургического комплекса Казахстана, сочетающего технологические инновации, цифровизацию, внедрение ESG-принципов и совершенствование инвестиционной политики при активном взаимодействии государства, бизнеса и научного сообщества.

Мировая практика демонстрирует разнообразие подходов к регулированию ГМК. Например, в Канаде действует система обязательных соглашений с местными сообществами (Community Benefit Agreements) [13], которые обеспечивают перераспределение доходов от добычи между местными жителями и регионами. В Австралии был введен налог на сверхприбыль (MRRT), направленный на стимулирование перераспределения избыточных доходов от добычи природных ресурсов. Норвегия использует модель «суверенного фонда», который аккумулирует доходы от использования сырьевых ресурсов с целью их использования в интересах будущих поколений.

Особое внимание стоит уделить чилийской модели, которая сочетает конкурентный рынок с жёстким экологическим контролем и прозрачной политикой выдачи лицензий на добычу. Чилийская практика, в частности, предполагает обязательные экологические отчёты и внедрение инновационных технологий для уменьшения экологического воздействия [14].

Таким образом, современные научные подходы предлагают следующие направления повышения эффективности государственного регулирования ГМК в Казахстане:

- **Разработка и внедрение механизмов «умного регулирования» (smart regulation)**, основанных на цифровых технологиях, что позволит повысить прозрачность процессов и снизить административные барьеры.
- Усиление прозрачности процедур лицензирования и контроля за соблюдением экологических норм, что обеспечит повышение доверия со стороны населения и инвесторов.
- **Модернизация налогово-бюджетного механизма**, ориентированного на долгосрочную устойчивость и стимулирование инвестиций в высоко-

технологичные и экологически чистые проекты.

- **Развитие государственно-частного партнерства** в области инфраструктуры, научных исследований и технологий, что будет способствовать созданию эффективной экосистемы для инновационного развития отрасли.

- **Адаптация ESG-стандартов**, как основы экологической и социальной ответственности бизнеса, для повышения устойчивости отрасли и соответствия международным трендам.

Кроме того, в исследованиях последних лет подчёркивается важность межведомственного и межуровневого взаимодействия, а также расширение участия общественных институтов в процессе принятия решений в отрасли, что позволит улучшить социальное восприятие изменений и увеличить эффективность реализации государственной политики.

Методология исследования

Настоящее исследование опирается на смешанный методологический подход, сочетающий как качественные, так и количественные методы анализа, что позволяет комплексно оценить текущее состояние и перспективы развития ГМК Республики Казахстан в условиях усиливающейся глобальной конкуренции и технологической трансформации.

Во-первых, SWOT-анализ применён для систематической оценки внутренних сильных и слабых сторон отрасли, а также внешних возможностей и угроз. Этот инструмент позволяет определить ключевые стратегические векторы развития ГМК, выявить ограничения институционального, ресурсного и технологического характера, а также оценить потенциал дальнейшей модернизации.

Во-вторых, сравнительный анализ проведён на основе изучения институционального и технологического опыта государств с развитым горно-металлургическим сектором - в частности, Чили, Канады и Австралии. Сравнение включает аспекты государственной политики, механизмов стимулирования НИОКР, цифровизации производств и устойчивого природопользования, что позволяет определить релевантные для Казахстана модели развития и адаптационные механизмы.

В-третьих, в рамках статистического анализа используются данные Бюро национальной статистики Республики Казахстан, охватывающие следующие показатели: объем промышленного производства в отрасли, объем экспорта продукции ГМК, а также инвестиции в основной капитал. Обработка и интерпретация статистических данных направлены на выявление динамики, закономерностей и корреляций, необходимых для обоснования выводов исследования.

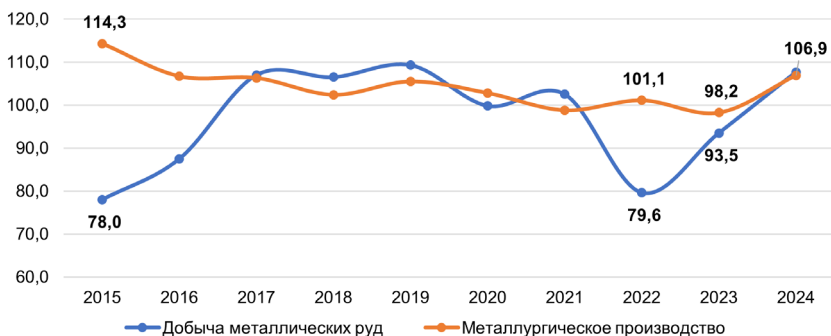
Таким образом, совокупность применяемых методологических инструментов обеспечивает целостность аналитического подхода и позволяет сформулировать обоснованные рекомендации по стратегическому развитию ГМК в контексте национальной индустриальной политики.

Анализ

Для оценки эффективности государственного регулирования в ГМК Ре-

спублики Казахстан в долгосрочной перспективе был проведен анализ индексов физического объема (ИФО) по двум ключевым направлениям: добыча металлических руд и металлургическое производство за период 2015–2024 гг.

Рисунок 1. Динамика ИФО ГМК Республики Казахстан, %

Источник: Составлено на основании данных [1]

Динамика ИФО в секторе добычи металлических руд за исследуемый период демонстрирует разнонаправленное поведение с выраженной волатильностью:

- В 2015–2017 гг. отрасль показывала уверенный рост: с 78,0 до 107,0 пунктов, что свидетельствует о положительном эффекте структурных мер, а также внешней конъюнктуры.

- Период 2018–2020 гг. характеризуется стагнацией и снижением активности. Особенно заметен спад в 2022 году — до 79,6 пункта, что может быть связано с внешнеэкономическими шоками, снижением спроса на сырье и логистическими ограничениями.

- В 2023–2024 гг. наблюдается восстановление: ИФО достиг 93,5 в 2023 г. и 107,7 в 2024 г., что указывает на возвращение к положительной траектории развития. Данный рост во многом обусловлен усилением экспортной активности, ростом мировых цен на сырьевые товары, а также государственными мерами по стимулированию горнодобывающего сектора.

ИФО в металлургическом производстве в целом демонстрирует более устойчивую динамику:

- В 2015–2019 гг. показатели находились на стабильном высоком уровне (от 102,4 до 114,3 пунктов), что отражает уверенное положение сектора на международных рынках и относительно эффективную промышленную политику.

- В 2020–2021 гг. зафиксировано замедление роста и снижение до 98,8 пунктов, что совпадает с пандемийными ограничениями, перебоями в поставках и снижением инвестиционной активности.

- В 2022–2023 гг. сохранялась неопределённость: показатели варьировались в пределах 101,1–98,2, что говорит о структурных трудностях и нестабильности внешнего спроса.

- В 2024 году наблюдается существенное улучшение: ИФО составил 106,9 пункта, что отражает восстановление спроса и, вероятно, результаты мер промышленной поддержки, включая модернизацию производств и расширение экспортных каналов.

Сопоставление двух секторов указывает на важные аспекты:

- Более высокая волатильность добычи по сравнению с металлургическим производством может указывать на чувствительность сырьевого сектора к внешнеэкономическим факторам и необходимость укрепления институциональной среды для устойчивого развития.

- Восстановление в 2024 году в обоих секторах говорит о положительном эффекте текущей промышленной политики, однако сохраняющиеся структурные риски требуют усиления координации между мерами поддержки добычи и переработки.

- Периоды снижения ИФО (особенно 2021–2023 гг.) связаны с недостаточной адаптивностью механизмов регулирования к внешним вызовам, включая геополитические изменения и трансформации глобального спроса.

Таким образом, на основе анализа можно утверждать, что эффективность государственного регулирования в ГМК Казахстана варьировалась в зависимости от этапа экономического цикла и уровня внешней конъюнктуры. Восстановление в 2024 году требует институционального закрепления через стратегические меры, направленные на снижение волатильности, поддержку инвестиций и стимулирование глубокой переработки минерального сырья внутри страны.

Согласно анализу последних данных по числу предприятий и объемам производства за 2024 год, при сравнительно небольшом количестве задействованных производств наблюдается высокая концентрация добавленной стоимости, создаваемой предприятиями ГМК.

Тем не менее, статистические данные последних лет демонстрируют значительные структурные изменения в отрасли (Таблица 1). В период с 2021 по 2024 год в металлургическом секторе наблюдается стабильное сокращение числа действующих предприятий: если в 2021 году их было 212, то к 2024 году осталось лишь 107. Похожая тенденция отмечается и в добыче железных руд - количество компаний уменьшилось с 15 до 10. Эти показатели наглядно свидетельствуют о процессах укрупнения, реорганизации и модернизации внутри отрасли.

Таблица 1. Основные показатели деятельности ГМК

Год	Число предприятий и производств				Объем производства промышленной продукции (товаров, услуг), млн. тенге			
	2021	2022	2023	2024	2021	2022	2023	2024
Промышленность	14065	2263	2435	2495	37606243	48007481	46401716	50124860
Добыча металлических руд	80	60	60	59	3370042	3419224	3786676	4479923
Добыча железных руд	15	12	12	10	976927	684298	521993	625048
Добыча руд, кроме железных	65	48	48	49	2393115	2734926	3264683	3854875
Металлургическое производство	212	91	101	107	5 662 784	9 018 844	8 177 805	9 832 382
Черная металлургия, кроме литья металлов	119	38	44	48	1651 989	3169 243	2620 559	2789 584

Производство основных благородных и цветных металлов	69	49	50	54	3995 125	5824 649	5524 497	7008 793
Литье металлов	24	4	7	5	15670	24952	32749	34005

Источник: составлено на основании [1]

Консолидация активов и укрупнение бизнеса. Одним из главных драйверов сокращения числа предприятий является активное объединение производственных мощностей под управлением крупных промышленных холдингов. Компании, такие как Eurasian Resources Group (ERG), KAZ Minerals и ArcelorMittal Temirtau¹, последовательно усиливают вертикальную интеграцию, поглощая мелкие и средние предприятия или вытесняя их с рынка. В результате уменьшается количество юридических лиц, однако объёмы производства при этом часто сохраняются или даже увеличиваются за счёт эффекта масштаба и оптимизации процессов.

Закрытие нерентабельных и устаревших производств. Значительная часть предприятий, особенно в сегментах черной металлургии и литья металлов, была вынуждена прекратить деятельность или приостановить работу. Основными причинами такого сокращения стали высокие операционные издержки, включая затраты на электроэнергию и логистику, а также использование устаревших технологий, не соответствующих современным экологическим и техническим стандартам. Дополнительным фактором выступает снижение рентабельности на фоне нестабильности мировых цен на металлопродукцию.

Ужесточение экологических и технологических требований. Переход Казахстана к устойчивому развитию и «зелёной» экономике наложил новые обязательства на горно-металлургическую отрасль. Введение более строгих экологических норм, регулирование углеродных выбросов и обязательства по снижению негативного воздействия на окружающую среду создали серьёзные вызовы для предприятий с устаревшей технологической базой. Многие из них оказались неспособны обеспечить финансирование необходимой модернизации, что привело к их выводу из эксплуатации.

Цифровизация и автоматизация производства. С 2018 года в ГКМ Казахстана активно внедряются технологии Индустрии 4.0. Автоматизированные производственные линии и цифровые системы управления способствуют повышению эффективности и снижению зависимости от ручного труда. В результате один модернизированный комбинат способен заменить несколько мелких предприятий, что также способствует сокращению общего количества производств. QazIndustry активно продвигает внедрение цифровых решений в рамках стратегии Индустрии 4.0. С 2018 по 2025 годы реализуется 192 цифровых проекта на сумму 1,7 трлн тенге, при ожидаемом экономическом эффекте более 2,2 трлн тенге.

¹ В настоящее время Qazmet

В качестве примера можно привести цифровую платформу Qollab, созданную ERG², которая помогает автоматизировать производственные процессы и повышает эффективность повседневной деятельности сотрудников.

Проект Qollab представляет собой ключевой компонент цифровой трансформации ГМК Казахстана, способствуя интеграции информационных систем, повышению прозрачности производственных процессов и стимулированию инновационного развития предприятий. Реализация данного проекта отражает стратегическую направленность отрасли на синергию технологических инноваций, эффективного управления человеческим капиталом и экологической ответственности.

В период с 2018 по 2023 гг. в рамках государственной поддержки реализовано 707 инвестиционных проектов в обрабатывающей промышленности и 58 проектов в ГМК. При этом, несмотря на то что количество проектов в ГМК составило лишь 8,2% от общего числа, их доля в общем объеме инвестиций достигла 23,4%, а в общем числе созданных постоянных рабочих мест - 19,8%. Это свидетельствует о капиталоемком характере отрасли, высокой добавленной стоимости и значительном мультипликативном эффекте от реализации одного проекта.

Прогнозные данные до 2029 года демонстрируют усиление роли ГМК в промышленной политике страны. Планируется реализация 96 проектов в ГМК (14,4% от общего числа), с общим объемом инвестиций свыше 6,78 трлн тенге, что составит уже 32,3% от всех ожидаемых капиталовложений в обрабатывающую промышленность. Также предполагается увеличение занятости: количество постоянных рабочих мест в ГМК может достичь 24 656, что составит 23,1% от общей занятости в рамках рассматриваемых проектов (таблица 2).

Таким образом, наблюдается выраженная тенденция к росту удельного веса ГМК в структуре промышленного развития Казахстана как по объему инвестиций, так и по влиянию на занятость. Это подтверждает стратегический приоритет отрасли в рамках индустриально-инновационной политики государства и необходимость дальнейшей цифровизации и технологической модернизации в целях устойчивого развития.

Таблица 2. Количество проектов, реализуемых в ГМК РК

отрасли	количество проектов		объем инвестиций, млн. тенге		кол-во постоянных рабочих мест	
	2018 - 2023 гг.	план до 2029 г.	2018 - 2023 гг.	план до 2029 г.	2018 - 2023 гг.	план до 2029 г.
обрабатывающая промышленность	707	666	5 856 913,90	21 017 051,5	63 118,0	106 604
ГМК	58	96	1 371 918,90	6 784 073,7	12 467,0	24 656

² <https://qollab.kz/>

доля проектов ГМК в общем объеме, %	8,2%	14,4%	23,4%	32,3%	19,8%	23,1%

Источник: Составлено на основании [15]

Снижение интереса со стороны частных инвесторов. Металлургия остаётся капиталоемкой и высокорискованной отраслью, требующей значительных и долгосрочных вложений. В условиях ужесточающегося регулирования и высоких барьеров для входа интерес со стороны малого и среднего бизнеса к отрасли заметно снижается. Частные инвестиции всё чаще перераспределяются в более мобильные и быстрокупаемые секторы экономики.

Таким образом, сокращение числа предприятий в горно-металлургическом комплексе Казахстана является следствием комплексного взаимодействия факторов консолидации, технологического обновления, экологических требований и изменения инвестиционного климата, что формирует новую структуру отрасли и задаёт вектор её дальнейшего развития.

ГМК Казахстана продолжает укреплять свои позиции как один из ключевых секторов национальной экономики. Статистические данные за 2021–2024 годы демонстрируют устойчивый рост объемов промышленного производства и свидетельствуют о качественных структурных изменениях внутри отрасли.

За четыре года объем промышленной продукции в Казахстане вырос с 37,6 трлн тенге в 2021 году до 50,1 трлн тенге в 2024 году, что эквивалентно росту более чем на 33% [1]. При этом ГМК стабильно формирует значительную часть этого объема, демонстрируя высокую динамику в стратегически важных направлениях - добыче и переработке металлических руд.

Добыча металлических руд увеличилась с 3,37 трлн тенге в 2021 году до 4,48 трлн тенге в 2024 году, что составляет прирост на 32,9%. При этом в отрасли наблюдаются важные структурные сдвиги:

- Добыча железных руд сократилась почти на 36% - с 977 млрд до 625 млрд тенге. Это может быть связано как с истощением ряда месторождений, так и со снижением спроса на железную руду на внешних рынках.

- Напротив, добыча цветных, благородных и редкоземельных металлов демонстрирует устойчивый рост - с 2,39 трлн до 3,85 трлн тенге (+61%). Такой результат объясняется глобальным спросом на медь, литий, золото и уран, где Казахстан занимает значимые позиции.

Металлургическое производство в целом также значительно выросло: с 5,66 трлн тенге в 2021 году до 9,83 трлн тенге в 2024 году, что составляет прирост на 73,6%. Наиболее динамично развиваются следующие направления:

- Производство цветных и благородных металлов увеличилось почти в два раза - с 4 трлн до 7 трлн тенге, подтверждая тренд на развитие экспортно-ориентированной цветной металлургии.

- Черная металлургия выросла умеренно: с 1,65 трлн до 2,79 трлн тенге, с наибольшим скачком в 2022 году. Дальнейшая динамика оказалась менее

устойчивой, что может быть связано с колебаниями мировых цен и сдержанными инвестициями в данный сегмент.

- Литье металлов, несмотря на небольшой абсолютный вклад, продемонстрировало рост более чем в два раза - с 15,6 млрд до 34 млрд тенге, что говорит о начальной стадии восстановления переработки и глубокой индустриализации.

Анализ динамики объемов промышленного производства ГМК показывает, что:

1. ГМК сохраняет высокие темпы роста, особенно в цветной металлургии и добыче редкоземельных ресурсов.

2. Производство железных руд и черной металлургии демонстрирует снижение или стагнацию, отражая глобальные тренды и внутреннюю трансформацию спроса.

3. Цветные металлы становятся главным драйвером развития, особенно на фоне глобального перехода к «зеленым» технологиям и росту спроса на аккумуляторные металлы.

4. Несмотря на провал в 2023 году (снижение объемов по металлургии почти на 9%), в 2024 году наблюдается восстановление и дальнейшее наращивание производственных мощностей.

Растущий экспортный потенциал, расширение производства стратегических металлов и модернизация инфраструктуры позволяют рассматривать ГМК как одну из наиболее перспективных отраслей экономики Казахстана. При поддержке государства и продолжении курса на цифровизацию и экологизацию, отрасль может стать ключевым звеном в глобальных цепочках поставок.

ГМК Казахстана традиционно играет ключевую роль во внешнеэкономических связях страны, обеспечивая существенную долю экспортных поступлений и демонстрируя устойчивый спрос на импортные технологические и металлоизделия. Анализ экспорта и импорта за период 2015–2024 гг. позволяет проследить как долгосрочные тренды, так и реакцию отрасли на внешние и внутренние вызовы.

На протяжении исследуемого периода экспорт ГМК демонстрировал как периоды стабильного роста, так и выраженные спады. После уверенного увеличения в 2015–2019 гг. в результате роста мировых цен на металлы, в 2020–2022 гг. произошла корректировка вниз. Так, в 2022 году экспорт металлургической продукции составил 12,4 млрд долл. США, снизившись на 9,4% по сравнению с предыдущим годом. Основными причинами стали геоэкономическая нестабильность, нарушение логистических цепочек, а также снижение спроса на традиционных рынках сбыта.

В 2023–2024 гг. экспортная активность существенно восстановилась. В 2024 году объём экспорта достиг 14,9 млрд долл. США (+18,0% к предыдущему году), что обусловлено преимущественно ростом в сегменте цветной металлургии (+23,9%). Основные экспортные позиции — медь, ферросплавы и прокат — сохраняют значительную долю в структуре экспорта. Также отмечается

изменение географии поставок: доля Китая выросла с 30,9% в 2023 г. до 36,7% в 2024 г., тогда как позиции России несколько ослабли (с 24,7% до 22,7%).

Импорт металлургической продукции за рассматриваемый период остаётся относительно стабильным, отражая как внутреннюю потребность в специфическом оборудовании, так и зависимость от иностранных поставок труб, прутков и заготовок. С 2015 по 2024 годы объём импорта колебался в пределах 3,0–3,5 млрд долл. США. В 2024 году совокупный импорт составил 3,4 млрд долл. (+0,3% к 2023 г.), что свидетельствует о процессе стабилизации после пандемийных и геополитических шоков.

Структура импорта в последние годы указывает на усиление зависимости от продукции цветной металлургии (рост с 0,51 до 0,7 млрд долл. США), при этом импорт чёрной металлургии демонстрирует постепенное снижение, что может свидетельствовать о развитии внутренних мощностей. Основные поставщики сохраняются на протяжении всего периода - Россия и Китай, с небольшой диверсификацией в сторону Европы (Италия, Германия) в 2023–2024 гг.

Таблица 3. Горно-металлургическая отрасль Республики Казахстан (2023–2024 гг.): сравнительная аналитика

Показатель	2023 год	2024 год	Динамика / Комментарий
Экспорт металлургии (всего)	12,4 млрд USD (-9,4%)	14,9 млрд USD (+18,0%)	Существенное увеличение после падения
- Цветная металлургия	8,4 млрд USD (-8,4%)	10,7 млрд USD (+23,9%)	Восстановление экспортной активности
- Черная металлургия	4,0 млрд USD (-21,8%)	4,2 млрд USD (+5,1%)	Небольшой рост после сильного падения
Основные товары экспорта	Медь (24,7%), ферросплавы (18,1%), прокат (10,5%)	Медь (25,2%), ферросплавы (15,2%), прокат (8,8%)	Структура сохраняется
Основные экспортные рынки	Китай (30,9%), Россия (24,7%), Турция, Узбекистан	Китай (36,7%), Россия (22,7%), Турция, США	Рост доли Китая
Импорт металлургии (всего)	3,4 млрд USD (+2,6%)	3,4 млрд USD (+0,3%)	Стабилизация
- Цветная металлургия	0,51 млрд USD	0,7 млрд USD	Рост
- Черная металлургия	2,9 млрд USD	2,7 млрд USD	Снижение
Основные товары импорта	Трубы, прокат, прутки	Трубы, прокат, заготовки, аноды	Незначительное изменение структуры

Основные поставщики	Россия (74,4%), Китай (10,6%), Узбекистан	Россия (74,3%), Китай (12,1%), Италия	Без существенных изменений
Объем внутреннего рынка	7,2 млрд USD	6,8 млрд USD	Небольшое сокращение
- Доля ОТП*	53,2%	49,3%	Снижение доли отечественной продукции
Региональная концентрация	Караганда (20,9%), ВКО (18,3%), Павлодар (14,6%)	Караганда (21,0%), ВКО (17,1%), Павлодар (13,3%)	Структура стабильна

*ОТП – отечественные товаропроизводители

Источник: Составлено на основании[1]

В 2024 году ГКМ Казахстана продемонстрировал значительное улучшение экспортных показателей: совокупный объем экспорта вырос на 18,0%, достигнув 14,9 млрд долларов США. Особенно заметен рост в сегменте цветной металлургии, где экспорт увеличился на 23,9%, в то время как черная металлургия показала более умеренное восстановление - на 5,1%. В структуре экспорта сохраняются приоритетные позиции меди (25,2%), ферросплавов (15,2%) и проката (8,8%). Увеличение доли Китая как основного экспортного рынка с 30,9% до 36,7% свидетельствует об укреплении внешнеторговых связей с этим стратегическим партнером.

Импорт в отрасли остался относительно стабильным и составил 3,4 млрд долларов США, при этом сохраняется высокая зависимость от поставок труб, проката и оборудования. Наблюдается незначительный рост импорта в цветной металлургии (+0,19 млрд долларов США), тогда как в черной металлургии отмечается снижение на 0,2 млрд долларов США [12]. Такая динамика может указывать на частичное замещение импортной продукции за счет развития отечественного производства.

Несмотря на положительную динамику в экспорте и производстве, внутренний рынок демонстрирует умеренное сокращение — с 7,2 до 6,8 млрд долларов США. При этом доля отечественной продукции на внутреннем рынке снизилась с 53,2% до 49,3%, что может свидетельствовать о недостаточной конкурентоспособности отечественных товаров либо усилении давления со стороны импорта. Это обстоятельство требует пристального внимания в контексте развития внутреннего производства и повышения его качества.

Региональная структура производства остается относительно стабильной, с доминированием Карагандинской области (21,0%), Восточно-Казахстанской области (17,1%) и Павлодарской области (13,3%). Такая концентрация производственных мощностей подчеркивает необходимость комплексного и дифференцированного подхода в региональной промышленной политике с учетом специфики логистики, инфраструктуры и кадрового потенциала каждого региона.

Таким образом, 2024 год можно охарактеризовать как период активного восстановления горно-металлургического комплекса Казахстана, сопровождающегося ростом объемов производства и экспорта, увеличением индекса

физического объема и частичной перестройкой внешнеэкономических связей. Вместе с тем сохраняется высокая импортозависимость и наблюдается снижение доли отечественной продукции на внутреннем рынке, что формирует ключевые направления для дальнейшей государственной поддержки и совершенствования промышленной политики.

Для комплексной оценки текущего состояния отрасли и потенциала её развития проведён SWOT-анализ, представленный в таблице 4.

Таблица 4. SWOT-анализ отрасли

Сильные стороны	Слабые стороны
Богатая ресурсная база	Износ производственных фондов
Развитая экспортная инфраструктура	Ограниченные инвестиции в НИОКР
Участие крупных игроков (ERG, Kaz Minerals)	Низкая глубина переработки сырья
Возможности	Угрозы
Индустриализация 4.0	Колебания мировых цен на металлы
Переход к ESG-стандартам	Экологическое давление и санкции
Партнерства с международными инвесторами	Геополитическая нестабильность в регионе

Источник: составлено авторами

SWOT-анализ демонстрирует, что, несмотря на наличие устойчивых базовых преимуществ, таких как ресурсная обеспеченность и интеграция в глобальные товарные цепочки, развитие отрасли сдерживается внутренними структурными проблемами и усиливающимся внешним давлением. Это обостряет необходимость институциональной трансформации системы регулирования, направленной на повышение её эффективности, технологичности и экологической ответственности.

Обсуждение

На основе проведённого SWOT-анализа нами была разработана TOWS-матрица стратегических альтернатив для ГМК Казахстана (таблица 5).

TOWS-матрица помогает не только зафиксировать текущее положение отрасли, но и выработать стратегии, направленные на усиление потенциала и преодоление рисков. В случае с ГМК Казахстана ключевыми приоритетами становятся технологическое обновление, устойчивое недропользование и институциональная модернизация государственного регулирования.

Таблица 5. SWOT-анализ отрасли

	Возможности (О): Индустриализация 4.0, Внедрение ESG-стандартов, Международные партнёрства
Сильные стороны (S) - Богатая ресурсная база; - Экспортная инфраструктура; - Присутствие крупных компаний	SO-стратегии (максимизация сильных сторон и возможностей): - Разработка экспортно-ориентированных производств с глубокой переработкой (совместно с международными партнёрами). - Использование ресурсной базы для внедрения цифровых технологий и автоматизации (на базе ERG, Kaz Minerals). - Поддержка внедрения ESG-инициатив в корпоративной стратегии ведущих игроков.
Слабые стороны (W) - Износ фондов; - Недостаточные инвестиции в НИОКР; - Низкая глубина переработки	WO-стратегии (преодоление слабых сторон за счёт возможностей): - Привлечение международных инвестиций для обновления производственных мощностей и НИОКР через партнёрские проекты. - Создание специализированных кластеров по глубокой переработке сырья (с акцентом на экспорт). - Государственные субсидии и налоговые льготы для внедрения ESG и инноваций.
Угрозы (Т) - Ценовая волатильность; - Экологическое давление; - Геополитическая нестабильность	ST-стратегии (использование сильных сторон для нейтрализации угроз): - Диверсификация рынков экспорта за счёт инфраструктурной гибкости. - Продвижение экологических инициатив как конкурентного преимущества на внешних рынках. - Повышение устойчивости через вертикальную интеграцию и локализацию цепочек поставок.
	WT-стратегии (снижение слабостей и минимизация угроз): - Институциональная реформа системы регулирования (упрощение процедур, цифровизация, повышение прозрачности). - Модернизация оборудования с ориентацией на снижение выбросов и энергоэффективность. - Создание стабилизационных фондов или страховых механизмов для минимизации риска от внешних шоков.

Источник: составлено авторами

ГМК Республики Казахстан сохраняет за собой статус одной из ключевых отраслей промышленности. Он формирует значительную часть экспортных поступлений страны, обеспечивает занятость в промышленных регионах и играет важную роль в формировании бюджетов всех уровней. В то же время,

на фоне позитивной динамики производства в отрасли всё острее проявляются институциональные и структурные проблемы, связанные с действующей моделью регулирования и поддержки ГМК.

Производственный рост и структурные сдвиги. Данные за 2021–2024 годы демонстрируют устойчивый рост промышленного производства в целом и ГМК в частности. Объём выпуска в промышленности увеличился с 37,6 до 50,1 трлн тенге. Особенно впечатляющими темпами растут объёмы в цветной металлургии: производство основных благородных и цветных металлов выросло почти в два раза, добыча руд (кроме железных) - на 61%.

На этом фоне наблюдается спад в других сегментах: количество предприятий в чёрной металлургии и добыче железных руд сокращается, производство в этих отраслях демонстрирует нестабильную динамику. Подобные изменения отражают не только рыночную конъюнктуру, но и перенастройку государственной промышленной политики, которая всё больше ориентируется на «металлы будущего» и экспортно-ориентированные технологии.

Трансформация господдержки: от широкой помощи - к прицельному стимулированию. Современная система государственной поддержки ГМК всё больше уходит от универсальных дотаций и налоговых льгот в пользу *таргетированной помощи наиболее перспективным сегментам*. Приоритет теперь отдаётся предприятиям, ориентированным на:

- переработку стратегически важных металлов (медь, литий, золото, уран);
- внедрение экологически чистых и энергоэффективных технологий;
- цифровизацию и автоматизацию производств;
- создание продукции с высокой добавленной стоимостью.

Через национальные институты, такие как QazIndustry, предоставляются субсидии на внедрение НИОКР, промышленный инжиниринг, сертификацию, внедрение ESG-стандартов. Тем самым, государство сознательно поддерживает качественное обновление отрасли - и способствует росту модернизированных, конкурентоспособных производств.

Эти инициативы охватывают ведущие предприятия ГМК, где внедряются технологии автоматизации, роботизации, анализа больших данных и интернета вещей, что способствует повышению производительности труда и конкурентоспособности отрасли. В частности, на предприятиях ТОО «Казцинк» планируется внедрение семи цифровых проектов, а в АО «Казатомпром» реализуется пилотная инициатива «Цифровой рудник», направленная на оптимизацию производственных процессов и сокращение простоев оборудования. Указанные меры опирались на государственную программу «Цифровой Казахстан» (2018–2022), которая создала институциональные и технологические предпосылки для ускоренной модернизации традиционных отраслей экономики и формирования цифровой инфраструктуры будущего. В этой связи деятельность QazIndustry следует рассматривать как системообразующий элемент государственной политики в области цифровизации промышленности,

обеспечивающий институциональную поддержку и стимулирование внедрения инновационных решений на промышленных предприятиях

Однако, несмотря на эти положительные изменения, действующая система регулирования ГМК сталкивается с рядом устойчивых проблем, тормозящих потенциал отрасли.

1. Преобладание административных подходов. В регулировании по-прежнему доминируют надзор, отчетность и лицензирование, в то время как экономические стимулы — налоговые преференции за экологизацию, субсидии за инновации, облегчённое финансирование модернизации - развиты слабо. Это снижает предпринимательскую активность и ограничивает модернизацию на уровне малого и среднего бизнеса.

2. Недостаточная интеграция экологических и инновационных приоритетов. Экологическая повестка в отрасли в значительной мере формальна: нормативы существуют, но контроль слабый, а стимулы - практически отсутствуют. То же касается и поддержки технологических разработок: НИОКР остаются на периферии государственной промышленной политики.

3. Ограниченное развитие глубокой переработки. Экспорт из ГМК всё ещё нацелен преимущественно на сырьё и полуфабрикаты. Отсутствие целенаправленных программ по стимулированию глубокой переработки (например, производства аккумуляторных компонентов, катодной меди, редкоземельных сплавов) ограничивает технологический эффект от отрасли и делает её уязвимой к сырьевым шокам на мировых рынках.

4. Цифровое отставание большинства предприятий. Несмотря на отдельные успехи крупных игроков, таких как ERG и Kaz Minerals, подавляющее большинство предприятий остаются на низком уровне цифровизации. Это негативно сказывается на управляемости производством, прозрачности экологических процессов и возможностях интеграции в глобальные цепочки поставок.

Таким образом, на фоне растущих объёмов производства и позитивных изменений в отдельных сегментах, ГМК Казахстана продолжает функционировать в условиях устаревшей и фрагментарной системы регулирования. Без комплексной модернизации этой модели отрасль рискует упустить потенциал устойчивого роста и углубления переработки.

Сегодня необходим переход от административного управления к экономически стимулирующему, экологически ответственному и технологически ориентированному регулированию. Только в этом случае ГМК сможет не просто сохранить свои текущие позиции, но и занять достойное место в индустриальной экономике будущего.

Результаты сравнительного анализа показателей государственного регулирования ГМК в Казахстане и странах с развитой ресурсной экономикой (Чили, Канада, Австралия) выявляют ряд институциональных и политико-экономических различий, указывающих на направления потенциального совершенствования национальной отраслевой политики (Таблица 6).

Таблица 6. Сравнительный анализ эффективности государственного регулирования ГМК

Критерий/ Страна	Казахстан	Чили	Канада	Австралия
Наличие специализированной стратегии ГМК	Да (элементы в промышленной политике)	Да (полноценная государственная стратегия)	Да (на уровне провинций и федерации)	Да (через федеральные программы)
Прозрачность лицензирования	средняя	высокая	высокая	высокая
Цифровизация регулирования	Ограниченная	Развития (онлайн платформы)	Развита	Высокая (автоматизация отчетности)
Использование экономических стимулов	Частично (налоговые льготы, СЭЗ)	Да (гибкая налоговая политика)	Да (инвест. кредиты, гранты)	Да (налоговые стимулы, R&D поддержка)
Внедрение ESG-стандартов	На начальном этапе	Средний уровень, обязательная отчетность	Высокий (включено в регулирование)	Высокий (часть отчетности компаний)
Экологические требования	Частично интегрированы	Жесткие, укреплены контролем	Строгие, научно-обоснованные	Высокие, контролируются агентствами
Участие местных сообществ	ограниченное	Высокое (Community agreements)	Высокое (коренные народы, лицензии)	Высокое (влияние аборигенных групп)
Уровень институционального доверия	Средний	средний	высокий	высокий
Эффективность регулирования по оценкам (EITI*, WB и др.)	средняя	высокая	высокая	высокая

**Extractive Industries Transparency Initiative (EITI)*

Источник: Составлено на основании [13, 14, 16, 17]

Во-первых, хотя Казахстан располагает элементами стратегического планирования ГМК в рамках Индустриальной политики, по сравнению с другими странами отсутствует полноформатная, специализированная стратегия развития отрасли, интегрированная с задачами устойчивого развития и инновационной трансформации. В Чили, Канаде и Австралии такие стратегии действуют либо на национальном, либо на субнациональном (провинциальном) уровне, обеспечивая более целостный подход к регулированию и стимулированию отрасли.

Во-вторых, по уровню **прозрачности лицензирования** Казахстан уступает зарубежным странам. В то время как в Чили, Канаде и Австралии процедуры лицензирования прозрачны и во многом автоматизированы, в Казахстане сохраняется субъективность в принятии решений и ограниченный доступ к информации, что снижает предсказуемость регуляторной среды.

Цифровизация регулирования в Казахстане находится на начальном уровне: отсутствуют развитые онлайн-платформы и интегрированные базы данных, что контрастирует с высоким уровнем автоматизации и цифровой отчетности в Австралии, а также с функциональными цифровыми платформами в Чили и Канаде.

По показателю **использования экономических стимулов** Казахстан применяет лишь ограниченные инструменты - преимущественно в форме налоговых льгот и специальных экономических зон (СЭЗ). Напротив, в других странах используется более широкий арсенал механизмов поддержки: инвестиционные кредиты, гранты, налоговые стимулы на НИОКР (R&D), а также поддержка проектов в сфере устойчивого развития.

Интеграция ESG-стандартов и экологических требований в Казахстане также отстаёт: эти аспекты только начинают системно внедряться, тогда как в Канаде и Австралии они институционализированы, подкреплены контролем со стороны независимых агентств и составляют часть обязательной корпоративной отчетности.

Значительным отличием является **уровень вовлеченности местных сообществ**. В Казахстане он остается ограниченным, в то время как в Чили, Канаде и Австралии действуют механизмы консультаций, соглашений с коренными народами и местными общинами, что не только укрепляет социальную лицензию на деятельность, но и снижает уровень конфликтов.

Наконец, Казахстан демонстрирует **средний или низкий уровень институционального доверия**, что коррелирует с общими оценками эффективности регулирования по международным рейтингам (EITP³ [18], Всемирный банк [19]). В странах-сравнениях данные показатели значительно выше, что обусловлено системной прозрачностью, институциональной зрелостью и устойчивыми механизмами контроля.

Заключение

ГМК Казахстана обладает высоким стратегическим потенциалом, однако требует качественно нового уровня государственного регулирования. Эффективная промышленная политика должна быть ориентирована на устойчивость, технологичность и экологическую безопасность. Переход к институциональной модели регулирования с учетом международного опыта позволит повысить конкурентоспособность отрасли и снизить зависимость от сырьевых рисков.

Проведенный анализ динамики развития ГМК Республики Казахстан в 2023–2024 гг. позволяет выделить ряд ключевых факторов, оказывающих влияние на эффективность государственного регулирования в отрасли:

³ В 2023 году Казахстан временно приостановил свое членство в Инициативе по прозрачности добывающих отраслей (EITP) из-за несвоевременной публикации отчета за 2020 год. Позднее, 28 августа 2023 года, страна опубликовала отчет за 2022 год, что позволило снять приостановку

1. Несбалансированность между экспортом и внутренним потреблением: несмотря на рост экспортных показателей, наблюдается сокращение объема внутреннего рынка и снижение доли отечественной продукции (с 53,2% до 49,3%). Это указывает на необходимость усиления мер по поддержке внутреннего спроса и стимулированию перерабатывающих производств внутри страны.

2. Импортозависимость: стабильный уровень импорта при ограниченных изменениях в структуре поставок (особенно по оборудованию, трубной и заготовительной продукции) свидетельствует о нехватке локализованных мощностей и необходимости внедрения программ технологического импортозамещения.

3. Региональная концентрация производства: устойчивое доминирование трех регионов - Карагандинской, Восточно-Казахстанской и Павлодарской областей — требует разработки дифференцированной региональной политики, направленной на диверсификацию промышленного потенциала и улучшение инфраструктурных связей.

4. Зависимость от внешней конъюнктуры: высокая доля экспорта в страны с волатильными внешнеэкономическими условиями (в первую очередь Китай и Россия) подчеркивает уязвимость сектора и важность политики диверсификации экспортных направлений.

5. Институциональные вызовы: переходные колебания ИФО, особенно в 2023 году, могут указывать на ограниченную устойчивость промышленного регулирования и необходимость повышения эффективности государственной промышленной политики через системные меры - в том числе через прогнозирование, долгосрочное планирование и улучшение механизмов поддержки инвестиционных проектов.

Таким образом, для повышения результативности государственного регулирования в ГКМ Казахстана целесообразно:

- активизировать меры по развитию внутреннего рынка и локализации производства;
- поддерживать технологическое обновление и модернизацию производств;
- разрабатывать адресные меры государственной поддержки с учетом региональной специфики;
- укреплять институты промышленной политики и совершенствовать стратегическое планирование.

Рекомендации

На основе анализа текущих проблем и сравнительного международного опыта был сформирован краткий стратегический план, направленный на трансформацию государственной политики в ГКМ Республики Казахстан.

1. Индустриальная модернизация. Целью индустриальной трансформации является отход от сырьевой экспортной зависимости в пользу произ-

водства продукции с высокой добавленной стоимостью. Для этого требуется стимулирование глубокой переработки минерального сырья, формирование экспортно-ориентированных кластеров и развитие технологического сотрудничества с международными компаниями. Это позволит не только увеличить экспортные поступления, но и снизить уязвимость отрасли к глобальной ценовой волатильности.

2. Инновации и цифровизация. Современное состояние технологической базы казахстанского ГМК характеризуется фрагментарной цифровизацией и низкими инвестициями в НИОКР. В этой связи приоритетом становится активное внедрение инструментов Индустрии 4.0 (датчики, цифровые двойники, автоматизация), развитие платформенных решений и предоставление государственных грантов и субсидий на технологическое обновление. Повышение инновационного уровня позволит отрасли повысить производительность и экологическую эффективность.

3. ESG и устойчивое развитие. В условиях роста глобальных требований к устойчивости бизнеса необходимо интегрировать ESG-принципы в практику государственного регулирования. Речь идёт о включении экологических и социальных стандартов в лицензирование, поддержке инициатив корпоративной социальной ответственности, а также о расширении участия местных сообществ в проектах через механизмы соглашений о распределении выгод (по аналогии с Community Benefit Agreements в Канаде). Это повысит как внутреннюю устойчивость, так и международную инвестиционную привлекательность казахстанского ГМК.

4. Регуляторная реформа. Для повышения прозрачности и предсказуемости регулирования необходимо внедрение принципов «умного регулирования» (smart regulation), основанных на цифровых технологиях, автоматизации процедур и аналитике данных. Важным направлением также становится развитие межведомственного взаимодействия, упрощение административных процедур и усиление институционального доверия между государством и бизнесом.

5. Управление рисками. С учётом внешних угроз - от колебаний цен на металлы до геополитических рисков - важно усилить устойчивость отрасли за счёт диверсификации экспортных направлений, создания фискальных буферов, стабилизационных фондов и внедрения страховых инструментов. Эти меры позволят снизить зависимость от внешней конъюнктуры и повысить адаптивность ГМК к глобальным вызовам.

Список литературы

1. Национальное бюро по статистике. Статистика промышленного производства. – (<https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-industrial-production/>).
2. Казахстан в январе-апреле увеличил выпуск стали на 9,1%. - Kallanish.- 2025.- (<https://www.kallanish.com/en/news/steel/market-reports/article-details/kazakhstan-ramps-up-steel-output-in-april-0525/>).
3. Вопросы развития горно-металлургического комплекса, а также реализации инвестпроектов в ЗКО и Атырауской области рассмотрели в Правительстве. – Официальный информационный ресурс Премьер-министра РК. – (<https://primeminister.kz/ru/news/voprosy-razvitiya-gorno-metallurgicheskogo-kompleksa-a-takzhe-realizatsii-investproektov-v-zko-i-atyrauskoy-oblasti-rassmotreli-v-pravitelstve-29783>).
4. Абдильдинова Н.Е. Современное состояние горно-металлургической промышленности Казахстана [Текст] / Н.Е. Абдильдинова // Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций. - 2023. - №1. – (<https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-gorno-metallurgicheskoy-promyshlennosti-kazahstana>) (дата обращения: 04.06.2025).
5. Nurgaliyeva, S., Saparaliyeva, G. Innovation and Digitalization in Kazakhstan's Mining Sector: Challenges and Prospects [Текст] / S. Nurgaliyeva, G. Saparaliyeva // ES Materials & Manufacturing. - 2024. - 24(2), 1–11. - DOI:10.30919/ee1407.
6. Kunarbekova M., Yeszhan Y., Zharylkan S., Alipuly V., Zhantikeyev U., Beisebayeva A., Kudaibergenov K., Rysbekov K., Toktarbay Z. and Azat S. Mining and metallurgical industry of the Republic of Kazakhstan: Current state and development prospects [Текст] / M. Kunarbekova, Y. Yeszhan, S. Zharylkan, V. Alipuly, U. Zhantikeyev, A. Beisebayeva, K. Kudaibergenov, K. Rysbekov, Z. Toktarbay and S. Azat // ES Materials & Manufacturing. – 2024. - 25(1). - 3–9. – (<https://doi.org/10.30919/esmm1219>).
7. Nwaila G. T., Frimmel H. E., Zhang S. E., Bourdeau J. E., Tolmay L. C. K. et al. The minerals industry in the era of digital transition: An energy-efficient and environmentally conscious approach [Текст] / G.T. Nwaila, H.E. Frimmel, S.E. Zhang, J.E. Bourdeau, L.C.K. Tolmay et al. // Resources Policy. - 2022. - Vol. 78. - ID 102851.
8. Трофимов О.В., Саакян А.Г. Внедрение концепции ESG на промышленных предприятиях Российской Федерации (на примере горнодобывающей и металлургической промышленности) [Текст] / О.В. Трофимов, А.Г. Саакян // Креативная экономика. – 2024. – Том 18. – № 11. – С. 3121–3134. doi: 10.18334/ce.18.11.122015
9. Tracking the trends 2025: Leading through transformational change in mining and metals. - Deloitte. - 2025. – (<https://www.deloitte.com/content/dam/assets-shared/docs/industries/energy-resources-industrials/2025/tracking-the-trends-2025.pdf>).
10. Машченко, М. В. Воздействие инвестиционных процессов на развитие горнодобывающих предприятий в России [Текст] / М. В. Машченко, Е. А. Волкова // Экономика, предпринимательство и право. – 2018. – Т. 8, № 2. – С. 65-72. – DOI 10.18334/epp.8.2.38800.
11. Петренко, Е. С. Анализ состояния и перспективы развития горно-металлургической отрасли Казахстана [Текст] / Е. С. Петренко, Е. А. Вечкинзова, А. К. Уразбеков // Экономические отношения. –

2019. – Т. 9, № 4. – С. 2661-2676. – DOI 10.18334/eo.9.4.41448
12. Сарычев, А. Е. Инновационные тренды развития мировой горнодобывающей отрасли: цифровизация управленческих и операционных процессов [Текст] / А. Е. Сарычев, Д. Е. Семенихин // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 8. – С. 2897-2908. – DOI 10.18334/epp.13.8.118702
 13. Wolf-Powers, L. Community Benefits Agreements and Local Government: A Review of Recent Evidence [Текст] / L. Wolf-Powers // Journal of the American Planning Association. - 2010. - 76(2). - 141–159. – (<https://doi.org/10.1080/01944360903490923>).
 14. González, H., et al. Environmental Management Strategies in the Copper Mining Industry in Chile to Address Water and Energy Challenges [Текст] / H. González, et al // Review. Mining. - 2022. - 2(2). - 197–232. – (<https://doi.org/10.3390/mining2020012>).
 15. Национальный доклад о состоянии промышленности Республики Казахстан. - Министерство промышленности и строительства Республики Казахстан. - 2024. - (https://qazindustry.gov.kz/images/docs/regdoc_ru--1736889600.pdf).
 16. Chile's mining and metals investment guide. - Ernst & Young. - 2025. - (<https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/es-cl/about-us/documents/informe-minero-2025.pdf>).
 17. Department for Energy and Mining, Government of South Australia. - Digital strategy. - 2025. – (https://www.energymining.sa.gov.au/industry/geological-survey/digital-strategy?utm_source=chatgpt.com).
 18. Board decision 2023-39: Kazakhstan's suspension lifted following publication of 2022 EITI Report. - Extractive Industries Transparency Initiative. - 2023, August 28. - (<https://eiti.org/board-decision/2023-39>).
 19. World Bank report outlines roadmap for improving the effectiveness of development finance institutions in Kazakhstan. - World Bank. - 2023, November 6. - (<https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/11/06/world-bank-report-outlines-roadmap-for-improving-the-effectiveness-of-development-finance-institutions-in-kazakhstan>).

References:

1. Nacional'noe byuro po statistike. Statistika promyshlennogo proizvodstva [National Bureau of Statistics. Industrial Production Statistics]. – (<https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-industrial-production/>).
2. Kazakhstan v yanvare-aprele uvelichil vypusk stali na 9,1% [Kazakhstan increased steel production by 9.1% in January-April]. - Kallanish. - 2025. (<https://www.kallanish.com/en/news/steel/market-reports/article-details/kazakhstan-ramps-up-steel-output-in-april-0525/>).
3. Voprosy razvitiya gorno-metallurgicheskogo kompleksa, a takzhe realizacii investproektov v ZKO i Atyrauskoj oblasti rassmotreli v Pravitel'stve [The issues of development of the mining and metallurgical complex, as well as the implementation of investment projects in the West Kazakhstan region and Atyrau region were considered in the Government]. – Oficial'nyj informacionnyj resurs Prem'er-ministra RK. – (<https://primeminister.kz/ru/news/voprosy-razvitiya-gorno-metallurgicheskogo-kompleksa-a-takzhe-realizatsii-investproektov-v-zko-i-atyrauskoy-oblasti-rassmotreli-v-pravitelstve-29783>).
4. Abdil'dinova N.E. Sovremennoe sostoyanie gorno-metallurgicheskoy promyshlennosti Kazahstana [Current state of the mining and metal-

- lurgical industry of Kazakhstan] [Text] / N.E. Abdil'dinova // *Ekonomika i upravlenie: opyt i novye resheniya v epohu transformacii*. - 2023. - №1. - (<https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-gorno-metallurgicheskoy-promyshlennosti-kazahstana>) (date of access: 04.06.2025).
5. Nurgaliyeva, S., Saparaliyeva, G. Innovation and Digitalization in Kazakhstan's Mining Sector: Challenges and Prospects [Text] / S. Nurgaliyeva, G. Saparaliyeva // *ES Materials & Manufacturing*. - 2024. - 24(2), 1–11. - DOI:10.30919/ee1407.
 6. Kunarbekova M., Yeszhan Y., Zharylkan S., Alipuly V., Zhantikejev U., Beisebayeva A., Kudaibergenov K., Rysbekov K., Toktarbay Z. and Azat S. Mining and metallurgical industry of the Republic of Kazakhstan: Current state and development prospects [Text] / M. Kunarbekova, Y. Yeszhan, S. Zharylkan, V. Alipuly, U. Zhantikejev, A. Beisebayeva, K. Kudaibergenov, K. Rysbekov, Z. Toktarbay and S. Azat // *ES Materials & Manufacturing*. - 2024. - 25(1). - 3–9. - (<https://doi.org/10.30919/esmm1219>).
 7. Nwaila G. T., Frimmel H. E., Zhang S. E., Bourdeau J. E., Tolmay L. C. K. et al. The minerals industry in the era of digital transition: An energy-efficient and environmentally conscious approach [Text] / G.T. Nwaila, H.E. Frimmel, S.E. Zhang, J.E. Bourdeau, L.C.K. Tolmay et al. // *Resources Policy*. - 2022. - Vol. 78. - ID 102851.
 8. Trofimov O.V., Saakyan A.G. Vnedrenie koncepcii ESG na promyshlennyh predpriyatiyah Rossijskoj Federacii (na primere gornodobyvayushchej i metallurgicheskoy promyshlennosti) [Implementation of the ESG concept in industrial enterprises of the Russian Federation (using the mining and metallurgical industry as an example)] [Text] / O.V. Trofimov, A.G. Saakyan // *Kreativnaya ekonomika*. - 2024. - Tom 18. - № 11. - C. 3121–3134. doi: 10.18334/ce.18.11.122015
 9. Tracking the trends 2025: Leading through transformational change in mining and metals. - Deloitte. - 2025. - (<https://www.deloitte.com/content/dam/assets-shared/docs/industries/energy-resources-industrials/2025/tracking-the-trends-2025.pdf>).
 10. Mashchenko, M. V. Vozdejstvie investicionnyh processov na razvitie gornodobyvayushchih predpriyatij v Rossii [The Impact of Investment Processes on the Development of Mining Enterprises in Russia] [Text] / M. V. Mashchenko, E. A. Volkova // *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. - 2018. - T. 8, № 2. - C. 65-72. - DOI 10.18334/epp.8.2.38800.
 11. Petrenko, E. S. Analiz sostoyaniya i perspektivy razvitiya gorno-metallurgicheskoy otrasli Kazahstana [Analysis of the state and development prospects of the mining and metallurgical industry of Kazakhstan] [Text] / E. S. Petrenko, E. A. Vechkinzova, A. K. Urazbekov // *Ekonomicheskie otnosheniya*. - 2019. - T. 9, № 4. - C. 2661-2676. - DOI 10.18334/eo.9.4.41448
 12. Carychev, A. E. Innovacionnye trendy razvitiya mirovoj gornodobyvayushchej otrasli: cifrovizaciya upravlencheskih i operacionnyh processov [Innovative trends in the development of the global mining industry: digitalization of management and operational processes] [Text] / A. E. Carychev, D. E. Semenihi // *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. - 2023. - T. 13, № 8. - C. 2897-2908. - DOI 10.18334/epp.13.8.118702
 13. Wolf-Powers, L. Community Benefits Agreements and Local Government: A Review of Recent Evidence [Text] / L. Wolf-Powers // *Journal of the American Planning Association*. - 2010. - 76(2). - 141–159. - (<https://doi.org/10.1080/01944360903490923>).
 14. González, H., et al. Environmental Management Strategies in the Copper Mining Industry in Chile to Address Water and Energy Challenges

- [Text] / H. González, et al // Review. Mining. - 2022.- 2(2). - 197–232. – (<https://doi.org/10.3390/mining2020012>).
15. Nacional'nyj doklad o sostoyanii promyshlennosti Respubliki Kazahstan [National report on the state of industry of the Republic of Kazakhstan]. - Ministerstvo promyshlennosti i stroitel'stva Respubliki Kazahstan. - 2024. - (https://qazindustry.gov.kz/images/docs//regdoc_ru--1736889600.pdf).
 16. Chile's mining and metals investment guide. - Ernst & Young. - 2025. - (<https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/es-cl/about-us/documents/informe-minero-2025.pdf>).
 17. Department for Energy and Mining, Government of South Australia. - Digital strategy. - 2025. – (https://www.energymining.sa.gov.au/industry/geological-survey/digital-strategy?utm_source=chatgpt.com).
 18. Board decision 2023-39: Kazakhstan's suspension lifted following publication of 2022 EITI Report. - Extractive Industries Transparency Initiative. - 2023, August 28. - (<https://eiti.org/board-decision/2023-39>).
 19. World Bank report outlines roadmap for improving the effectiveness of development finance institutions in Kazakhstan. - World Bank. - 2023, November 6. -(<https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2023/11/06/world-bank-report-outlines-roadmap-for-improving-the-effectiveness-of-development-finance-institutions-in-kazakhstan>).

Материал поступил в редакцию 05.06.2025
Утвержден к публикации 20.06.2025

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МИРОВЫХ ЦЕН НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ НА ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ ИНФЛЯЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Раушан Дуламбаева^{1*}
Торгын Демешева²

^{1*} Профессор Академии государственного управления при Президенте РК, доктор экономических наук, Астана, Казахстан, e-mail: r.dulambayeva@apa.kz

² Академия государственного управления при Президенте РК, магистр, Астана, Казахстан, e-mail: torgyndemesheva@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.114.2.008>

Аннотация. Продовольственная инфляция Казахстана – сложная и многофакторная проблема, одним из ключевых аспектов которой является зависимость от импортных цен. Учитывая, что значительная часть продуктов питания в республике завозится из-за рубежа, изучение влияния мировых цен на внутренний рынок продовольствия представляет собой критически важную задачу для обеспечения продовольственной безопасности и стабильности цен в стране.

В статье проведена оценка влияния мировых цен на продовольствие на продовольственную инфляцию в Республике Казахстан. Аналитическая часть исследования проводилась в два этапа с применением корреляционно-регрессионного метода и анализа временных рядов соответственно. Результаты исследования получены на основе обработки данных по временному лагу за 2000-2024 годы. Первый этап основывался на месячных данных (всего 300 наблюдений), второй этап представляет собой модели по трем временным рядам с выбором ключевых вех влияния (финансовый кризис, обвал цен на нефть, пандемия).

В результате исследования выявлено, что мировые цены на продовольствие оказывают прямое влияние на продовольственную инфляцию в стране. Также обосновано, что степень влияния мировых цен на уровень инфляции усиливается в периоды глобальной нестабильности.

Волатильность мировых цен на продовольствие обуславливает необходимость постоянного мониторинга степени их воздействия на внутренние цены и принятия обоснованных мер по сдерживанию инфляции.

Результаты данного исследования позволили сделать вывод о необходимости дифференцированного учета товаров по каналам производства: отечествен-

ного и импортного производства, и расчета импортной продовольственной инфляции путем внесения изменения в существующую методологию расчета инфляции.

Ключевые слова: продовольственная инфляция, мировые цены на продовольствие, импорт продовольствия, индексы цен, методика учета.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ АЗЫҚ-ТҮЛІК ИНФЛЯЦИЯСЫНА ӘЛЕМДІК АЗЫҚ-ТҮЛІК БАҒАЛАРЫНЫҢ ӘСЕРІН ТАЛДАУ

Раушан Дуламбаева^{1*}, Торғын Демешева²

¹Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының профессоры, экономика ғылымдарының докторы, e-mail: r.dulambayeva@apa.kz

²Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, магистр, e-mail: torgyndemesheva@gmail.com

Андатпа. Қазақстандағы азық-түлік инфляциясы – күрделі әрі көпфакторлы мәселе, оның басты себептерінің бірі – импорттық бағаларға тәуелділік. Елдегі азық-түлік өнімдерінің едәуір бөлігі шетелден әкелінетіндіктен, әлемдік бағалардың ішкі нарыққа ықпалын зерттеу азық-түлік қауіпсіздігі мен баға тұрақтылығын қамтамасыз ету үшін аса маңызды міндеттердің бірі болып табылады.

Бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы азық-түлік инфляциясына әлемдік азық-түлік бағаларының ықпалы жан-жақты қарастырылды. Зерттеу екі кезеңде жүргізілді: бірінші кезеңде корреляциялық-регрессиялық әдіс қолданылса, екінші кезеңде уақыттық қатарларды талдау әдісі пайдаланылды. Талдау нәтижелері 2000–2024 жылдар аралығындағы уақыттық деректерді өңдеу негізінде алынды. Бірінші кезеңде ай сайынғы деректер (жалпы 300 бақылау) қолданылса, екінші кезеңде үш уақыттық қатар негізінде негізгі ықпал етуші факторлар (қаржылық дағдарыс, мұнай бағасының төмендеуі, пандемия) есепке алынды.

Зерттеу барысында әлемдік азық-түлік бағаларының Қазақстандағы азық-түлік инфляциясына тікелей әсер ететіні анықталды. Сонымен қатар, жаһандық экономикалық тұрақсыздық кезеңдерінде әлемдік бағалардың инфляция деңгейіне ықпалының арта түсетіні дәлелденді.

Әлемдік азық-түлік бағаларының құбылмалылығы олардың ішкі нарыққа әсерін тұрақты түрде бақылап отыруды және инфляцияны тежеу мақсатында тиімді шараларды қабылдауды қажет етеді.

Зерттеу нәтижелері өндіріс арналары бойынша тауарларды саралап есепке алу қажеттігін көрсетеді, яғни отандық және импорттық өндірісті жеке қарастыру қажет. Сонымен қатар, импорттық азық-түлік инфляциясын дәлірек анықтау үшін қолданыстағы әдістемеге өзгерістер енгізу ұсынылады.

Түйін сөздер: азық-түлік инфляциясы, әлемдік азық-түлік бағалары, азық-түлік импорты, баға индексі, есептеу әдістемесі.

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF GLOBAL FOOD PRICES ON FOOD INFLATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Raushan Dulambayeva^{1*}, Torgyn Demesheva²

¹ Professor of Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences, e-mail: r.dulambayeva@apa.kz

² Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Master, e-mail: torgyndemesheva@gmail.com

Abstract. Food inflation in Kazakhstan is a complex and multifactorial problem, one of the key aspects of which is dependence on import prices. Considering that a significant part of food products in the republic is imported from abroad, studying the impact of world prices on the domestic food market is a critical task for ensuring food security and price stability in the country.

The article assesses the impact of world food prices on food inflation in the Republic of Kazakhstan. The analytical part of the study was carried out in two stages using the correlation-regression method and time series analysis, respectively. The results of the study were obtained on the basis of processing data on a time lag for 2000-2024. The first stage was based on monthly data (a total of 300 observations), the second stage is a model for three time series with a choice of key milestones of influence (financial crisis, collapse in oil prices, pandemic).

As a result of the study, it was revealed that world food prices have a direct impact on food inflation in the country. It is also substantiated that the degree of influence of world prices on the inflation rate increases during periods of global instability.

The volatility of world food prices necessitates constant monitoring of the degree of their influence on domestic prices and the adoption of reasonable measures to curb inflation.

The results of this study allowed us to conclude that it is necessary to differentiate the accounting of goods by production channels: domestic and imported, and to calculate imported food inflation by amending the existing methodology for calculating inflation.

Keywords: *food inflation, world food prices, food imports, price indices, accounting methodology*

Введение

Продовольственная инфляция является одной из наиболее значимых факторов, влияющих на благосостояние населения. В условиях открытой экономики Казахстана, существенно зависящей от импорта, динамика цен на продукты питания определяется сложным переплетением внутренних и внешних факторов.

Колебания цен на мировом рынке зерновых, масла, сахара и других продуктов напрямую отражаются на стоимости импортируемых товаров в Казахстане. Повышение мировых цен неизбежно ведет к росту цен на

внутреннем рынке. Девальвация тенге по отношению к валютам основных торговых партнеров значительно увеличивает стоимость импорта, что является одним из ключевых факторов, подталкивающих инфляцию вверх. Политическая нестабильность в основных экспортных странах, природные катаклизмы и другие форс-мажорные обстоятельства могут нарушить цепочки поставок и вызвать дефицит продуктов, что, в свою очередь, приведет к росту цен.

Целью данного исследования является оценка влияния мировых цен на продовольствие на продовольственную инфляцию в РК.

Гипотеза:

H1: мировые цены на продовольствие оказывают влияние на продовольственную инфляцию в РК;

H2: инфляционные шоки в Казахстане связаны с изменением мировых цен на продовольствие.

Мировые цены на продовольствие в данной работе характеризуются индексом продовольственных цен Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (далее – ФАО), который отражает ежемесячное движение международных цен корзины продовольственных товаров. Он формируется на основе средних значений индексов цен на пять товарных групп, скорректированных с учетом средней доли каждой такой группы в объеме экспорта в период 2014–2016 годов [1].

Продовольственная инфляция РК характеризуется индексом цен на продовольственные товары Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, измеряющим отношение стоимости фиксированного перечня продовольственных товаров в ценах текущего периода к его стоимости в ценах предыдущего периода [2].

В данном исследовании проводится регрессионный анализ между уровнем мировых цен на продовольствие и продовольственной инфляцией в Республике Казахстан. Результаты которого позволят выявить ключевые проблемы в системе ценообразования на продукты питания, оценить уровень обеспеченности внутреннего рынка отечественной продукцией, степень зависимости от внешних факторов, а также определить направления для решения выявленных проблем.

Методы исследования

В работе были изучены теоретико-методологические материалы по исследованию влияния внешних факторов на инфляцию различных стран.

Для анализа использованы данные по продовольственной инфляции в Республике Казахстан по месяцам [3], индексы реальных цен на продовольствие ФАО по месяцам [4].

Оценка влияния мировых цен на продовольствие на продовольственную инфляцию в РК проводилось в два этапа.

На первом этапе исследования определена зависимость между мировыми ценами на продовольствие и продовольственной инфляцией в РК.

В исследовании применен корреляционно-регрессионный метод.

Построена модель простой линейной регрессии, которая отражает основную взаимосвязь между индексом потребительских цен на продовольственные товары в РК [3] и индексом реальных цен на продовольствие ФАО [4]. На первом этапе доказательной базой служили данные за 2000-2024 годы в месячной периодичности (300 наблюдений).

Выбор регрессионного подхода обусловлен необходимостью количественно оценить силу и направление влияния внешнего ценового фактора на внутреннюю инфляцию, а также подтвердить наличие статистически значимой зависимости. Данный метод позволяет верифицировать гипотезу об эффекте трансмиссии мировых продовольственных цен на отечественный рынок.

На втором этапе для определения степени влияния мировых цен на уровень продовольственной инфляции в РК также корреляционно-регрессионный метод, но для разных временных отрезков, определённых на базе инфляционных шоков в экономике страны.

Экономика Казахстана с начала 2000-х годов пережила три серьезных инфляционных шока: мировой финансовый кризис 2008 года, обвал цен на нефть в 2015 году и пандемию COVID-19 с последующими геополитическими потрясениями [5]. В 2022 году в Казахстане цены на продовольственные товары подорожали на 25,3%, а за последние годы наблюдается устойчивая тенденция замедления продовольственной инфляции до 8,5% за 2023г., и до 5,5% за 2024 год [3]. Одним из факторов, способствующих снижению темпов роста инфляции в республике, можно считать снижение мировых цен на отдельные виды продукции [6].

На основе гипотезы, что инфляционные шоки в Казахстане связаны с изменением мировых цен на продовольствие зависимость между ними определялась по временным промежуткам.

На втором этапе были построены модели, учитывающие три временных ряда: период финансового кризиса 2008г. – данные за 2005-2009 годы (60 наблюдений), период обвала цен на нефть 2015 года – данные за 2014-2016 годы (36 наблюдений) и период после пандемии COVID-19 – данные за 2021-2024 годы (48 наблюдений).

Результаты исследования получены на данных, рассчитанных двумя методами расчета: индексы реальных цен на продовольствие ФАО по месяцам - базисным методом (2014-2016 =100), индексы цен на продовольственные товары в РК по месяцам – цепным методом (к предыдущему периоду), что может быть ограничением в интерпретации результатов регрессионного анализа.

В качестве доказательной базы представлены агрегированные данные, которые отражают изменение цен на определенную группу продовольственных товаров. Стоит отметить, что при использовании агрегированных индексов цен изменение цен на все товары в этой группе одинаково влияют на результирующий показатель.

Результаты исследования и их обсуждение

Вопросы влияния различных факторов на инфляцию является одним из классических в экономической науке. Исследования этой темы проводились

многими экономистами на протяжении десятилетий. Косвенное и прямое влияние глобальных инфляционных факторов описывались в работах Ciccarelli & Mojon, 2010 [7].

Одним из объяснений очевидных изменений в инфляционном процессе является продолжающаяся глобальная интеграция финансовых и товарных рынков. Однако количественно оценить степень, в которой глобальные движущие силы объясняют инфляцию, непросто. В своей работе Mikolajun & Lodge (1948) подчеркивает, что глобальные факторы, наряду с ценами на импорт, иностранной конкуренцией и мировыми процентными ставками, должны тщательно отслеживаться политиками для понимания динамики инфляции и управления ею [8]. В своем обзорном докладе Kristin Forbes (2018) утверждает, что роль глобальных факторов (цены на сырьевые товары, показатели глобального спада, обменные курсы, ценовая конкуренция) со временем изменилась. Она считает, что связь между разрывами между внутренним производством и темпами инфляции ослабла, и выступает за то, чтобы модели инфляции, такие как кривая Филлипса, учитывали изменения в мировой экономике, чтобы обеспечить качественный учет детерминант инфляции [9].

В исследовании взаимосвязи открытости экономики и инфляционных процессов Robert Triffin поднимает проблему последствий роста торговой открытости на уровень цен на примере развитых европейских стран [10].

Также, в международной литературе широко освещаются вопросы влияния мировых цен на внутреннюю инфляцию. К примеру, в своем исследовании Parker (2017) выявил, что влияние глобальной инфляции на страновую инфляцию выше в развитых странах, а также в странах с фиксированными обменными курсами. Его четырехуровневая динамическая иерархическая модель строилась на исследовании данных по 223 странам [11].

Samigjon Inogamov, Roberto Leon-Gonzalez, 2024 в своем исследовании проанализировали временную динамику и определяющих факторы движения цен по 26 странам, в том числе по Казахстану, рассматривая как страну бывшего Содружества Независимых Государств [12]. Они отметили, что положительные изменения в мировых ценах существенно влияют на совместное движение цен в странах СНГ, но не влияют на отрицательные изменения.

В исследовании Международного валютного фонда (2024) проведён углублённый анализ ключевых факторов инфляционного давления в странах Центральной Азии, включая Казахстан, с акцентом на внешние шоки, вызванные пандемией, ростом глобальных цен и геополитической нестабильностью [13]. Авторы отмечают, что высокая импортная зависимость делает экономику уязвимой к внешним ценовым импульсам, особенно в сегменте продовольствия и энергоносителей.

В другом обзоре, подготовленном Азиатским банком развития (2024), подчёркивается, что рекордный рост потребительских цен в Казахстане в 2022–2023 гг. был вызван именно внешнеторговыми нарушениями, ростом затрат на логистику и удорожанием импортных товаров [14]. Казахстан рассматривается как экономика с высокой чувствительностью

к международным шокам, особенно в условиях растущей доли импорта в структуре внутреннего потребления.

Работа Федерального резервного банка Далласа (2025) раскрывает механизм, через который увеличение внешнеторговых издержек (включая транспорт, страховку и валютные риски) ускоряет инфляционные процессы в странах с высокой импортной зависимостью [15]. В исследовании подчеркивается, что такие страны, как Казахстан, оказываются наиболее подверженными усилению инфляционного давления в периоды глобальных потрясений.

Доклад ОЭСР (2025) о перспективах глобальной торговой политики предупреждает, что стратегии «локализации производства» в ответ на геополитические и логистические кризисы могут привести к росту потребительских цен в странах, полагающихся на импорт, за счёт снижения эффективности глобальных цепочек добавленной стоимости [16].

Дополнительно, в «World Economic Situation and Prospects» (2025), подготовленном ООН, делается вывод, что рост инфляции в странах с высокой импортной зависимостью во многом определяется волатильностью мировых цен на продовольствие и энергоносители, а также нестабильностью валютных курсов [17]. Казахстан в данном контексте рассматривается как пример экономики, чья внутренняя ценовая динамика тесно связана с глобальными инфляционными тенденциями.

В Казахстане исследование влияния внешнеторговых отношений на инфляционные процессы в Республике Казахстан рассмотрены в работах Кулкаевой А. и Сейдахметовой Б. (2017). На основе данных с 2011 по 2017 гг. с применением SVAR-модели была проведена оценка влияния международных цен на сельскохозяйственную продукцию на внутренние потребительские цены в Казахстане. В результате взаимосвязь показала, что 1%-ный шок со стороны цен ФАО увеличивает темп роста цен продовольственных товаров на 0,06 процентных пункта [18].

С учетом этапа восстановления мировой экономики после коронакризиса 2020-го года с ростом и темпами инфляции, в данной статье исследуется характер и степень влияния мировых цен на продовольствие на продовольственную инфляцию в Республике Казахстан за период с 2000 по 2024 годы, а также проведено моделирование зависимости мировых цен на продовольствие на инфляционные шоки в стране.

При моделировании взаимосвязи между мировыми ценами на продовольствие и продовольственную инфляцию в стране использованы данные источников 3, 4.

На основе линейной регрессии проведена оценка влияния мировых цен на продовольствие на продовольственную инфляцию в Казахстане за 2000-2024 годы (модель 1) [3,4]. В модели 1 зависимой переменной является продовольственная инфляция страны, а факторной переменной – индекс мировых цен на продовольствие.

Результат линейной регрессии выглядит следующим образом:

$$Y=0,008x+99,936 \quad (1)$$

где Y – индекс потребительских цен на продовольственные товары в Республике Казахстан;

x – индекс реальных цен на продовольствие ФАО.

На основе проведенного регрессионного анализа гипотеза о наличии положительной и статистически значимой зависимости между мировыми продовольственными ценами и продовольственной инфляцией в Республике Казахстан **подтверждена**. Расчеты показали, что мировые цены на продовольствие оказывают положительное влияние на цены продуктов питания в Казахстане. Из полученных результатов линейной регрессии видно, что p -значение для переменной X равно 0.001329, что меньше 0.05, что подтверждает о статистической значимости связи между мировыми ценами на продовольствие и продовольственной инфляцией в РК. При индексе мировых цен на продовольствие=100%, то есть если мировые цены на продовольствие не изменятся, базовый уровень продовольственной инфляции в РК будет равняться на 99,9%. А при росте мировых цен на продовольствие на 1%, продовольственные товары в РК подорожают на 0,008%. R -квадрат (0.03404) показывает, что модель 1 объясняет лишь 3.4% дисперсии зависимой переменной, что указывает на наличие других факторов, влияющих на продовольственную инфляцию в РК.

Для исключения гетероскедастичности и получения наиболее полной картины, исследование дополнено включением расчетов по инфляционным шокам, с разделением на временные лаги.

Первый инфляционный шок учитывает период финансового кризиса 2008 года (данные за 2005-2009 годы). В модели 2 линейной регрессии зависимой переменной выступает индекс цен на продовольственные товары в стране, предиктором – мировые цены на продовольствие.

$$Y=0,023x+98,751 \quad (2)$$

Влияние финансового кризиса на инфляцию в разных странах зависело от степени интегрированности страны в мировую экономику, структуры экономики страны, проводимой экономической политики, степени доверия к национальной валюте и других факторов. По результатам линейной регрессии по модели 2 связь между мировыми ценами на продовольствие и продовольственной инфляцией в Казахстане статистически значима (p -значение 0,008), при изменении мировых цен на продовольствие на 1%, продовольственные товары в республике изменятся на 0,023%. R -квадрат (0.11544) показывает, что модель 2 объясняет 11,5% дисперсии зависимой переменной.

Модель 3 линейной регрессии охватывает данные за 2014-2016 годы и характеризует период обвала цен на нефть 2015 года, также зависимой переменной является продовольственная инфляция, фактором – индексы индекс реальных цен на продовольствие.

$$Y=-0,028x+103,611 \quad (3)$$

В период обвала цен 2015 года наблюдается отрицательная связь между продовольственной инфляцией страны и мировыми ценами на продовольствие. Также p -значение 0.27217 показывает, что в этот период продовольственная инфляция республики не зависела от изменений мировых цен на продовольствие. Эта ситуация может быть обусловлена конкретными экономическими условиями, в которых оказалась страна в 2015 году, включая

резкое падение цен на нефть и девальвацию национальной валюты, и требует дополнительного исследования.

И модель 4 охватывает период после пандемии COVID-19 (данные за 2021-2024 годы), где также исследуется зависимость продовольственных цен в РК от мировых цен на продовольствие.

$$Y=0,055x+94,024 \quad (4)$$

Из расчетов следует, что именно в 2021-2024 годы, когда мировые цены на продовольствие испытывали значительные колебания, их влияние на инфляцию в Казахстане стало наиболее заметным. Этот период характеризуется рядом глобальных факторов, таких как нарушения цепочек поставок, изменение потребительского спроса и геополитическая нестабильность, которые в совокупности усилили влияние мировых цен на внутренний рынок продовольствия. Результаты регрессионного анализа показывают, что при увеличении мировых цен на продовольствие на единицу, цены продовольственных товаров в РК увеличивается на 0.06 единиц. R-квадрат (0.480669337) показывает, что модель объясняет 48% дисперсии зависимой переменной. Это значит, что почти половина динамических изменений продовольственной инфляции в РК в период с 2019 по 2024 годы объясняется волатильностью мировых цен на продовольствие.

Полученные результаты регрессионного анализа по модели 4 согласуются с данными, представленными в работе отечественных исследователей Кулкаевой А. и Сейдахметовой Б.

Таблица 1. Результаты регрессии по отдельным временным периодам

№	Период	Кoeffициент регрессии	Множественный R	R-квадрат	Стандартная ошибка	P-значение	F-статистика
Модель 1	За 2000-2024гг	0.00826	0,18	0,034	0,87	0,00	10,50
Модель 2	Период финансового кризиса 2008г. (за 2005-2009гг.)	0,02275	0,34	0,115	1,06	0,01	7,57
Модель 3	Период обвала цен на нефть 2015 года (за 2014-2016гг.)	-0,02848	0,19	0,035	1,01	0,27	1,25
Модель 4	Период после пандемии COVID-19 (за 2021-2024гг.)	0,05528	0,69	0,481	0,69	0,00	42,58

Примечание: рассчитано авторами на основе источников [3, 4]

Результаты исследования показывают, что не во всех моделях получены явные зависимости между исследуемыми переменными. Следовательно, вторая гипотеза о зависимости инфляционных шоков в Казахстане от изменения мировых цен на продовольствие подтверждена частично. Характер и сила данной зависимости изменяются по периодам: в одни периоды реакция цен выражена ярко, в другие — сглажена за счёт дополнительных внутренних и внешних факторов, влияющих на продовольственную инфляцию. Так же,

на наш взгляд имеет место проблема качества данных по продовольственной инфляции в РК. Речь идет о методике сбора данных и методологии расчета продовольственной инфляции.

На сегодняшний день сбор данных о ценах на продовольственные товары в Казахстане осуществляется согласно «Методике по наблюдениям за ценами на потребительские товары и услуги» от «22» сентября 2017 года № 135 (далее – Методика) [19], а расчет индексов цен – по “Методологии построения индекса потребительских цен” (далее – Методология) от «30» декабря 2015 года № 230, разработанной в соответствии с международными стандартами МВФ, МОТ, ОЭСР, Статбюро Европейских сообществ, ЕЭКООН, Всемирного банка [20].

Методика предусматривает сбор цен по товарам, входящим в набор потребительской корзины, с учетом их разновидностей с составлением подробной характеристики к товару. Подробная характеристика разрабатывается в целях более детального описания товара и содержит описание всех качественных и технических атрибутов, позволяющих отличить его от других разновидностей (марка, модель, вид материала, состав сырья, производитель (страна), сорт, размер, артикул и другие). Однако Методика не предполагает проводить дифференцированный учет цен на товары по критерию – происхождение. Речь идет о том, что учет проводится в целом по всем продовольственным товарам, независимо от того, данный товар произведен в Казахстане или является импортным, и «производитель (страна)» служит лишь атрибутом для сопоставления.

Казахстан активно торгует со многими странами мира, такими товарами, как нефть, газ, металлы, товары долгосрочного пользования, а также повседневного спроса, как продукты питания. В стране импорт продуктов питания превышает экспорт, следовательно, в секторе продуктов питания наблюдается отрицательное сальдо внешней торговли. Если в РК в 2023 году экспорт продуктов питания составил 2,5 млрд. долларов США, тогда как импорт – 4,9 млрд долларов США. В номинальном объеме за 2023 год было вывезено 5,6 млн. тонн продовольственных товаров, и ввезено – 7,7 млн. тонн [21].

Таблица 2. Экспорт и импорт продовольственных товаров РК за 2015-2023 гг.

	Экспорт		Импорт	
	тонн	тыс. \$ США	тонн	тыс. \$ США
2015	2 639 599.1	1 000 429.3	6 761 173.7	2 957 763.4
2016	3 596 803.3	1 057 407.7	7 409 060.9	2 676 492.1
2017	4 118 939.9	1 241 475.0	7 383 299.3	3 012 862.2
2018	4 555 476.8	1 366 156.3	7 386 370.9	3 094 577.2
2019	4 085 734.0	1 344 648.6	7 585 738.5	3 335 768.3
2020	4 321 570.9	1 505 903.5	6 874 347.3	3 442 773.8
2021	3 612 020.7	1 517 083.5	7 588 514.8	4 030 605.3

2022	5 172 506.1	2 583 626.5	7 616 558.7	4 772 904.2
2023	5 654 863.0	2 468 582.7	7 724 111.8	4 887 540.7

Примечание: рассчитано авторами на основе источников [16]

За 2015-2023 годы наблюдается равномерный рост как экспорта продовольственных товаров, так и их импорт. Следует отметить, что рост импорта в стоимостном выражении в 2023 году по отношению к 2015 году составил 65,2%, тогда как в номинальном выражении – 14,2%.

Разница между стоимостным и номинальным ростом (51%) указывает на значительное повышение цен на импортируемые продовольственные товары, что свидетельствует о существенном инфляционном давлении на внутреннем рынке. И необходимо выделить, что существующая методика расчета не отражает полной картины содержания продовольственной инфляции.

Выводы

Глобализация и инфляция – это два взаимосвязанных явления, влияние которых на экономику сложно предсказать. Для каждой страны влияние этих факторов может быть индивидуальным и зависеть от множества специфических условий. Мировые цены на товары и сырье оказывают существенное влияние на инфляцию в любой стране, особенно в тех, которые активно участвуют в международной торговле.

Результаты исследования подтверждают, что Казахстан не изолирован от глобального рынка продовольствия. Изменение мировых цен оказывает непосредственное влияние на внутренние цены в стране. Это объясняется высокой зависимостью Казахстана от импорта определенных видов продовольствия, а также общей интеграцией в мировую экономическую систему. Необходимо отметить, что зависимость от мировых цен усиливается в периоды глобальной нестабильности. В такие периоды, когда мировая экономика переживает потрясения, цены на продовольствие могут резко возрастать, что приводит к ускорению инфляции в странах-импортерах, таких как Казахстан.

Для полного и объективного изучения взаимосвязи влияния внешних цен на продовольствие на внутренние, необходимо обеспечить качественный учет продовольственной инфляции. На сегодняшний день существующая методика расчета инфляции может не отражать полной картины из-за ряда факторов, таких как усреднение данных, ограниченный набор товаров, недостаточный учет влияния импорта.

С учетом растущей взаимосвязанности мировой экономики, для выработки успешной политики в сдерживании инфляцией, в том числе продовольственной, необходимо тщательно изучить влияние импортных цен и разработать соответствующие меры реагирования.

В данном контексте целесообразно провести ряд изменений в системе учета и сбора данных. Так, можно актуализировать точечный учет воздействия цен импортных продуктов на изменения цен на внутреннем рынке. Анализ влияния импортных цен на инфляцию в республике предлагается проводить через дифференцированный учет товаров по их происхождению

(отечественного производства и импортного производства). Для этого потребуется внести изменения в Методику, регистрацию цен осуществлять с разбивкой по происхождению товара – «отечественного производства», «импортного производства». В Методологию расчета инфляции также внести изменения по учету весов (доли потребления) импортной продукции в составе потребительской корзины, и расчет индексов цен осуществлять по каналам происхождения товара.

Учитывая, что значительная часть продовольственных товаров завозится из-за рубежа, выявление истинных причин инфляции в Казахстане остается актуальным вопросом. И такой классический инструмент борьбы с инфляцией, как повышение базовой ставки, применяемый Национальным банком РК, может иметь ограниченную эффективность. Повышение базовой ставки приводит к удорожанию кредитов для бизнеса, в том числе для отечественных производителей продовольствия, что может привести к сокращению производства и, в конечном итоге, к еще большему росту цен.

Так же, предлагается ввести учет на основе динамических наблюдений структуры потребления импортной продукции по различным категориям товаров. Постоянный мониторинг структуры потребления импортной продукции позволит выявить периоды высокой зависимости от импорта и прогнозировать возможные инфляционные риски, связанные с изменением мировых цен или курса национальной валюты. Информация о структуре импорта может быть использована для разработки эффективной торговой политики, направленной на защиту внутреннего рынка и обеспечение экономической безопасности страны.

Предложенные меры направлены на создание более устойчивой и менее подверженной внешним шокам экономической системы Казахстана, особенно в сфере продовольствия, принятие адекватных и эффективных мер на основе принципов доказательной политики и обоснованных решений в сфере регулирования инфляционных процессов.

Список литературы

1. Положение с продовольствием в мире. Индекс продовольственных цен ФАО // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru>
2. Индекс потребительских цен и производные показатели в Республике Казахстан. Методологические пояснения // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/prices/spreadsheets/?year=&name=19117&period=&type=>
3. Индекс цен на основные группы потребительских товаров и услуг. Динамические ряды // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/prices/dynamic-tables/>

4. Индекс продовольственных цен ФАО. Индексы номинальных и реальных цен начиная с 1990 года (ежемесячные и годовые данные) // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru>
5. Domestic inflation decomposition in a small open economy: Evidence from import price dynamics in Kazakhstan Zhandos Ybrayev *, Bauyrzhan Shamar, Kamilla Mamatova, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1303070124000337>
6. Историческое снижение: почему снизились цены на продукты в мае. // Газета Новый Вестник, 19 Июнь 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nv.kz/2024/06/19/303203/> снято 25.12.2024г.
7. M. Ciccarelli, B. Mojon. Global inflation. Review of Economics and Statistics, 92 (3) (2010) https://doi.org/10.1162/REST_a_00008
8. Mikolajun & Lodge. Advanced economy inflation: the role of global factors // <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/154381/1/ecbwp1948.pdf>
9. Kristin Forbes. HAS GLOBALIZATION CHANGED THE INFLATION PROCESSES? // https://www.bis.org/events/conf180622/forbes_pres.pdf
10. Robert Triffin. The Evolution of the International Monetary System: Historical Reappraisal and Future Perspectives // <https://ies.princeton.edu/pdf/S12.pdf>
11. Parker M., 2017. "Global inflation: the role of food, housing and energy prices" European Central Bank, Working Paper No 2024 / February 2017.// <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp2024.en.pdf>
12. Samigjon Inogamov, Roberto Leon-Gonzalez. Inflation comovement in emerging economies: The facts and impact of global prices // <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2024.101794>
13. IMF. (2024). Republic of Kazakhstan: Staff Report for the 2024 Article IV Consultation. <https://www.imf.org/...>
14. Asian Development Bank. (2024). Country Update: Kazakhstan and CAREC Region. <https://www.carecprogram.org/...>
15. Federal Reserve Bank of Dallas. (2025). Trade Costs and Inflation Dynamics. Working Paper 2508.
16. OECD. (2025). Global Value Chains: Resilience or Retreat? <https://www.oecd.org/...>
17. UN DESA. (2025). World Economic Situation and Prospects – Briefing No. 189. <https://www.un.org/...>
18. Кулкаева, А.М., Сейдахметова, Б.А. (2017). Влияние мировых цен сельскохозяйственной продукции на продовольственную инфляцию в Казахстане. Экономическое обозрение Национального Банка Республики Казахстан. 2017 №4, стр. 18-34.
19. Методика по наблюдению за ценами на потребительские товары и услуги. Методология// Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.gov.kz/ru/methodology/32/>
20. Методология построения индекса потребительских цен Методология// Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.gov.kz/ru/methodology/32/>
21. Экспорт и импорт Республики Казахстан по продовольственным товарам // Бюро национальной статистики АСПИР РК <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/dynamic-tables/>

References:

1. Polozhenie s prodovol'stvien v mire. Indeks prodovol'stvennykh tsen FAO [The state of food security in the world. FAO food price index] // Prodovol'stvennaya i sel'skokhozyaistvennaya organizatsiya Ob"edinennykh Natsii [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru>
2. Indeks potrebitel'skikh tsen i proizvodnye pokazateli v Respublike Kazakh-

stan. Metodologicheskie pojasneniya [Consumer price index and derived indicators in the Republic of Kazakhstan. Methodological explanations] // Byuro natsional'noi statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/prices/spreadsheets/?year=&name=19117&period=&type=>

3. Indeks tsen na osnovnye gruppy potrebitel'skikh tovarov i uslug. Dinamicheskie ryady [Price index for major groups of consumer goods and services. Time series data] // Byuro natsional'noi statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/prices/dynamic-tables/>
4. Indeks prodovol'stvennykh tsen FAO. Indeksy nominal'nykh i real'nykh tsen nachinaya s 1990 goda (ezhemesyachnye i godovye dannye) [FAO food price index. Nominal and real price indices since 1990 (Monthly and annual data)] // Prodovol'stvennaya i sel'skokhozyaistvennaya organizatsiya Ob'edinennykh Natsii [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.fao.org/world-foodsituation/foodpricesindex/ru>
5. Domestic inflation decomposition in a small open economy: Evidence from import price dynamics in Kazakhstan Zhandos Ybrayev * , Bauyrzhan Shamar, Kamilla Mamatova, [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1303070124000337>
6. Istoricheskoe snizhenie: pochemu snizilis' tseny na produkty v mae. [Historic decline: why food prices decreased in May] // Gazeta Novyi Vestnik, 19 Iyun' 2024. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://nv.kz/2024/06/19/303203/snyato_25.12.2024g.
7. M. Ciccarelli, B. Mojon. Global inflation. Review of Economics and Statistics, 92 (3) (2010) https://doi.org/10.1162/REST_a_00008
8. Mikolajun & Lodge. Advanced economy inflation: the role of global factors // <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/154381/1/ecbwp1948.pdf>
9. Kristin Forbes. HAS GLOBALIZATION CHANGED THE INFLATION PROCESS? // https://www.bis.org/events/conf180622/forbes_pres.pdf
10. Robert Triffin. The Evolution of the International Monetary System: Historical Reappraisal and Future Perspectives // <https://ies.princeton.edu/pdf/S12.pdf>
11. Parker M., 2017. "Global inflation: the role of food, housing and energy prices" European Central Bank, Working Paper No 2024 / February 2017. // <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp2024.en.pdf>
12. Samigjon Inogamov, Roberto Leon-Gonzalez. Inflation comovement in emerging economies: The facts and impact of global prices // <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2024.101794>
13. IMF. (2024). Republic of Kazakhstan: Staff Report for the 2024 Article IV Consultation. <https://www.imf.org/...>
14. Asian Development Bank. (2024). Country Update: Kazakhstan and CAREC Region. <https://www.carecprogram.org/...>
15. Federal Reserve Bank of Dallas. (2025). Trade Costs and Inflation Dynamics. Working Paper 2508.
16. OECD. (2025). Global Value Chains: Resilience or Retreat? <https://www.oecd.org/...>
17. UN DESA. (2025). World Economic Situation and Prospects – Briefing No. 189. <https://www.un.org/...>
18. Kulkaeva, A.M., Seidakhmetova, B.A. (2017). Vliyanie mirovykh tsen sel'skokhozyaistvennoi produktsii na prodovol'stvennyu inflyatsiyu v Kazakhstane. [The impact of global agricultural prices on food inflation in Kazakhstan] Ekonomicheskoe obozrenie Natsional'nogo Banka Respubliki Kazakhstan. 2017 №4, str. 18-34.
19. Metodika po nablyudeniyu za tsenami na potrebitel'skie tovary i uslugi. Metodologiya [Methodology for monitoring prices of consumer goods and services. Methodology] // Byuro natsional'noi statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://stat.gov.kz/ru/methodology/32/>
20. Metodologiya postroeniya indeksa potrebitel'skikh tsen Metodologiya [Methodology for constructing the consumer price index. Methodology] // Byuro

natsional'noi statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://stat.gov.kz/ru/methodology/32/>

21. Eksport i import Respubliki Kazakhstan po prodovol'stvennym tovaram [Export and import of food products in the Republic of Kazakhstan] // Byuro natsional'noi statistiki ASPIR RK <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/dynamic-tables/>

Материал поступил в редакцию 10.02.2025

Утвержден к публикации 20.06.2025

ЭКОСИСТЕМНЫЙ И ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНЫЙ ПОДХОД В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ В ПРИЗМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ: РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

Алия Дауешова¹
Сауле Искендинова^{2*}
Айгерим Амирова³
Айдана Набатова⁴

¹ Заведующая сектором оценки компетенций и талант менеджмента Института управления человеческими ресурсами Академии государственного управления при Президенте РК, PhD; Астана, Казахстан. e-mail Aliya.Daueshova@apa.kz

^{2*} Профессор филиала Академии государственного управления при Президенте РК по Акмолинской области, кандидат экономических наук; Кокшетау, Казахстан. e-mail s.iskendiнова@apa.kz

³ Руководитель управления Агентства РК по делам государственной службы, доктор по профилю «Государственное и местное управление»; Астана, Казахстан. e-mail aigerimamirova@gmail.com

⁴ Главный специалист сектора оценки компетенций и талант менеджмента Института управления человеческими ресурсами Академии государственного управления при Президенте РК, Астана, Казахстан. e-mail a.nabatova@apa.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2025.114.2.009>

Аннотация. В статье рассматриваются экосистемный и человекоцентричный подходы в управлении персоналом, их взаимосвязь и влияние на государственное управление. Анализируются концепции, разработанные международными институтами, такими как ОЭСР, Всемирный банк, МОТ и ПРООН, и их возможное применение в Казахстане. Основное внимание уделяется созданию условий для эффективного управления человеческим капиталом, внедрению цифровых технологий и разработке устойчивых кадровых стратегий. Экосистемный подход рассматривает управление персоналом как часть слож-

ной системы, включающей государственные учреждения, частный сектор, образовательные организации и общественные институты. Человекоцентричный подход ориентирован на потребности и благополучие сотрудников, что способствует увеличению их вовлеченности и эффективности. В рамках исследования предложены рекомендации для государственного управления Казахстана, включая формирование экосистемных кадровых платформ, развитие условий труда, интеграцию международных стандартов, мониторинг эффективности кадровой политики и цифровизацию HR-процессов. Внедрение данных подходов позволит повысить устойчивость и адаптивность государственной службы Казахстана к современным вызовам, способствуя развитию инновационных методов управления персоналом.

Ключевые слова: *Человекоцентричность, клиентоориентированность, сервисность, управление человеческими ресурсами, экосистема, централизованные службы, общие центры обслуживания, цифровизация.*

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ДАМУ ИНСТИТУТТАРЫНЫҢ ПРИЗМАСЫНДА ПЕРСОНАЛДЫ БАСҚАРУДЫҢ ЭКОЖҮЙЕСІ МЕН АДАМИ-ОРТАЛЫҚТАНДЫРЫЛҒАН ТӘСІЛІ: ҚАЗАҚСТАН ҮШІН ҰСЫНЫМДАР

Әлия Дауешова¹, Сәуле Искендірова^{2*}, Әйгерім Амирова³, Айдана Набатова⁴

¹ Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы Адам ресурстарын басқару институтының құзыреттіліктерін бағалау және талант менеджмент секторының меңгерушісі, PhD; Астана, Қазақстан. e-mail Aliya.Daueshova@ara.kz

^{2*}Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы Ақмола облысы филиалының профессоры, экономика ғылымдарының кандидаты, Көкшетау, Қазақстан. e-mail s.iskenderova@ara.kz

³ Қазақстан Республикасы Мемлекеттік қызмет істері агенттігінің басқарма басшысы, Мемлекеттік және жергілікті басқару бейіні бойынша докторы; Астана, Қазақстан. e-mail aigerimamirova@gmail.com

⁴ Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясының Адам ресурстарын басқару институтының құзыреттіліктерін бағалау және талант менеджмент секторының бас маманы, Астана, Қазақстан. e-mail a.nabatova@ara.kz

Аңдатпа. Мақалада персоналды басқарудағы экожүйелік және адамға бағытталған тәсілдер, олардың өзара байланысы және мемлекеттік басқаруға ықпалы қарастырылады. ОЭСР, Дүниежүзілік банк, ХЕҰ және БҰҰДБ секілді халықаралық институттар әзірлеген тұжырымдамалар талданып, оларды Қазақстанда қолдану мүмкіндіктері зерттелді. Негізгі назар адам капиталын тиімді басқару жағдайларын жасауға, цифрлық технологияларды енгізуге және тұрақты кадрлық стратегияларды әзірлеуге аударылды. Экожүйелік тәсіл мемлекеттік мекемелерді, жеке секторды, білім беру ұйымдары мен

қоғамдық институттарды қамтитын күрделі жүйенің құрамдас бөлігі ретінде персоналды басқаруға бағытталған. Адамға бағытталған тәсіл қызметкерлердің қажеттіліктері мен әл-ауқатына негізделген, бұл олардың жұмысқа деген қызығушылығын арттыруға және өнімділікті жоғарылатуға ықпал етеді. Зерттеу аясында Қазақстанның мемлекеттік басқару жүйесі үшін экокүйелік кадрлық платформаларды құру, еңбек жағдайларын дамыту, халықаралық стандарттарды енгізу, кадрлық саясаттың тиімділігін бағалау және HR процестерін цифрландыру бойынша ұсыныстар жасалды. Осы тәсілдерді енгізу Қазақстан мемлекеттік қызметінің тұрақтылығын және бейімділігін арттыруға, инновациялық кадрлық басқару әдістерін дамытуға ықпал етеді.

***Түйін сөздер:** Адамға бағдарлану, тұтынушыға бағдарлану, қызмет көрсету, адами ресурстарды басқару, экокүйе, орталықтандырылған қызметтер, жалпы қызмет көрсету орталықтары, цифрландыру.*

ECOSYSTEM AND HUMAN-CENTERED APPROACH TO PERSONNEL MANAGEMENT IN THE PRISM OF INTERNATIONAL DEVELOPMENT INSTITUTIONS: RECOMMENDATIONS FOR KAZAKHSTAN

Aliya Daeshova¹, Saule Iskenderova^{2*}, Aigerim Amirova³, Aidana Nabatova⁴

¹ Head of the Competence Assessment and Talent Management Sector of the Institute of Human Resource Management, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD; Astana, Kazakhstan. E-mail Aliya.Daeshova@apa.kz

^{2*} Professor of the Akmola Region Branch of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, PhD in Economics; Kokshetau, Kazakhstan. E-mail s.iskenderova@apa.kz

³ Head of division at the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs, Doctor of State and Local Administration; Astana, Kazakhstan. E-mail aigerimamirova@gmail.com

⁴ Chef specialist of the Competence Assessment and Talent Management Sector of the Institute of Human Resource Management, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan. E-mail a.nabatova@apa.kz

Abstract. The article examines the ecosystem and human-centered approaches in personnel management, their interconnection, and impact on public administration. The study analyzes concepts developed by international institutions such as the OECD, World Bank, ILO, and UNDP, and their potential application in Kazakhstan. The focus is on creating conditions for effective human capital management, implementing digital technologies, and developing sustainable HR strategies. The ecosystem approach personnel management as part of a complex system involving government institutions, the private sector, educational organizations, and public institutions. The human-centered approach emphasizes employee needs and well-being, increasing engagement and productivity. The study

proposes recommendations for Kazakhstan's public administration, including the creation of ecosystem-based HR platforms, the development of working conditions, the integration of international standards, monitoring HR policy effectiveness, and digitalizing HR processes. The implementation of these approaches will enhance the resilience and adaptability of Kazakhstan's public service to modern challenges, contributing to the development of innovative personnel management methods.

Keywords: *Human-centricity, customer orientation, serviceability, human resource management, ecosystem, centralized services, common service centers, digitalization*

Введение

Современное государственное управление претерпевает значительные изменения, обусловленные глобальными вызовами, цифровизацией и изменяющимися социально-экономическими реалиями. В этом контексте особое внимание уделяется экосистемному и человекоцентричному подходам в управлении персоналом, которые позволяют повысить эффективность работы государственных институтов и обеспечить устойчивое развитие общества.

Экосистемный подход (Ecosystem Approach) рассматривает управление персоналом как часть сложной, взаимосвязанной системы, включающей государственные учреждения, частный сектор, образовательные организации и общественные институты. Такой подход основан на принципах сотрудничества, сетевого взаимодействия и адаптивности, позволяя учитывать многослойные факторы, влияющие на развитие человеческого капитала.

Человекоцентричный подход (human-centric approach), в свою очередь, акцентирует внимание на потребностях, мотивации и благополучии сотрудников. В рамках государственной службы это означает создание условий для профессионального роста, повышение уровня вовлеченности персонала, развитие кадровых компетенций и поддержание баланса между работой и личной жизнью. Внедрение данного подхода способствует не только повышению продуктивности, но и формированию более устойчивой и инклюзивной государственной службы.

Международные институты развития, такие как Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирный банк (ВБ), Международная организация труда (МОТ), Программа развития ООН (ПРООН), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и другие, предлагают концептуальные рамки и лучшие практики для внедрения экосистемного и человекоцентричного подходов в управлении человеческими ресурсами, в том числе и в государственном управлении.

Экосистемный подход и человекоцентричность взаимосвязаны через ориентацию на комплексное управление, где человек занимает центральное место в рамках устойчивой и сбалансированной системы. Эта связь проявляется в нескольких аспектах:

1. Человекоцентричность как основа экосистемного подхода.

Экосистемный подход рассматривает людей не только как участников системы, но и как её ключевых выгодоприобретателей. В контексте

управления человеческими ресурсами, человекоцентричность подчеркивает необходимость создания условий, которые способствуют профессиональному и личному развитию, здоровью и благополучию работников. Например, Всемирная организация здравоохранения в своей стратегии «Health Workforce 2030» акцентирует внимание на устойчивости кадровой системы, где качество и доступность услуг для людей зависят от создания комфортных условий для работников здравоохранения [1].

2. Интеграция интересов человека и экосистемы.

Экосистемный подход подразумевает взаимодействие различных элементов системы (природных, социальных, экономических), в то время как человекоцентричность фокусируется на том, как эти элементы влияют на благополучие людей. Например:

- в проектах ООН экосистемный подход включает человека в качестве основного звена, влияющего на развитие устойчивых экосистем (например, управление водой, биоразнообразием и здоровьем).

- в рамках «One Health» ВОЗ рассматривает здоровье людей как часть взаимосвязанной системы, включающей окружающую среду и животных, что иллюстрирует человекоцентричный фокус на защите здоровья в комплексной экосистеме [2].

3. Человеческие ресурсы как часть экосистемы.

Человекоцентричность в управлении человеческими ресурсами тесно связана с экосистемным подходом через развитие персонализированных решений для работников и создание инклюзивных условий труда. Это включает:

- обеспечение равенства и справедливости в распределении ресурсов и возможностей.

- поддержку психологического и физического здоровья сотрудников в рамках всей системы [3].

Казахстан, стремясь соответствовать мировым стандартам, активно реформирует кадровую политику в государственном секторе, ориентируясь на международный опыт и локальные особенности.

Настоящая статья является обзорной и направлена на анализ основных принципов экосистемного и человекоцентричного подходов в управлении персоналом через призму деятельности международных институтов развития. В результате исследования будут предложены выводы и рекомендации по их применению в системе государственного управления Казахстана с целью повышения эффективности работы государственных органов и обеспечения их адаптивности к современным вызовам.

Методология

В ходе исследования использовались различные научные методы для сбора, изучения, обработки и анализа информации, направленные на изучение экосистемного и человекоцентричного подходов в управлении персоналом, а также их влияние на государственное управление Казахстана. Причинно-следственный анализ использовался для выявления взаимосвязей между внедрением данных подходов и результативностью системы

государственного управления. Сравнительный метод использовался для сопоставления международных практик (ОЭСР, Всемирный банк, МОТ, ПРООН и др.) с существующей кадровой политикой Казахстана. Системный анализ применялся для комплексного изучения государственного управления как экосистемы, включающей различные заинтересованные стороны. Абстрактно-логический анализ позволил обобщить информацию, выявить ключевые проблемы и разработать теоретические выводы о целесообразности внедрения новых методов управления персоналом, а также способствовал формированию выводов и разработке рекомендаций по совершенствованию кадровой стратегии в Казахстане.

Обзор

Развитие управления человеческими ресурсами отражает эволюцию подходов к организации труда и взаимодействию между работодателем и сотрудниками. Понятия экосистемного подхода и человекоцентричности зародились как ответ на изменения в обществе и экономике, связанные с усложнением организационных систем и растущей значимостью.

Идея экосистемного подхода берет свое начало в середине XX века, когда исследователи начали рассматривать организации как элементы взаимосвязанной системы. Первоначально подход разрабатывался в рамках общей теории систем и биологических экосистем, а позже был адаптирован для экономики и управления. Нижеследующая таблица демонстрирует ключевые этапы развития концепций, их влияние на управление человеческими ресурсами и подкреплена примерами из научных и практических источников.

Таблица 1. История развития концепций экосистемного подхода и человекоцентричности в управлении человеческими ресурсами

Концепция	Основные этапы	Описание этапа
Экосистемный подход	1. Формирование системного мышления (1940-е – 1960-е)	Разработка общей теории систем (Людвиг фон Бергаланфи), анализ организаций как взаимосвязанных частей более сложных систем
	2. Концепция деловых экосистем (1990-е)	Джеймс Ф. Мур ввел понятие «бизнес-экосистема», описывая взаимодействие между организациями, сотрудниками и партнерами
	3. Интеграция в управление человеческими ресурсами (2000-е – настоящее время)	Применение экосистемного подхода в управлении кадрами, акцент на сетевом взаимодействии, цифровизации и партнерствах
Человекоцентричность	1. Гуманистическая психология (1940-е – 1950-е)	Исследования Абрахама Маслоу (иерархия потребностей) и Карла Роджерса (уважение индивидуальности, ориентация на самореализацию)
	2. Ориентация на сотрудников (1970-е – 1980-е)	Формирование теорий организационного поведения, учет нематериальных стимулов (Фредерик Герцберг, теория мотивации-гигиены)

	3. Человекоцентричность в современном управлении (с 1990-х)	Внедрение концепций управления талантами, программ наставничества, поддержки эмоционального благополучия сотрудников
Роль цифровизации	Интеграция цифровых технологий (2000-е – настоящее время)	Использование HR-аналитики, автоматизация процессов, развитие e-learning платформ для обучения сотрудников

Примечание. Составлено авторами.

Основные этапы экосистемного подхода:

1. Формирование системного мышления (1940-е – 1960-е годы).

Основа экосистемного подхода была заложена в рамках общей теории систем, предложенной Людвигом фон Бергаланфи (1940-е). Эта теория рассматривала организации как взаимозависимые части более сложных систем, где важны взаимодействия между компонентами [4].

В этот период закладывались основы подхода, основанного на взаимодействии различных элементов системы. Ученые исследовали взаимосвязи между элементами организаций и внешней средой, анализируя влияние этих связей на стабильность систем.

2. Концепция деловых экосистем (1990-е годы).

В 1993 году в научный оборот вошло понятие «бизнес-экосистема», предложенное Джеймсом Ф. Муром. Он описывал компании как элементы экосистемы, где каждый участник взаимодействует для создания общей ценности. Данный подход активно был использован в рамках внедрения технологических экосистем в компаниях Microsoft и Apple, названные компании интегрировали своих сотрудников, партнеров и клиентов в единые цифровые сети [5].

3. Интеграция в управление человеческими ресурсами (2000-е годы и далее).

Человекоцентричность, как концепция управления, основывается на гуманистическом подходе к организации труда. С середины XX века она развивается как противопоставление авторитарным моделям управления, акцентируя внимание на удовлетворении потребностей сотрудников и раскрытии их потенциала.

Основные этапы развития человекоцентричного подхода:

1. Гуманистическая психология (1940-е – 1950-е гг.).

Основы подхода заложили исследования Абрахама Маслоу и Карла Роджерса, которые подчеркивали важность уважения к личности. Маслоу представил модель иерархии потребностей, в которой ключевую роль занимает самореализация.

2. Ориентация на сотрудников (1970-е – 1980-е гг.).

В этот период популярными стали подходы, связанные с созданием условий для профессионального и личного роста сотрудников. Теории мотивации Фредерика Герцберга и других исследователей подчеркивали необходимость учета не только материальных стимулов, но и факторов эмоционального удовлетворения.

3. Человекоцентричность в современном управлении (с 1990-х гг.).

С появлением концепции управления талантами человекоцентричность

стала одним из ключевых принципов работы с персоналом. Это проявляется в акцентах на профессиональное развитие, психологическую поддержку сотрудников и создание комфортных условий труда.

Цифровизация значительно ускорила внедрение как экосистемного подхода, так и человекоцентричности. Современные платформы и технологии позволяют учитывать индивидуальные особенности сотрудников, объединять их в команды и обеспечивать постоянное взаимодействие.

Рассмотрим реализацию данных концепций на государственной службе.

Экосистемный подход — это концепция управления, в которой организация рассматривается как часть сложной сети взаимодействующих элементов. Согласно исследованиям, экосистемы включают сотрудников, организации, партнеров, клиентов и другие заинтересованные стороны, объединенных для достижения общих целей [6].

На государственной службе экосистемный подход проявляется через взаимосвязь государственных органов с другими элементами общества: образовательными учреждениями, частным сектором, общественными организациями. Главная цель — создать динамичную систему, которая будет эффективно адаптироваться к изменениям.

Основные характеристики экосистемного подхода:

– *многоуровневая интеграция*: государственные службы взаимодействуют с различными секторами для подготовки кадров и повышения их квалификации. Например, партнерства между вузами и государственными учреждениями создают программы стажировок и целевого обучения;

– *сетевое взаимодействие*: в рамках экосистемного подхода создаются цифровые платформы для объединения знаний и опыта. Такие платформы позволяют сотрудникам решать общие задачи и обмениваться успешными кейсами;

– *гибкость и адаптивность*: в условиях цифровой трансформации и глобализации государственные службы должны оперативно реагировать на изменения. Например, пандемия COVID-19 ускорила внедрение удаленных форм работы, что привело к адаптации экосистемы управления.

Человекоцентричность — это подход, при котором в центре всех процессов управления находятся потребности, ценности и благополучие человека. Это направление основывается на концепции гуманистического управления, разработанной Абрахамом Маслоу и Карлом Роджерсом в середине XX века.

В книге А. Маслоу «Мотивация и личность» (1954) представлена основа концепции пирамиды потребностей, где благополучие и самореализация человека находятся на вершине. В работе К. Роджерс «On Becoming a Person» (1961) указана работа, акцентирующая внимание на уникальности каждого человека и важности учета его ценностей в управлении.

Основные аспекты человекоцентричного подхода:

– учет индивидуальных потребностей сотрудников. Каждому сотруднику предлагается персонализированный подход: гибкий график, удаленная работа, возможности профессионального роста;

– создание возможностей для профессионального роста. Государственные органы инвестируют в развитие сотрудников через образовательные программы,

тренинги, стажировки. Такие меры повышают мотивацию и эффективность персонала;

– эмоциональное благополучие. Исследования показывают, что удовлетворенность сотрудников напрямую влияет на производительность труда (Gallup, 2022). В связи с этим внедряются программы психологической поддержки, такие как анонимные консультации с психологами и специальные тренинги по управлению стрессом [7].

Цифровизация государственной службы, как объединяющий фактор, представляет собой внедрение технологий, которые облегчают управление персоналом, делают процессы прозрачными и снижают административную нагрузку.

Результаты исследования

Экосистемный подход к управлению человеческими ресурсами в государственной службе опирается на принципы взаимосвязи природных и социальных факторов для создания устойчивой и эффективной системы управления кадрами. В этом подходе, по данным ООН, особое внимание уделяется системному мышлению, где экосистема рассматривается как целостное единство различных элементов, включая ресурсы, заинтересованные стороны и управление на разных уровнях (например, национальном и местном уровнях) [8].

Международные организации, включая ООН, определяют экосистемный подход как нечто большее, чем просто управление человеческими ресурсами: он требует активного вовлечения всех заинтересованных сторон и комплексного планирования на основе данных о состоянии и устойчивости экосистем. В контексте государственной службы такой подход может обеспечить не только поддержку экологически устойчивых методов, но и более инклюзивное управление, при котором учитываются потребности как общества, так и окружающей среды, что согласуется с целями устойчивого развития ООН [9].

Свод видения экосистемного подхода в международных организациях приведен в Таблице 2.

Таблица 2. Видение экосистемного подхода в международных организациях

Организация	Применение экосистемного подхода
Организация Объединённых Наций (ООН)	Экосистемный подход используется для выстраивания кадровой политики, ориентированной на устойчивое развитие, инклюзию и климатические изменения, при этом направляет усилия на повышение компетенций кадров в государственных учреждениях стран-членов.
Европейский Союз (ЕС)	Применение экосистемного подхода для создания межгосударственных кадровых платформ и программ, направленных на подготовку специалистов для работы в условиях цифровой трансформации и климатических изменений. ЕС также поддерживает проекты, связанные с обменом опытом и трансграничным обучением государственных служащих.

Всемирный банк (ВБ)	Экосистемный подход для повышения эффективности управления человеческими ресурсами в развивающихся странах.
Международная организация труда (МОТ)	Включает развитие человеческого капитала, использование технологий для государственных услуг и укрепление социальной защиты. Программы ВБ адаптированы под локальные особенности и глобальные вызовы.
Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)	Применяет экосистемный подход для устойчивого развития рынков труда, улучшения условий труда и повышения инклюзии. Работает над адаптацией кадровых систем к цифровизации и экологическим изменениям. Инициативы МОТ включают «Decent Work Agenda» и «Future of Work Initiative», направленные на устойчивость рынка труда.
Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)	ВОЗ использует экосистемный подход в сфере общественного здравоохранения, акцентируя внимание на роли экосистем в обеспечении чистой воды, продовольственной безопасности и климатической стабильности. Экосистемный подход применяется для решения сложных взаимосвязанных проблем («wicked problems») в государственном управлении, улучшения взаимодействия между различными участниками. ОЭСР фокусируется на системном мышлении, создании инновационных систем и совместной разработке решений. Включает программы «Ecosystem School 1.0» и рекомендации для внедрения в национальные программы и политику.

Примечание. Составлено авторами.

Организация Объединённых Наций (ООН)

В рамках ООН экосистемный подход используется для выстраивания кадровой политики, учитывающей глобальные вызовы, такие как устойчивое развитие, инклюзия и климатические изменения. Специализированные агентства, такие как ПРООН (Программа развития ООН), интегрируют этот подход в проекты, направленные на повышение компетенций кадров в государственных учреждениях стран-членов. ООН делает акцент на системном мышлении и комплексных решениях, где управление персоналом рассматривается через призму целей устойчивого развития [10].

Европейский Союз (ЕС)

В Европейском Союзе экосистемный подход применяется для создания межгосударственных кадровых платформ и программ. Например, в рамках программы «Еurore 2030» особое внимание уделяется подготовке специалистов, способных работать в условиях цифровой трансформации и климатических изменений. ЕС поддерживает интеграцию инновационных технологий и сотрудничество между странами, чтобы обеспечить синергетический эффект в управлении человеческими ресурсами [11].

ЕС развивает проекты, связанные с обменом опытом и трансграничным обучением госслужащих. Например, в рамках программы «Horizon Europe» проводится подготовка кадров для работы в условиях климатической нейтральности.

Программа EURES (Европейская сеть занятости) координирует взаимодействие между странами ЕС для создания единой кадровой экосистемы, способной адаптироваться к вызовам миграции и демографическим

изменениям. Проекты ЕС также поддерживают развитие многоязычных компетенций для упрощения коммуникации на международном уровне.

Основной целью программы является облегчение мобильности работников внутри ЕС и создание кадровой экосистемы, адаптирующейся к вызовам миграции и демографических изменений. Программа помогает работодателям и соискателям находить друг друга через трансграничное сотрудничество, поддерживая при этом развитие многоязычных навыков для международной коммуникации [12-13].

Всемирный банк (ВБ)

Всемирный банк активно внедряет экосистемный подход для повышения эффективности управления человеческими ресурсами в государственных структурах развивающихся стран. Этот подход включает такие направления, как развитие человеческого капитала, использование технологий для предоставления государственных услуг и укрепление социальной защиты. Например, в отчете ВБ подчеркивается важность экосистемного подхода в восстановлении человеческого капитала после кризиса, а также в управлении трудовыми ресурсами с учетом региональных особенностей и глобальных вызовов. Особое внимание уделяется адаптации госслужбы к новым технологиям и цифровизации [14].

Всемирный банк использует экосистемный подход для повышения эффективности работы государственных институтов в развивающихся странах. Программы ВБ включают обучение и поддержку сотрудников госслужбы с учётом экономических, социальных и культурных особенностей региона. Этот подход способствует разработке стратегий, которые учитывают разнообразие потребностей местных экосистем и глобальных трендов.

ВБ реализует инициативы, такие как «Capacity Building for Results Facility», направленные на развитие кадрового потенциала в развивающихся странах. Программы часто фокусируются на адаптации к локальным контекстам, например, в Африке проводятся тренинги для госслужащих по управлению устойчивостью к климатическим изменениям. Проект «Human Capital Project» поддерживает страны в измерении и улучшении эффективности инвестиций в человеческий капитал, делая акцент на улучшении здоровья, образования и профессиональной подготовки работников [15].

Международная организация труда (МОТ)

МОТ применяет экосистемный подход, фокусируясь на устойчивом развитии рынков труда. МОТ также активно сотрудничает с государственными учреждениями, помогая выстраивать системы управления персоналом, устойчивые к кризисам. Организация продвигает рекомендации для улучшения условий труда, повышения инклюзии и создания равных возможностей. Среди ключевых направлений МОТ рассматривает экосистемный подход как средство преодоления социально-экономических вызовов и адаптации кадровых систем к изменяющимся условиям, включая цифровизацию и экологические факторы. Основные акценты сделаны на устойчивость и инклюзивность рабочих мест [16].

МОТ активно развивает проекты, такие как «Decent Work Agenda», направленные на обеспечение устойчивости рынка труда. Эта инициатива

охватывает разработку политик по улучшению занятости женщин, молодежи и уязвимых групп. МОТ также поддерживает программы, связанные с адаптацией работников и кадровых систем к последствиям цифровизации. Примером может служить инициатива «Future of Work Initiative», которая помогает государствам адаптировать кадровую политику под новые реалии автоматизации и глобализации [17].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)

Экосистемный подход также применяется в сфере общественного здравоохранения, где экосистемы рассматриваются как основа для здоровья и благополучия человека. ВОЗ акцентирует внимание на роли экосистем в обеспечении чистой воды, продовольственной безопасности и климатической стабильности.

ВОЗ использует экосистемный подход в управлении человеческими ресурсами в здравоохранении через стратегию «Health Workforce 2030», которая направлена на развитие устойчивой и интегрированной системы кадров для здравоохранения. Основные элементы подхода включают:

– Системное мышление: Рассмотрение человеческих ресурсов как части более широкой экосистемы, где задействованы различные заинтересованные стороны, включая государственные структуры, профессиональные ассоциации и гражданское общество.

– Интегрированный подход: Поддержка политики и программ, которые обеспечивают равный доступ к качественным медицинским услугам, справедливые условия труда для работников здравоохранения, включая защиту их прав и предотвращение дискриминации.

– Международное сотрудничество: Акцент на этичном привлечении и распределении кадров на глобальном уровне, в том числе через Кодекс практики ВОЗ по международному набору работников здравоохранения.

– Гендерное равенство: Признание роли женщин, составляющих 67% работников здравоохранения, и важности создания условий для равноправного участия женщин и молодежи.

Кроме того, программа «Working for Health», реализуемая совместно с МОТ и ОЭСР, направлена на трансформацию кадрового потенциала в здравоохранении и достижение целей устойчивого развития (например, повышение уровня образования, гендерное равенство и экономический рост) [18].

Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)

Экосистемный подход ОЭСР широко применяется в контексте государственного управления для решения сложных, взаимосвязанных проблем (так называемых «wicked problems») и улучшения взаимодействия различных участников и организаций. В рамках этого подхода акцент делается на необходимость системного мышления, совместного создания решений и адаптации к сложным условиям.

1. Подход к решению сложных проблем. ОЭСР использует экосистемный подход для управления «wicked problems», которые не поддаются традиционным линейным методам анализа. Такой подход предполагает создание "систем инноваций", где различные заинтересованные стороны,

включая правительства, местные сообщества и частный сектор, объединяются для выработки системных решений. Это требует диагностики текущих усилий, выявления пробелов и разработки стратегий их устранения. Например, онлайн-инструмент ОЭСР для системных изменений помогает сообществам и правительствам анализировать усилия и улучшать их согласованность для достижения эффективных результатов [19].

2. Школа экосистемного подхода. В рамках инициативы «Ecosystem School 1.0» проводились обучающие программы, направленные на внедрение экосистемного мышления и методов совместной разработки. Участники программы, включая представителей государственных структур и исследователей, совместно создавали инструменты и решения для улучшения взаимодействия внутри экосистем. Программа также демонстрировала важность укрепления сетей и понимания ценности экосистемного подхода для всех участников [20].

3. Практическое применение экосистемного подхода. На практике ОЭСР рекомендует использовать экосистемный подход для реализации национальных программ и политики. Особое внимание уделяется развитию сетей взаимодействия, созданию тестовых площадок и совершенствованию механизмов измерения влияния программ. Такой подход способствует долгосрочным изменениям, устойчивости и интеграции инноваций в систему государственного управления [21-22].

Экосистемный подход служит основой для реализации человекоцентричных принципов, обеспечивая гармоничное взаимодействие человека с окружающей средой и социальной системой. Оба подхода стремятся к долгосрочной устойчивости через признание взаимозависимости человеческого благополучия и экосистемных процессов.

Таким образом, экосистемный подход к управлению персоналом - это всеобъемлющая и адаптивная концепция, учитывающая сложность организационной среды. Принимая во внимание внешние и внутренние факторы, специалисты по управлению персоналом могут создавать более гибкие, инновационные и устойчивые методы управления персоналом, которые не только отвечают целям организации, но и оказывают более широкое влияние на общество. Такой подход способен революционизировать управление персоналом за счет создания совместных, инклюзивных и ориентированных на будущее рабочих мест.

Выводы

Результаты исследования показывают, что внедрение экосистемного и человекоцентричного подходов в государственное управление Казахстана может значительно повысить эффективность работы государственных органов. Применение экосистемного подхода способствует созданию гибкой и адаптивной системы управления персоналом, интегрируя государственные учреждения, бизнес-сообщество и образовательные организации. Такой подход позволяет учитывать множественные факторы, влияющие на развитие человеческого капитала, что способствует формированию устойчивой и конкурентоспособной государственной службы. Человекоцентричный подход,

в свою очередь, направлен на повышение уровня мотивации и вовлеченности сотрудников, улучшение условий труда и создание возможностей для профессионального роста, что положительно сказывается на общей производительности государственных служащих.

Подходы международных организаций, таких как ОЭСР, Всемирный банк, Международная организация труда (МОТ) и Программа развития ООН (ПРООН), подтверждают важность интеграции экосистемного и человекоцентричного управления персоналом. ОЭСР ориентируется на развитие цифровых инструментов для кадрового администрирования, внедрение принципов гибкости и инклюзивности в государственном секторе. Всемирный банк акцентирует внимание на системных реформах, ориентированных на эффективность и устойчивость кадровой политики. МОТ продвигает стандарты достойного труда, социального обеспечения и профессионального роста государственных служащих. ПРООН фокусируется на адаптации государственных институтов к быстро меняющимся условиям, усилении межсекторного сотрудничества и интеграции инновационных HR-решений. Эти практики могут быть использованы Казахстаном для модернизации кадровой системы в государственном управлении и повышения его конкурентоспособности.

Частичная реализация данных подходов уже наблюдается в Казахстане. В последние годы в государственном управлении внедряются цифровые технологии для автоматизации HR-процессов, создаются механизмы поддержки профессионального развития государственных служащих, а также внедряются принципы оценки эффективности деятельности госслужащих. При этом стоит отметить, что некоторые методики оценки, такие как 3600, показали свою неэффективность на государственной службе, где наблюдается постоянный недостаток кадров и небольшие подразделения по составу работников, что приводит к необъективной завышенной оценке, связанной с боязнью потерять кадры. Для полноценного внедрения экосистемного и человекоцентричного подходов необходимо расширение существующих инициатив, усиление межведомственного сотрудничества и адаптация лучших международных практик в соответствии с национальными особенностями.

Для эффективной реализации в полном объеме данных подходов в Казахстане необходимо комплексное реформирование кадровой политики, включающее развитие цифровых инструментов для управления персоналом, внедрение гибких моделей работы, усиление образовательных инициатив и программ профессионального развития. Обобщая, можно выделить следующие направления развития управления человеческими ресурсами на государственной службе Казахстана:

1. Фокус на человекоцентричность – усиление внимания к благополучию и мотивации сотрудников госслужбы приведет к увеличению их вовлеченности и эффективности работы.
2. Влияние международного опыта – применение наилучших практик международных институтов развития позволит адаптировать кадровую политику к современным вызовам и требованиям.
3. Роль цифровых технологий – расширение возможностей используемых

цифровых решений в управлении персоналом, что будет способствовать прозрачности, удобству и ускорению административных процессов.

4. Гибкость и адаптивность управления – государственные органы должны быть готовы к быстрым изменениям, адаптируя кадровую политику к новым социально-экономическим условиям.

В реализации данных направлений можно предложить следующие рекомендации:

1. Углубление стратегии, ориентированной на долгосрочное развитие кадрового потенциала государственных служащих с учетом экосистемного и человекоцентричного подходов.

2. Развитие межсекторального сотрудничества – установление партнерских отношений между госорганами, университетами и школами для подготовки кадров для государственной службы. Управление персоналом в государственном секторе Казахстана должно рассматриваться как часть широкой экосистемы, включающей образовательные учреждения, бизнес-сообщество и гражданский сектор.

3. Внедрение современных HR-технологий – автоматизация процессов подбора, оценки и обучения персонала с применением искусственного интеллекта и больших данных.

4. Формирование культуры постоянного обучения – внедрение программ профессионального развития и повышения квалификации для государственных служащих с утверждением минимальных накопительных объемов и сроков обучения.

5. Мониторинг и оценка эффективности – регулярный анализ показателей удовлетворенности сотрудников, производительности и вовлеченности. Необходимо пересмотреть существующие критерии оценки деятельности государственных служащих, учитывая их реальное владение компетенциями и исполнительской дисциплины.

6. Повышение прозрачности и инклюзивности кадровой политики – развитие системы конкурсов на государственные должности, расширение перечня претендентов по внеконкурсному набору на низовые и некоторые руководящие позиции, продвижение гендерного равенства и учет интересов различных социальных групп.

Применение этих подходов позволит Казахстану создать более устойчивую, инновационную и эффективную систему государственного управления, способную адаптироваться к глобальным вызовам и соответствовать международным стандартам.

Статья подготовлена в рамках научного проекта ИРН BR24993258 «Экосистемный подход к управлению человеческими ресурсами на государственной службе на основе принципа человекоцентричности с применением цифровых инструментов» программно-целевого финансирования на 2024-2026 годы, финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Список литературы

1. Health workforce 2030: global strategy on human resources for health: brochure [Электронный ресурс] / Всемирная организация здравоохранения. – Женева, 2023. – URL: <https://www.who.int/publications/m/item/health-workforce-2030--global-strategy-on-human-resources-for-health-brochure> (дата обращения: 19.11.2024).
2. One Health: A holistic approach to health and well-being. Weekly Epidemiological Record. Vol. 98, Nos. 48/49, 621–652 [Электронный ресурс] / Всемирная организация здравоохранения. – Женева, 2023. – URL: <https://www.who.int/publications/i/item/who-wer9848-49-621-652> (дата обращения: 19.11.2024).
3. Employment, decent work for all and social protection [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – 2023. – URL: <https://sdgs.un.org/topics/employment-decent-work-all-and-social-protection> (дата обращения: 18.11.2024).
4. Bertalanffy L. General System Theory: Foundations, Development, Applications. – New York: George Braziller, 1968. – 295 p.
5. Moore J.F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition // Harvard Business Review. – 1993. – Vol. 71. – № 3. – P. 75–86.
6. Moore J.F. The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems. – New York: HarperBusiness, 1996. – 297 p.
7. Gallup. State of the Global Workplace Report: 2022. – Washington, D.C.: Gallup Press, 2022. – 136 p.
8. CEPA strategy guidance note on Ecosystem management. December 2021 [Электронный ресурс] / Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. – Нью-Йорк, 2021. – URL: https://publicadministration.desa.un.org/sites/default/files/cepa-sessions/Strategy%20note%20ecosystem%20management%20December%202021_0.pdf (дата обращения: 18.11.2024).
9. An ecosystem approach to disaster risk reduction: the challenges of multi-level governance [Электронный ресурс] / A. Triyanti и др. – 2021. – Режим доступа: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1006256_Triyanti%20et%20al._An%20Ecosystem%20Approach%20to%20Disaster%20Risk%20Reduction-The%20Challenges%20of%20Multilevel%20Governance.pdf (дата обращения: 18.11.2024).
10. Стратегический план ПРООН на 2022–2025 годы [Электронный ресурс] / Программа развития ООН. – Нью-Йорк, 2021. – URL: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2021-09/UNDP-Strategic-Plan-2022-2025-RU.pdf> (дата обращения: 18.11.2024).
11. Казахстан применяет новый региональный подход для реализации принципа ЦУР «Не оставить никого позади» [Электронный ресурс] / Программа развития ООН. – 2023. – URL: <https://www.undp.org/ru/kazakhstan/news/kazakhstan-primenyaet-novyy-regionalnyy-podkhod-dlya-realizacii-principa-cur-ne-ostavit-nikogo-pozadi> (дата обращения: 19.11.2024).
12. Horizon Europe: The EU Research and Innovation Programme [Электронный ресурс] / Европейская комиссия. – 2023. – URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en (дата обращения: 19.11.2024).
13. Horizon Europe strategic plan 2025-2027 [Электронный ресурс] / European Union. – 2023. – URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/6abcc8e7-e685-11ee-8b2b-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 18.11.2024).
14. Инвестиции в человеческий капитал в целях устойчивого восстановления: [Электронный ресурс] / World Bank. – 2023. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/3756266d-5a27-54ad-b688-1a6d72e0c0c5/content> (дата обращения: 19.11.2024).
15. Environment and Sustainable Development [Электронный ресурс] / World Bank. – 2023. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/collections/b4bf83d7-54fa-5a04-bd3d-416a065e038d?spc.sf=dc.date.issued&spc.sd=D ESC&query=afric&scope=b4bf83d7-54fa-5a04-bd3d-416a065e038d> (дата обращения: 19.11.2024).

16. Эффективное управление человеческими ресурсами: современные подходы [Электронный ресурс] / Академия повышения квалификации и переподготовки работников государственного управления. – 2023. – URL: <https://apni.ru/article/8513-effektivnoe-upravlenie-chelovecheskimi-resurs> (дата обращения: 19.11.2024).
17. Future of Work Initiative [Электронный ресурс] / Aspen Institute. – 2023. – URL: <https://www.aspeninstitute.org/programs/future-of-work/> (дата обращения: 18.11.2024).
18. Global strategy on human resources for health: Workforce 2030/ Всемирная организация здравоохранения. – Женева, 2021. – 152 с. – ISBN 978 92 4 151113 1. – URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241511131> (дата обращения: 18.11.2024).
19. Systems approaches to public sector challenges [Электронный ресурс] / Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). – Париж, 2017. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/systems-approaches-to-public-sector-challenges_9789264279865-en (дата обращения: 19.11.2024).
20. Ecosystem School [Электронный ресурс] / Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). – 2023. – URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/ecosystem-school/> (дата обращения: 19.11.2024).
21. Online Tool for Systemic Change [Электронный ресурс] / Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). – 2023. – URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/online-tool-for-systemic-change/> (дата обращения: 19.11.2024).
22. Systems approaches to public sector challenges [Электронный ресурс] / Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). – Париж, 2017. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/systems-approaches-to-public-sector-challenges_9789264279865-en (дата обращения: 19.11.2024).

References:

1. Health workforce 2030: global strategy on human resources for health: brochure [Elektronnyj resurs]. – Zheneva, 2023. – URL: <https://www.who.int/publications/m/item/health-workforce-2030-global-strategy-on-human-resources-for-health-brochure> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
2. One Health: A holistic approach to health and well-being. Weekly Epidemiological Record. – 2023. – Vol. 98, Nos. 48/49, 621–652 [Elektronnyj resurs]. – Zheneva, 2023. – URL: <https://www.who.int/publications/i/item/who-wer9848-49-621-652> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
3. Employment, decent work for all and social protection [Elektronnyj resurs]. – 2023. – URL: <https://sdgs.un.org/topics/employment-decent-work-all-and-social-protection> (data obrashcheniya: 18.11.2024).
4. Bertalanffy L. General System Theory: Foundations, Development, Applications. – New York: George Braziller, 1968. – 295 p.
5. Moore J.F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition // Harvard Business Review. – 1993. – Vol. 71. – No. 3. – P. 75–86.
6. Moore J.F. The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems. – New York: HarperBusiness, 1996. – 297 p.
7. Gallup. State of the Global Workplace Report: 2022. – Washington, D.C.: Gallup Press, 2022. – 136 p.
8. CEPA strategy guidance note on Ecosystem management. December 2021 [Elektronnyj resurs]. – N'yu-Jork, 2021. – URL: https://publicadministration.desa.un.org/sites/default/files/cepa-sessions/Strategy%20note%20ecosystem%20management%20December%202021_0.pdf (data obrashcheniya: 18.11.2024).
9. Triyanti A. i dr. An ecosystem approach to disaster risk reduction: the challenges of multilevel governance [Elektronnyj resurs]. – 2021. – URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents.pdf> (data obrashcheniya: 18.11.2024).
10. Programma razvitiya OON. Strategicheskij plan PROON na 2022–2025 gody [United Nations Development Programme. UNDP Strategic Plan 2022–2025] [Elektronnyj resurs]. – N'yu-Jork, 2021. – URL: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2021-09/UNDP-Strategic-Plan-2022-2025-RU.pdf> (data

- obrashcheniya: 18.11.2024).
11. Programma razvitiya OON. Kazakhstan primenyaet novyj regional'nyj podhod dlya realizacii principa CUR «Ne ostavit' nikogo pozadi» [UN Development Programme. Kazakhstan applies a new regional approach to implement the CSD principle of “Leaving no one behind”] [Elektronnyj resurs]. – 2023. – URL: <https://www.undp.org/ru/kazakhstan/news/kazakhstan-primenyaet-novyy-regionalnyy-podkhod-dlya-realizacii-principa-cur-ne-ostavit-nikogo-pozadi> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
 12. Horizon Europe: The EU Research and Innovation Programme [Elektronnyj resurs]. – 2023. – URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/funding/funding-opportunities/funding-programmes-and-open-calls/horizon-europe_en (data obrashcheniya: 19.11.2024).
 13. Horizon Europe strategic plan 2025-2027 [Elektronnyj resurs]. – 2023. – URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/6abcc8e7-e685-11ee-8b2b-01aa75ed71a1/language-en> (data obrashcheniya: 18.11.2024).
 14. Investicii v chelovecheskij kapital v celyah ustojchivogo vosstanovleniya [Investing in human capital for sustainable recovery] [Elektronnyj resurs]. – 2023. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/3756266d-5a27-54ad-b688-1a6d72e0c0c5/content> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
 15. Environment and Sustainable Development [Elektronnyj resurs]. – 2023. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/collections/> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
 16. Akademiya povysheniya kvalifikacii i perepodgotovki rabotnikov gosudarstvennogo upravleniya. Effektivnoe upravlenie chelovecheskimi resursami: sovremennye podhody [Academy of advanced training and retraining of state management employees. Effective management of human resources: modern approaches] [Elektronnyj resurs]. – 2023. – URL: <https://apni.ru/article/8513-efektivnoe-upravlenie-chelovecheskimi-resurs> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
 17. Future of Work Initiative [Elektronnyj resurs]. – 2023. – URL: <https://www.aspen-institute.org/programs/future-of-work/> (data obrashcheniya: 18.11.2024).
 18. Global strategy on human resources for health: Workforce 2030. – Zheneva, 2021. – 152 s. – ISBN 978 92 4 151113 1. – URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789241511131> (data obrashcheniya: 18.11.2024).
 19. Systems approaches to public sector challenges [Elektronnyj resurs]. – Parizh, 2017. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/systems-approaches-to-public-sector-challenges_9789264279865-en (data obrashcheniya: 19.11.2024).
 20. Ecosystem School [Elektronnyj resurs]. – 2023. – URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/ecosystem-school/> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
 21. Online Tool for Systemic Change [Elektronnyj resurs] / Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). – 2023. – URL: <https://oecd-opsi.org/innovations/online-tool-for-systemic-change/> (data obrashcheniya: 19.11.2024).
 22. Systems approaches to public sector challenges [Elektronnyj resurs] / Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). – Parizh, 2017. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/governance/systems-approaches-to-public-sector-challenges_9789264279865-en (data obrashcheniya: 19.11.2024).

Материал поступил в редакцию 14.02.2025
Утвержден к публикации 20.06.2025

